D
810
.C85
B98
A 683526

КАЗАЧЬЯ ТРАГЕДИЯ

ИЗДАНИЕ Н. А. БЫКОВА
НЬЮ ЙОРК — 1939

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга уникальна. Написанная на русском и для русских, она могла никогда не увидеть свет, если бы не Нью-Йоркское издательство Н.А.БЫКОВА.

Читателю были предложенны воспоминания одного из «винтиков» Великой войны. Но винтика из фашисткой машины. В нашей литературе воспоминания казаков, добровольно перешедшими на сторону фашисткой Германии — явление редкое. Тем более, что они созданы не профессиональным литератором, а обычным обывателем. Книга написана простым, народным языком и перед читателем ясно вырисовывается одна из трагических страниц истории, истории казачьих формирований в фашисткой Германии, историю их создания и краха.

- Н.Быков
- От издателя
- ВСТУПЛЕНИЕ
- 1-я Глава
- 2-я Глава
- 3-я Глава
- 4-я Глава
- 5-я Глава
- 6-я Глава
- 7-я Глава
- 8-я Глава
- 9-я Глава
- 10-я Глава
- 11-я Глава
- 12-я Глава
- 13-я Глава
- 14-я Глава
- 15-я Глава
- 16-я Глава
- 17-я Глава
- 18-я Глава
- 19-я ГЛАВА
- 20-я Глава
- 21-я Глава

Н.Быков
Казачья трагедия (1940—1945-й г.г.)

Воспоминания руководителя и организатора в г. Ростове и Ростовском округе казачьего освободительного на Дону движения против большевиков.

ИЗДАНИЕ Н. А. БЫКОВА

НЬЮ-ЙОРК 1959

Последний, избранный на Дону, Походный Атаман Казачьих Войск, Генерал Сергей Васильевич ПАВЛОВ

От издателя

Посвящается Дорогому Другу, последнему, избранному на Дону, Походному Атаману Казачьих войск, генералу Сергею Васильевичу ПАВЛОВУ.

Живя много лет на Дону, я, после прихода немцев, был свидетелем организации на Дону казачьяго освободительного движения против большевиков. В г. Новочеркасске таким организатором был войсковой старшина. Сергей Васильевич Павлов, который скрывался под чужой фамилией и работал инженером на заводе «Локомотив», построенном при советской власти недалеко от Новочеркасска. В г. Ростове-же взял на себя роль руководителя и организатора казачьяго освободит, движения г. Адмиралов. Я знал его еще по Новочеркасску, откуда он в 1922-м году вынужден был переехать на жительство в г. Ростов. Во время гражданской войны, мы с ним вместе служили в казачьих партизанских отрядах полк. Чернецова и ген. Е.Ф.Семилетова, а при сов. власти вместе учительствовали в Ростовских школах. Он считался опытным преподавателем и дирижером хора и оркестра. Работу его ценили партийные руководители г. Ростова и это дало ему возможность удачно скрывать свое прошлое и свое антибольшевитское настроение. Я бывал у него в Ростове на квартире, где, с большим риском, под видом музыкальных дел, собирались иногда у него казаки, его единомышленники. На этих тайных сходках они вспоминали старые времена, говорили об ужасном положении казаков и всего населения России при сов. власти и строили всевозможные несбыточные планы на будущее, питая надежду, что, когда-нибудь, и для них наступят «золотые денечки».

Спустя несколько дней, после прихода немцев, я ветретил его на главной улице Ростова в полной казачьей форме и в чине полковника. В разговоре со мной, он сказал, что большинство казаков выжидает «во что все это выльется» и они боятся выступать активно, думая, что, если большевики возвратятся обратно в Ростов, то жестоко расправятся с возставшими и их семьями. Поэтому, г. Адмиралов решил рискнуть и взять на себя роль инициатора казачьяго освободительного движения против большевиков, в надежде, что потом к нему примкнут и другие. Он не хотел пропустить такой, долгожданный, момент объединения казаков, т. к. это было-бы непоправимой ошибкой в борьбе с

мировым коммунизмом. Для представительства перед немцами, он заменил свой гражданский чин Коллежского Советника на военный чин полковника, т. к. немцы совершенно иначе относились к полковникам и генералам, чем к простым офицерам и тем более к гражданским чиновникам.

Во время казачьей переписи, которую провел г. Адмиралов по г. Ростову и Ростовскому Округу, я, как казак Раздорской станицы, тоже зарегестрировался в открытом им Ростовском казачьем Штабе, а потом поступил туда на службу в качестве делопроизводителя. Эта служба дала мне возможность, впоследствии, близко стоять к организации казачьяго движения, следить за его развитием и наблюдать работу всех сотрудников Штаба, а позже проделать со Штабом и весь путь казаков до Италии и Германии, включительно.

Начальник Ростовского казачьяго Штаба, г. Адмиралов, вел очень подробный дневник и записи о работе Донского Войскового Штаба, открытого потом в г. Новочеркасске, с которым он, по своему положению, имел непосредственную связь, а также вел записи своей работы и Ростовского Штаба, всех переживаний и событий, встретившихся на его пути. Г. Адмиралов был уверен, что его записи всех событий, впоследствии, будут ценным материалом и документом для истории казачества, т. к. он был свидетелем последних дней казачества на Дону и его тернистого пути от 1920-го до 1945-го годов, т. е. до второй эвакуации казаков заграницу.

Уезжая из Германии за океан, вместе с различными бумагами и делами Ростовского казачьяго Штаба, г. Адмиралов передал мне для сохранения и свои записи о своей работе и работе Штаба, с правом использовать их и опубликовать, когда я найду возможным и необходимым. Считая записи его очень ценными для истории казачества в борьбе с большевиками, я, как свидетель всех описываемых им событий и сведений, могу подтвердить правильность передач и их освещений, не расходящихся с действительностью и, потому, считаю своим долгом передать его воспоминания всем, интересующимся этой эпохой борьбы Русских людей и особенно казаков с большевиками.

Н. Л. Быков

Донской, Кафедральный, Вознесенский Собор в Новочеркасске.

ВСТУПЛЕНИЕ

Казаки умирают, но не сдаются.

1919-й год подходил к концу. Отгремели орудия и наступила зловещая тишина. Все притаились и с ужасом ожидали назревающих событий. Донские Войсковые части с боем оставили Родной Дон, а вместе с Войсковыми частями уходило и гражданское население. Но не все могли быть так счастливы и уйти от болыпевитских ужасов. Многим пришлось остаться: одним — по болезни, а другим — по семейным или иным обстоятельствам. Оставшиеся, знали, что их ждет ужасная расправа со стороны большевиков: для некоторых немедленный разстрел, а для других высылка на север, на мучительную и медленную смерть. Вскоре, эта гробовая тишина была нарушена отдельными выстрелами и потом послышался страшный рев: это вошла в г. Ростов-на Дону «доблестная красная армия».

Началась зверская расправа с мирным населением. Начали сводить между собой свои мелкие и житейские счеты и старые споры, пошли доносы и выдача на муки всех, принимавших участие в борьбе с большевиками. Кому удалось спастись, бежали из своих городов и станиц, и скрывались в чужих краях под чужими фамилиями. Но на местах оставались их семьи, на долю которых выпали страдания за скрывшихся отцев и братьев.

Спустя некоторое время, когда первая горячка репрессий прошла, люди, видя свое безвыходное и безнадежное положение, стали приспосабливаться к советскому строю. Затаив в душе непримиримую ненависть к поработившей его власти, казаки, как народ свободолюбивый и нетерпящий над собой насилия, приспосабливаясь, все-же старались, где можно, вредить сов. правительству и местным властям: саботировали работы, прятали или уничтожали свой скот и продовольствие, уничтожали в красной армии лошадей и устраивали крушения поездов. Жители Центральной России скорее примирились с большевизмом, но казаки не могли примириться с новыми порядками и отказаться от своих вековых традиций. За свои обычаи и традиции казаки готовы были идти на смерть. На допросах у большевиков старые казаки заявляли: «Умру, но не лишу себя казачьяго достоинства!»

Советское правительство, зная по гражданской войне, что казачество являлось авангардом и оплотом всех, идущих на борьбу с ними, решило с корнем уничтожить казаков и, потому, объявило казачество вне закона. Казаков целыми станицами, в несколько тысяч, под разными предлогами, разстреливали или

отправляли в ссылку, где ставили в тяжелые климатические и жизненные условия, чтобы уничтожить их.

Донская Область, в самом начале большевизма на Дону, была переименована в Северо-Кавказский Край и заселена жителями других губерний.

Особенно, непримиримо, казаки проявили себя во время, так называемой, коллективизации. Они всеми силами сопротивлялись и не вступали в колхозы (коллективные хозяйства).

«Казаки умирали, но не сдавались.»

Они уходили со своих мест с котомками, бросая имущество и под чужимифамилиями, устраивались где-нибудь на жительство, питая ненависть к большевикам и всем, сочувствующим большевизму.

В таких ужасных условиях, прошло более 10-ти лет. Но, начиная с 1932-го года, вскоре после коллективизации, советск. правительство стало готовиться к войне, т. к. коммунист всегда мечтали о мировом коммунизме и мировой революции. Зная, что им без казаков не обойтись, т. к. казачьи войсковые части всегда считались наиболее надежными и устойчивыми, сов. правительство решило, хотя-бы фиктивно, возстановить казачество, «Но из кого?» В ссылках казаки почти все погибли, а на Дону, Кубани и Тереке казаков оставалось немного. Тогда, сов. правительством был издан указ, награждавший званием казака всех, переселившихся на Дон, Кубань и Терек. Из этих, народившихся казаков, и стали формировать воинские части. Но что это были за воинские части, можете себе представить сами. Идет по улице военным строем такая вновь сформированная казачья воинская часть, но вы видите там все национальности: монголов, татар, армян, грузин, евреев и т. п., собранных со всех губерний и областей, казаков-же, настоящих, там почти не видно. Вот такие воинские части именовались казачьими.

Каково-же было настроение у истинных казаков в это время? Не было почти ни одной семьи, в которой не бы-ло-бы высланных или скрывавшихся, поэтому, у всех на уме была только одна мысль: «Когда-же кончится это издевательство и кто поможет освободиться от большевитского ярма!» Для всех было безразлично, помогут ли: немцы, французы, англичане или кто-либо другой, лишь бы был дан толчек и все поднялись бы против большевиков, но сами, русские люди, ничего не могли сделать. Большевики мудро и жестоко проводили свою политику закабаления людей. Интеллигенция и офицерство почти поголовно были уничтожены или высланы. Если на заводе или на фабрике кто-либо из инженеров пользовался уважением или

любовью рабочих, то такой человек был обречен на смерть. Правительство боялось таких людей, т. к. они могли быть вожаками и руководителями разных организаций против сов. власти. Рано или поздно, под тем ли иным предлогом, такой человек арестовывался и исчезал безследно. Шпионство и доносы приняли невероятные размеры. Не только на заводах и фабриках, но и на квартирах имелись шпионы, специальные агенты НКВД, на обязанности которых было следить и доносить на обывателей. Весь народ был опутан шпионскими сетями. Дети доносили на своих родителей и братьев, портреты таких детей вывешивались в школах на стенах, как заслуживающие особенного почета и награды. Шпионами становились, большею частью, люди слабовольные, обремененные большой семьей, или-же желавшие иметь легкую жизнь и пользоваться благами НКВД, хотя такая жизнь для этих людей была тоже недолговечной. Рано или поздно, такие лица уничтожались, т. к. слишком много знали об ужасной работе НКВД.

Вследствии, такой шпиономании, жители России не могли и думать об освобождении от большевиков своими силами, без внешнего толчка.

Таково было настроение и положение советского обывателя до прихода немцев на Дон.

Но обиднее всего было то, что народ знал, что Центральная Россия, Дон, Кубань и Кавказ попали в большевитское ярмо не силою оружия большевиков и не талантами их вождей: Ленина, Троцкого, кузнеца Ворошилова и табунщика Буденного, а вследствие ошибок и неправильной политики антибольшевистких вождей. Рейды и набеги в тыл большевиков каваллерийских частей (ген. Мамонтова, ген. Шкуро и др.) приносили не пользу, а только вред своим поведением среди населения во время набегов. Кроме того, постоянные споры антибольшевистских военноначальников: кому быть Главнокомандующим, кому какой занимать высокий пост и кому первому въезжать в Москву «на белом коне:: казакам или добровольцам, также были отрицательными явлениями в борьбе с большевиками, и, в конечном счете, привели к ужасной трагедии: потере на долгие годы дорогой и горячо любимой Родины.

1-я Глава

Наступил 1939-й год. Весть о начале немцами войны с Польшей была принята всеми русскими людьми с великой радостью и надеждой. Все думали, что наступил час избавления от большевиков.

Казаки во вторую мировую войну не сражались с англичанами, французами и американцами, но и немцев они тоже не считали своими друзьями, т. к. слышали о тех насилиях, какие творили они в завоеванных ими странах. Да и у себя, на Дону, казаки, потом, видели их несправедливое и жестокое обращение с населением. Но все-же надеялись, что большевики будут разбиты немцами и Россия свергнет большевитское иго. Если-же будут разбиты немцы, то англичане и французы, как старые союзники, по первой мировой войне, которых русские войска много раз спасали от гибели, поймут, что такое коммунизм и какую угрозу он представляет всему миру, и потому, рано или поздно, вместе с казаками пойдут войной против большевиков.

22-го июня 1941-го года все население России узнало, что Германия объявила войну большевикам. Радость у всех была безгранична. Это был тот долгожданный для всех момент, который давал надежду на спасение от коммунистической тирании.

Реакция народа на объявление Германией войны сов. союзу была двоякая: с одной стороны, у всех было и радостное чувство, связанное с надеждой, что, может быть, Бог поможет освободиться от сов. ужаса, а, с другой стороны, все знали, что война будет ужасной и сов. правительство поставит все на карту, чтобы победить.

Жизнь в сов. союзе была кошмарной и с каждым годом становилась все хуже и хуже. По неоффициальным статистическим сведениям, но достоверным, известно, что до второй мировой войны с немцами, в России, в застенках НКВД, и в ссылках погибло около 42-х миллионов людей. Зверства большевиков доходили до крайних пределов. В Новочеркасске был такой ужасный случай с одним знакомым артистом. Он был женат на русской, родившейся в России, но по происхождению немке. Когда началась война с немцами, этот артист был мобилизован в красную армию, а, в его отсутствие, жену его арестовали как немку и выслали в Сибирь. У них была 2-х летняя дочь, которая оставалась у родителей артиста. Отец его был популярным и уважаемым преподавателем в Новочеркасске. После высылки жены в Сибирь, на квартиру родителей артиста

явились агенты НКВД и насильно отобрали девочку. Не смотря на мольбу и просьбы стариков, ставших перед агентами на колени с просьбой оставить им девочку, агенты были неумолимы. Они отняли девочку и отправили в другой, какой-то город, в детский сад. При той «неразберихе» и безконечной переброске детей из одного приюта в другой, по всему необъятному сов. союзу, это означало для родителей потерю этого ребенка навсегда. Так оно и случилось. Когда отец девочки вернулся из красной армии домой, то он не нашел и следов ее. Показывая фотографическую карточку дочери, он, со слезами на глазах, говорил: «Это все, что осталось от моей дорогой девочки!» Жена его тоже погибла в Сибири.

Жизнь в концентрационных лагерях уже много раз описывалась в различных воспоминаниях лиц, лично перенесших на себе невероятные ужасы. Подобные кошмары не поддаются описаниям и не верится, что они могли быть в действительности, а не есть плод фантазии автора. Такие ужасы можно видеть только во сне и не скоро придти в себя от такого кошмара. Лица, высланные на крайний север, часто жили в брезентовых палатках, при страшных морозах с ветром, работали по 16ть часов в сутки, при самом плохом питании, спали на снегу и замерзали. Физические страдания этих несчастных увеличивались еще тем, что они высылались без права переписки с родными. Такая жизнь в полной оторванности и неизвестности о судьбе своих родных, сильно угнетала их и подрывала последние силы, а родные их также страдали, не зная, где доживает свои последние дни дорогой им человек.

Между тем, наступление немцев шло быстрыми шагами и с большим успехом для них. Русские города сдавались немцам один за другим, почти без сопротивления. Сов. правительство в течении 25ти лет заверявшее население, что все лишения народ вынужден переносить только потому, что правительство крепит свою мощь, чтобы дать отпор западным капиталистам, на деле оказалось несостоятельным: не было боевых припасов, продовольствия и перевязочного материала для раненных. Красноармейцы массами сдавались в плен немцам. Положение сов. правительства было критическим: фронт приближался все ближе и ближе к Дону, Волге и Кавказу.

Желая скрыть от народа свое поражение и стремимительное отступление армии, правительство конфисковало все радио-приемники. Но некоторые лица ухитрялись ловить последние известия из заграницы самодельными приемниками. Слухи о победах немцев распространялись с быстротой молнии и народ с нетерпением ожидал прихода немцев. Все население воспряло

духом. То здесь, то там, появлялись скрывавшиеся казаки, и затеплилась надежда на возвращение сосланных. Слухи о поражении большевиков подтверждались еще тем, что через Ростов началось массовое, паническое, бегство командного большевитского состава «доблестной красной армии», которая собиралась воевать только на чужой земле.

В таком положении протекало время до 19-го ноября 1941-го года, когда пал г. Таганрог и на Ростов немцы стали делать частые и большие воздушные налеты.

Наконец, 21-го ноября 1941-го года, после усиленной бомбардировки, г. Ростов был взят немцами «с налету», почти без сопротивления большевиков. Но, так-как всем было видно, что немцы заняли город небольшими силами и едва-ли долго продержатся в нем, то народ вел себя осторожно, а казаки не выступали активно против большевиков.

Так и случилось. Пробыв в Ростове только 7–8 дней, немцы возвратились обратно в Таганрог, а 30-го ноября, на разсвете, в Ростов возвратились большевики.

Первый день прошел благополучно. Большевики занялись вылавливанием, оставшихся в городе, немцев, но на следующий день, началась расправа с мирным населением. Пошли доносы соседей друга на друга и сведение всевозможных счетов. Большевики стали обходить, прежде всего, те квартиры, где стояли постоем немецкие командиры войсковых частей со своими Штабами, в надежде найти там какие-нибудь, брошенные или забытые немцами военные планы или документы. Хозяев этих квартир, немедленно, арестовывали за сношения с немцами (хотя-бы и не было таковых, да народ и не говорил по немецки) и отправляли в НКВД.

Такой-же участи не избежал и г. Адмиралов. 1-го декабря 1941-го года он был арестован, по доносу одного из его друзей, доктора медицины, П. В. Жданова. У последнего на квартире стоял постоем немецкий генерал, начальник танковой дивизии со своим Штабом и когда к Жданову явились агенты НКВД для обыска и его ареста, обвиняя его в сношении с стоящим у него постоем немецким генералом, то он, спасая себя, заявил, что он скрывался и генерала не видел, но вот рядом живущий, г. Адмиралов, сам пригласил к себе на квартиру немецких мотоциклистов (обслуживавших Штаб генерала), с которыми он кутил, пел песни и т. Адмиралов был, немедленно, арестован и отправлен в НКВД, откуда он спасся только чудом. Когда немцы вошли в город, на чердаке своей квартиры он спрятал две еврейские семьи: его приятелей, инженеров и музыкантов. После ухода немцев из Ростова, когда эти инженеры узнали об аресте г.

Адмиралова, они немедленно, пошли в НКВД и сообщили, что этот донос доктора Жданова является сплошной ложью, т. к., имея у себя на чердаке скрывавшихся евреев, за что грозила немедленная смерть, он никогда не решился бы пригласить к себе на квартиру немцев.

Находясь в НКВД, г. Адмиралову пришлось видеть там ужасные картины. Когда привезли его в НКВД и втолкнули в камеру для смертников N41-й, то там он увидел, сидящего в углу одного молодого человека, приведенного сюда раньше. Когда они познакомились, этот молодой человек сообщил ему свою биографию и свои переживания. Он был членом коммунистической партии и окончил Политехнический Институт в Новочеркасске. После окончания Института, он, как член партии, был назначен главным инженером военного завода на ст. Никитовка (это был известный, в старое время, в России ртутный завод). При сов. власти этот завод работал все время слабо и не выполнял заданий правительства, но с его назначением, завод стал перевыполнять план и за такой успех этот инженер был несколько раз премирован. Когда была объявлена война с немцами, он пошел на фронт добровольцем, хотя, как главный инженер, имел освобождение от мобилизации. На фронте он был назначен командиром тяжелой батарреи, отличился в боях и также получил награду. Но, спустя немного времени, по вине одного из его начальников, его батаррея была окружена немцами и в упор разстреляна. Ему удалось скрыться и долго блуждать по Украине. Но, все-же, он был пойман немцами и взят в плен. Пережив все ужасы немецкого плена, с большим риском, ему удалось бежать из плена и вернуться в Ростов к родителям, чтобы, потом, опять отправиться на фронт. Но соседи по квартире, узнав, что он вернулся, сейчас же, донесли в НКВД, сказав, что он сам бежал с фронта, и его арестовали. На допросах его ужасно били, обвиняя в том, что он вернулся, намеренно, с заданием от немцев. Как этот несчастный не доказывал ложь доноса и обвинения, ничто его не спасло и он был разстрелян. Он просил всех, сидевших с ним в камере, кому удастся выбраться отсюда живым, сообщить его родителям обо всем, им пережитом.

В этой камере N41-й сидел еще один арестованный, официант Ростовского ресторана. Он был мобилизован местным исполкомом вместе с другими на рытье окопов вокруг Ростова. Но, вскоре, налетели немцы, окружили их отряд и забрали в плен. Ему удалось бежать из плена и вернуться домой. Соседи по квартире также донесли в НКВД, обвиняя его в сношении с немцами. Он был арестован и присужден к высылке на север на Ють лет.

В такой обстановке, г. Адмиралову пришлось просидеть 22 дня, ежедневно, ожидая разстрела и подвергаясь ужасным допросам «с пристрастием и побоями». В один из таких допросов, за отказ подписать ложный протокол допроса, следователь выбил ему 2 зуба.

Против камеры N41-й, где находился г. Адмиралов, была камера для женщин, уже приговоренных к расстрелу. Эти несчастные жертвы были арестованы тоже по лживым доносам соседей, сводивших с ними различные счеты. По несколько раз в день, их вызывали на допросы, били самым ужасным образом: ножками от столов и стульев, перебивали им ребра, ругали, конечно, при этом площадною бранью, и потом притаскивали и бросали в эту камеру смертников. Этим, приговоренным к разстрелу, женщинам давался 3-х дневный срок для подачи прошения о помиловании. Но это было насмешкой над правосудием и издевательством над бедными женщинами. Прошение нужно было посылать в Москву к Калинину, а Ростов был, совершенно, отрезан немцами от Москвы. Приговоренные к разстрелу женщины, все-же, как утопающий хватается за соломинку, так и они на что-то надеялись и просили у часового-чекиста бумаги и карандаш, чтобы написать прошение о помиловании. Но в ответ они слышали от часового только ругательства и слова: «Какую тебе бумагу и кому ты будешь писать: все равно завтра тебя разстреляем!» Несчастные женщины падали на пол в ужасной истерике, но на часового это не производило никакого впечатления.

22-го декабря 1941-го года следователь вызвал на допрос г. Адмиралова и поиздевавшись над ним, вдруг объявил ему: «Ну, хотя мы знаем, что у вас в доме собирались всякие «контрики и поты», но мы решили вас пока отпустить!»

Этот приговор ошеломил своею неожиданностью г. Адмиралова. Находясь в камере смертников, куда приносили людей, избитых до полусмерти во время допросов, с оторванными ушами, перебитыми носами и поломанными ребрами, а также приговоренных к разстрелу, все, сидевшие в этой камере и видевшие эти ужасы НКВД, были уверены, что их отсюда живыми не выпустят и, в лучшем случае, отправят в ссылку. Поэтому, такой приговор поразил г. Адмиралова. Он не знал о ходатайстве за него евреев, спасенных им при немцах.

Было около 12-ти часов ночи, когда его вывели за ворота НКВД. На дворе была сильная слякоть и темнота. Он поблагодарил Бога за чудесное избавление от смерти и попытался идти, но почувствовал, что ноги ему не повинуются и он вынужден был сесть в изнеможении на тротуар. На его счастье, в

это время мимо проходил какой-то железно-дорожный рабочий, который подошел к нему и, узнав, что это выпущенный на свободу из НКВД, удивился такому редкому случаю в истории НКВД, чтобы оттуда выпускали человека живым, т. к. все, попавшие туда, разстреливались или отправлялись в ссылку. Этот рабочий, взяв г. Адмиралова под руку, повел его домой.

Встреча с родными была потрясающая. Они уже не надеялись видеть его когда-нибудь живым. Все рыдали и с ужасом смотрели на него, заросшего бородой, грязного и сидевшего без движения. На другой день, он окончательно слег в постель, получив от нервного потрясения легкий паралич ног.

Прошло около 6-ти месяцев от первого захвата немцами Ростова и 24-го июля 1942-го года немцы, после больших воздушных бомбардировок и боев, вошли в г. Ростов во второй раз. Теперь они взяли город основательно и хотя бои еще шли под Ростовом за Доном, но видно было, что большевики разбиты и с немцами им трудно справиться. В Ростов вошли большие силы их с огромным количеством аэропланов, танков, снаряжения и т. п. Первыми вошли в Ростов словаки, которым город был отдан на 3 дня на разграбление. Словаки вели себя ужасно и грабили всех поголовно. Не избежал этой участи и г. Адмиралов. У него словаки взяли очень много ценных вещей. Взяли даже 2 старинные и ценные скрипки, особенно дорогие ему по воспоминаниям.

Наконец, через 2 дня в город вошла регулярная немецкая армия, которая вела себя более корректно, хотя иногда и немцы вели себя грубо и жестоко. За одного убитого немца они на месте разстреливали 50 человек, совершенно неповинных в этом преступлении. Но в этом больше были виновны коммунисты, намеренно, оставленные для провокационных работ. Они, бесцельно, убивали проходящих, одиночных, немцев, не считаясь с тем, что за это будет разстреляно 50 невинных граждан.

В это время, в районах сов. партизаны делали набеги, грабили и убивали население. Немцы на это мало обращали внимания. Они все время стремились вперед, чтобы поскорее захватить Кавказ и пробиться к Волге. Поэтому, необходимо было организовать какую-то защиту населения от этих разстрелов и организовать отряды по борьбе с налетами и грабежами партизан.

Г. Адмиралов, к этому времени, уже оправившийся от своей болезни, решил взять на себя инициативу в организации населения и особенно казаков для борьбы с коммунистами, оставленными в городе. Он хорошо анал настроение казаков. Они готовы были выступить на борьбу с большевиками, но, т. к. бои немцев шли еще за Доном под Ростовом, то открытое

выступление против коммунистов было очень рискованным шагом. В случае возвращения большевиков обратно в Ростов, хоть на несколько часов, все, восставшие против сов. власти, по доносам соседей, погибли-бы вместе со своими семьями. Но пропустить такой подходящий момент объединения казаков и всех, недовольных сов. властью на восстание против них, было-бы непоправимой ошибкой в борьбе с большевизмом.

Г. Адмиралов, выступив активно против большевиков, шел «на риск», но, зная казачью «натуру», он надеялся, что своим выступлением и примером может увлечь и других людей, особенно казаков, примкнуть к этому освободительному движению.

Но, прежде чем, говорить о начале борьбы с коммунистами, нужно проанализировать каковы были взаимоотношения казаков с немцами.

Немцы, определенно, не доверяли казакам, как и всем другим, покоренным ими народам, и, потому, особенно в начале, немцы не давали казакам оружия и оффициально не разрешали организовывать самостоятельные боевые отряды. Да казаки и не стремились к этому, т. к. слышали от других, как немцы жестоко обращаются с покоренными народами, и у себя, на Дону, видели от некоторых немецких комендантов (особенно, так называемых, партийных фазанов) грубое и жестокое к себе отношение, а иногда и рукоприкладства. Поэтому, казаки решили выступать против большевиков не с целью помочь немцам, а только вследствии необходимости, и потому, что у них за все годы сов. власти слишком много накипело ненависти к большевикам, хотя они наперед знали, что и от немцев нельзя было ожидать хорошей жизни.

Немцы же, в свою очередь, понимали, что казаки, как ненавидевшие сов. власть, могут быть им полезными в тылу и, потому, стали, хоть и с неохотой, разрешать казакам вооружаться для борьбы с большевиками, но оружие давали только старое и то в ограниченном количестве.

Таким образом, началось казачье освободительное движение на Дону против большевиков. В станицах и хуторах находился какой-нибудь офицер или урядник, который с разрешения местного немецкого коменданта собирал группу казаков и, получив от него какое-нибудь оружие, действовал «за свой страх и риск». Но все это были мелкие разрозненные отряды, которые выступали против большевиков только в пределах своих станиц. Они не имели никакой связи с другими отрядами и поэтому не представляли какой-либо реальной силы.

Ясно было видно, что нужно было лицо, которое объединило

бы эти отдельные отряды и руководило-бы их борьбой с большевиками.

2-я Глава

Итак, г. Адмиралов решил выступить в Ростове в качестве инициатора казачьяго освободительного движения против большевиков. Еще в гражданскую войну, с 1918-го года, он б(ыл участником партизанского движения на Дону в отрядах полк. Чернецова и ген. Е. Ф. Семилетова. В 1920-м году, вследствии заболевания сыпным тифом на Кубани, ему не удалось уйти с казачьими частьями в эмиграцию. По возвращении-же на Дон, он был арестован в Новочеркасске за участие в партизанских отрядах и приговорен к высылке на север Особым Отделом проходящей воинской сов. части, т. к. ГПУ, в то время, в Новочеркасске было еще в стадии организации. По ходатайству учебных заведений г. Новочеркасска, где он много лет работал преподавателем, и по ходатайству Ветеринарного Института, который он должен был, вскоре, окончить, а в красной армии, в это время, был недостаток ветеринарных врачей и свирепствовали сап и чесотка, г. Адмиралов был амнистирован и оставлен в г. Новочеркасске. Но, считая для себя дальнейшее пребывание в том городе опасным, он счел за лучшее скрыться оттуда. В 1922-м году, он переехал на жительство в г. Ростов. Здесь, по его профессии преподавателя и дирижера оркестра, ему приходилось, все время вращаться среди рабочих, а в Ростове, в это время, скрывалось очень много казаков, которые работали на заводе «Красный Аксай», а позже и на заводе «Ростсельмашстрой».

Казаки, зная г. Адмиралова еще по Новочеркасску и, скрывавшиеся в Ростове, тайно группировались около него, собираясь иногда у него на квартире, под видом музыкальных репетиций и устройства концертов. Они, как говорили на Дону «шушукались», т. е. шептались, изливая свои горести и обиды и не теряли надежды, что когда-нибудь наступят «хорошие денечки» и на их стороне. Конечно, ни о каких активных выступлениях и возстаниях против большевиков, в тех условиях, не могло быть и речи, но, по мере возможности, они саботировали работу, вредили на заводах и фабриках и радовались, как дети, когда им удавалось «насолить», хоть чем-нибудь большевикам.

Живя в СССР, г. Адмиралов, с нетерпением, как и другие, ожидал какого-нибудь удара «извне», чтобы выступить активно, но он видел, что все были так запуганы, что нельзя было надеяться на какое-нибудь возстание.

Нужна была сильная рука, которая могла бы возглавить это движение. Но такой руки не было видно, да и не могло быть, при

тех условиях. Большевики, предусмотрительно, старались уничтожать всех, кто мог быть, по их мнению, вожаком или руководителем какого-либо восстания против сов. власти.

Встречаясь с казаками и видя у большинства из них подавленное состояние духа, г. Адмиралов старался внушать им бодрое настроение.

24-го июля 1942-го года, как уже было сказано раньше, немцы крупными силами заняли г. Ростов во второй раз.

Спустя несколько дней, после занятия города, г. Адмиралов взял на себя, самочинно, роль инициатора и организатора в Ростове казачьего освободительного движения против большевиков. Надев казачью форму, он пошел по городу, чтобы тем самым показать, что казаки в Ростове не перевелись и не боятся болыневитской пули из-за угла или из подворотни, хотя всем было известно, что в городе сов. правительством было оставлено много коммунистов для наблюдения за поведением населения и с провокаторскими целями.

На первое время, он решил вступить в связь с немцами и, по возможности, выступать перед ними в защиту казаков и других обывателей города при возникновении различных инцидентов, а таких было не мало. Кроме того, необходимо было присмотреться к организованным немцами городским учреждениям: бургомистерству, полиции и др., чтобы изучить их работу и узнать много-ли там коммунистов. Наконец, ему нужно было выяснить количество казачьего населения в городе, чтобы объединить их и из их числа выбрать себе помощников.

Имея в виду, в будущем, провести перепись казаков, г. Адмиралов обратился за помощью к своему другу, чистокровному казаку, доктору медицины, И. И. Фролову, сильно пострадавшему от большевиков. Доктор Фролов поступил при немцах санитарным врачем в Ростовское бургомистерство и, ежедневно, имел возможность беседовать с массой посетителей бургомистерства, а потому мог, свободно, делать пока тайную регистрацию казаков. Он с большой охотой согласился помогать казачьему движению.

Прошло около месяца как немцы заняли город. Изучая учреждения и особенно полицию, г. Адмиралов окончательно убедился, что во всех учреждениях имеются коммунисты, оставленные правительством с целью: выявлять противников сов. власти, разлагать население и дискредитировать немцев. Поэтому, он решил, выдавая себя за представителя казаков, начать борьбу с этими оставленными коммунистами. Конечно, в то время, его никто не назначал оффициально представителем казаков, но он считал, что необходимо не пропустить этот момент

и заявить о казачьих правах на Донскую Область, т. к, иначе это было-бы непоправимой ошибкой и преступлением перед казачеством. Но, следует вести все дело так, чтобы не обострять отношений с немцами и с остальным населением г. Ростова, и не уронить казачьего достоинства. Немцы, конечно, видели его работу, но не запрещали. Им было не до того. Им нужно было еще отстреливаться от наседавших из-за Дона большевиков и двигаться дальше. Вскоре, г. Адмиралов получил сведения, что Ростовское бургомистерство относится к казакам с предубеждением и не принимает их на работу. Тогда, он решил проверить эти сведения лично и переговорить с бургомистром по этому поводу.

Ростовским бургомистром, в то время, был назначен немцами один русский гражданин, австрийского происхождения, господин Тикерпу, бывший бухгалтер железнодорожного клуба на Темернике (пригород г. Ростова).

Явившись к бургомистру, как представитель казаков, г. Адмиралов заявил ему, что, по полученным им сведениям, в бургомистерстве к казакам относятся не совсем доброжелательно и, потому, он просит в будущем более корректного отношения к ним и не забывать, что казаки считают себя хозяевами Донской Области и от этих прав никогда не откажутся.

Бургомистр оправдывался и говорил, что эти сведения не сответствуют действительности, т. к. у него даже мать Кубанская казачка, и дал обещание в будущем более внимательно относиться к казакам.

Не то было в полиции. Здесь, была борьба более упорная, трудная и опасная. Большинство ответственных сотрудников полиции были коммунисты. Там была сплоченная их группа. Производя насилия, грабежи и расстрелы мирного населения, они свое поведение объясняли приказами немцев и, тем самым, старались обострить отношения населения с ними.

Посещая полицию, под разными предлогами, г. Адмиралов искал там среди сотрудников казаков, которые мо-гли-бы оказывать ему помощь в его борьбе с коммунистами. Случайно, он встретил там одного следователя полиции из научных работников Университета, о котором он раньше слышал от студентов, как о противнике большевизма. В разговоре с г. Адмираловым, этот следователь признался, что поступил сюда с намерением выявлять коммунистов, мешать их провокационной работе и спасать, по возможности, невинных людей, попавших в их руки. Он указал также на двух следователей из казаков, которые тоже стараются мешать работе коммунистов. В разговоре с г. Адмираловым, эти следователи-казаки подтвердили, что, по

их наблюдениям, полиция явно ведет в городе провокационную работу, и согласились поддерживать с ним постоянную связь в борьбе с большевиками.

3-я Глава

Оффициально работа Ростовского казачьего Штаба по борьбе с большевиками началась с приездом из Берлина некоего г. Сюсюкина от ген. П. Н. Краснова в Ростов. В начале августа 1942-го года к организатору казачьего освободительного движения против большевиков в Ростове, г, Адмиралову, явился на его квартиру какой-то господин с рыжей бородкой и похожий на деревенского дьячка. Не застав его дома, он, назвав свою фамилию Сюсюкин, сказал, что на другой день, обязательно, приедет по очень важному делу.

Оказалось, что г. Адмиралов знал Сюсюкина еще по Новочеркасску. Сюсюкин служил писарем в Земельном Управлении и принимал какое-то участие в казачьих частях во время гражданской войны. После окончания этой войны, они долго не встречались и только незадолго перед приходом немцев, г. Адмиралов, случайно, встретил его в Ростовском трамвае. Они разговорились и Сюсюкин сообщил ему, что живет, в настоящее время, в ст. Богаевской и работает там агрономом и, в свою очередь, спросил его, как он живет. Г. Адмиралов, обрадовавшись, что встретил своего станичника и, думая, что видит и своего единомышленника, откровенно сказал ему, что материально живет не плохо, но, видя, проливающуюся вокруг него, кровь русских людей и, особенно, родных ему казаков, страдает душой. Сюсюкин на это уклончиво ответил: «Ничего, брат, не поделаешь. Дальше, может быть, будет лучше!» На этом они расстались и опять долго не встречались.

Прошло много времени. После первого прихода немцев, случайно, они опять встретились на Садовой улице Ростова. Сюсюкин, увидав г. Адмиралова, идущим на костылях, и, узнав, о причине его ареста, возмутился доносом на него доктора Жданова и выразил ему свое соболезнование. На этом они опять расстались.

На следующий день. 10-го августа, Сюсюкин, как и обещал, приехал на немецкой машине к г. Адмиралову. Он был одет в новый заграничный костюм и в шляпе. Войдя в квартиру, расцеловался с г. Адмираловым, как со своим старым другом и сказал: «Ну, брат, дожили мы с тобой до счастливых дней. Я должен сообщить тебе радостную весть. Я был в Берлине у ген. П.Н.Краснова и привез от него письмо к казакам. Думаю, что ты, как руководитель и организатор Ростовских казаков, примешь участие в казачьей работе!»

Адмиралов ответил, что долго ждал этого момента и,

конечно, рад поработать для Родины и Родного Дона.

Сюсюкин разсказал ему, как он перешел через боевой фронт под Самбэком (армянское село под Ростовом) и как был доставлен немцами в Берлин. Но было заметно, что Сюсюкин что-то путает. Но, в то время, г. Адмиралов не придал этому значения.

Сдавшись немцам, так продолжал разсказывать Сюсюкин, он сказал им, что послан Ростовской подпольной казачьей организацией к ген. П. Н. Краснову и потому просил доставить его в Берлин. Немцы, сначала, отнеслись к нему с подозрением и даже арестовали, но потом, все-же, доставив его в Берлин, представили ген. П.Н. Краснову.

Сюсюкин сообщил генералу, что казаки готовы принять участие в борьбе с большевиками под его руководством и ждут от него распоряжений. Ген. П.Н.Краснов, одобрил это дело и, представив Сюсюкина Гимлеру (одному из главных немецких руководителей), сообщил последнему о таком настроении казаков. Но немцы отнеслись к этому сообщению с недоверием. Они имели другие сведения: казаков на Дону осталось мало, а какое настроение у них нужно еще выяснить и проверить. Поэтому, они решили послать Сюсюкина обратно на Дон с письмом ген. П. Н. Краснова к казакам: объединяться и организовываться, а вместе с Сюсюкиным решили послать на Дон и немецкого представителя, капитана Кубош, который на месте проверил-бы слова Сюсюкина и узнал о количестве, оставшихся в живых, казаков и о их настроении.

Выехав из Берлина, они приехали прежде всего в Ростов и остановились на квартире у художника К-ва, жена которого очень хорошо говорила по немецки и потому могла быть переводчицей. Сюсюкин указал капитану Кубош на г. Адмиралова, как на организатора Ростовских казаков и активного руководителя их, проводившего подпольную работу против большевиков, которого следует привлечь и теперь к этой работе с казаками.

Приехав к г. Адмиралову, Сюсюкин просил его, немедленно, ехать с ним на квартиру художника К-ва, где их уже ожидали, приглашенные для беседы, некоторые, уважаемые в Ростове, казаки и немецкий представитель, капитан Кубош.

На квартире художника К-ва, действительно, их уже ожидали профессора-казаки: Богачев, Иванов, Миллер, доцент Чеботарев, землемер Краснянский и др., а также кап. Кубош. Познакомицшись с г. Адмираловым, капитан Кубош передал ему письмо ген. П.Н.Краснова, отпечатанное во многих экземплярах, в виде обращения к казакам, и, затем, сообщил собравшимся, что он прислан из Берлина проверить слова Сюсюкина, установить

связь с казаками и помочь им в их работе. Он желает лично присутствовать на сборах казаков и лично беседовать с ними. Обо всем этом он должен посылать свои доклады в Берлин и получать оттуда распоряжения на дальнейшую работу. Г. Адмиралову он поручил продолжать работу с казаками и возложил на него ответственную роль руководителя казаков по Ростову и Ростовскому Округу, выдав ему, при этом, пока временное удостоверение на право ведения работ с казаками.

На первое время, по желанию капитана Кубош, решено было заняться проведением казачьих сходов в близ лежащих станицах: Гниловской, Аксайской, Грушевской, Александровской (Кизитеринка), Старочеркасской, Егорлыцкой, а позже и в хуторе Синявском. Одновременно с этим, он выразил желание поехать в Новочеркасск, где предполагалось организовать центр казачьего освободительного движения.

В то время, скрывавшийся там, войск, старш. С.В.Павлов, с разрешения Новочеркасского немецкого Коменданта N, собрав 3 сотни казаков, вел бои с наседавшими большевиками. В Новочеркасске еще не знали о поездке Сюсюкина в Берлин и о возвращении его обратно с письмом от ген. П. Н. Краснова к казакам.

Спустя немного дней, г. Адмиралов, кап. Кубош и Сюсюкин выехали в г. Новочеркасск.

По приезде туда, Сюсюкин, прежде всего, повез всех на квартиру к войск, старш. П.М. Духопельникову, который служил, в это время, в местном исполкоме заведующим торговым отделом и базарами. Раннее-же этого, он служил на заводе имени Никольского, в отделе бухгалтерии, но главная его работа была в Особом Отделе завода, где он выполнял задания НКВД.

На квартире у Духопольникова произошла интересная сцена встречи двух старых соратников по работе в НКВД: Сюсюкина и Духопельникова.

«Ну, Платон Михайлович», сказал Сюсюкин, «говори прямо, будешь ты работать с нами, или нет? Начинается великое дело освобождения казаков от власти коммунистов!»

Духопельников на мгновение задумался, или вернее растерялся от неожиданности, и ответил: «Отдаю себя казачеству!»

Как оказалось впоследствии, это была встреча двух матерых работников НКВД, работавших там, по их собственному желанию, «не за страх, а за совесть». Духопельников имел в НКВД даже особую кличку «Диск». Обо всем этом Сюсюкин знал, т. к., неоднократно, встречался с ним по делам НКВД. Теперь для них наступил острый момент: отказаться от НКВД и переключиться на

работу против большевиков, или-же играть провокаторскую роль на два фронта. Во всяком случае, их работа в Войсковом Штабе была на пользу большевиков.

Сюсюкин разсказал Духопельникову как он попал в Берлин, был у ген. П.Н.Краснова и получил от него письмо к казакам, как вести себя с немцами в это время.

После этого, Сюсюкин поручил Духопельникову провести в Новочеркасске, в самом непродолжительном времени, казачий сбор, на котором должен быть выбран атаман Новочеркасской станицы, а войск, старш. С. В. Павлов, организовавший уже казаков в Новочеркасске на борьбу с большевиками, должен быть избран Походным Атаманом Казачьих войск.

Пробыв в Новочеркасске только несколько часов, приехавшие, вынуждены были вернуться обратно в Ростов, не повидав, к сожалению, войск, старш. С. В. Павлова, т. к. он был на фронте.

По приезде в Ростов, г. Адмиралов просил у капитана Кубош разрешения на ускорение работы с казаками и об открытии казачьего Штаба в г. Ростове. Но на это кап. Кубош ответил, что форсировать работу он не может, т. к. ему поручено Берлином пока изучать на месте казачество и дать эти сведения в Берлин, и только тогда будет дано разрешение на более активную работу с казаками и их вооружении. Руководителю-же Ростовской казачьей организации он поручает пока заняться регистрацией казаков, а также найти сведующих научных работников, которые могли-бы составить доклады на темы о казаках: происхождение, быт, религия, интеллигенция и дворянство, геология Донских земель, культура и искусство, образование, музыка, живопись и т. п. Составлением таких докладов занялись, по поручению г. Адмиралова, известные профессора, знатоки казачества: Богачев, Иванов, Миллер, Краснянский, Чеботарев и др. Они составили доклады, которые, потом, через кап. Кубош были отправлены ген. П.Н.Краснову.

Вскоре, кап. Кубош выразил желание поехать с Сюсюкиным в г. Шахты (Александро-Грушевск) и в отдаленные станицы: Раздорскую, Цимлянскую, Каменскую, Владимирскую и др. В этой поездке они пробыли около месяца и т. к., по видимому, настроение казаков на местах капитан Кубош понравилось, то он, по возвращении в Ростов, разрешил г. Адмиралову открыть оффициально казачий Штаб и выдал ему новое оффициальное удостоверение от немецкого командования на право работы с казаками по г. Ростову и Ростовскому Округу с правом иметь и собственную печать, а сам кап. Кубош отправился на Кубань, чтобы познакомиться и там с казачьей работой.

Имея такое удостоверение от немецкого командования, г.

Адмиралов счел необходимым оффициально представиться Ростовскому немецкому Коменданту, генералу Киттелю, как руководитель казачьей организации в Ростове.

Ген. Киттель принял его очень любезно и г. Адмиралов через переводчика, господина Лысайко, сообщил ему о настроении казаков и просил ген. Киттеля оказывать ему помощь на дальнейшую работу с казаками.

Ген. Киттель произвел очень хорошее впечатление своей простотой и отзывчивостью и, повидимому, остался доволен и руководителем казаков. Выслушав внимательно г. Адмиралова, он в присутствии своего Штаба, обещал со своей стороны полное содействие казачьему освободительному движению, ни к чему не обязывая казаков.

В дальнейшей работе, ген. Киттель всегда принимал г. Адмиралова очень радушно и старался помогать ему в казачьих нуждах. Между прочим, он разрешил провести казачью перепись и без всякой цензуры выпустить в местной газете, бывший «Молот», обращение к казакам по поводу переписи.

4-я Глава

Спустя немного времени, в г. Новочеркасске, согласно задания капитана Кубош, был произведен казачий сбор. на котором собравшимися казаками войск, старш. С. В. Павлов был, единогласно, избран Походным Атаманом Казачьих войск, а за его работу с казаками и успешные бои с большевиками он был произведен в полковники.

После этого, в Атаманском Дворце, возвращенном немцами казакам, был официально открыт Донской Войсковой казачий Штаб. Помощниками Пох. Атамана на этом же казачьем сборе были избраны: по административной части войск, старш. П. М. Духопельников, пропагандистом — Сюсюкин, по укомплектованию и обучению войсковых частей — войск, старш. А. В. Шумков и адъютантом при Пох. Атамане — сотник Плотников.

В проведении этого казачьего сбора одну из главных ролей играли, конечно, Сюсюкин и Духопельников. Но они действовали в своих интересах, как это выяснилось впоследствии, и с определенной целью. Полк. С. В. Павлов, по характеру своему, производил впечатление человека скромного, тихого и потому Духопельников и Сюсюкин надеялись всю работу в Войсковом Штабе захватить в свои руки. Но они в своих разсчетах жестоко ошиблись. Полк. С. В. Павлов был очень умный и тактичный человек. По некоторым своим соображениям и с целью изучить своих помощников, он, в начале, вынужден был терпеть их проделки и намерения захватить власть в Войсковом Штабе. Он ясно видел, что они, по каким-то соображениям, разрушают и дискредитируют казачье дело, к то-му-же, спустя некоторое время, стали доходить слухи об их прежней работе в НКВД.

В Войсковом Штабе образовались натянутые отношения между Пох. Атаманом и его помощниками. Пох. Атаман, полк. С. В. Павлов, из предосторожности, перестал приглашать их с собой на совещания к немецкому Коменданту, как он делал это раньше, и разговаривал с ними только по оффициальным делам.

Вследствии таких взаимотношений, конечно, страдала работа с казаками. Районы не имели связи с Войсковым Штабом, а Походный Атаман не мог посылать в районы своих помощников, т. к. они во время командировок только пьянствовали.

В районах не было никакого плана и руководства. Некоторые районы даже не подчинялись Войсковому Штабу. Каждый хуторской и станичный атаман старались действовать самостоятельно, не считаясь с распоряжениями Пох. Атамана.

Наладить-же свою административную работу полк. С. В. Павлов сам не мог за недостатком времени, т. к. почти все время проводил на фронте в боях с большевиками.

Долго терпел Пох. Атаман провокационную работу Духопельникова и Сюсюкина и в конце концов, вынужден был обратиться к немецкому Коменданту и сообщить ему о прежней работе их в НКВД и о их поведении в настоящее время. Но Комендант на это ответил: «Это ваше казачье дело. Они нам вреда не приносят и потому все это нас не касается!»

Конечно, с точки зрения немцев, они ничего серьезного и опасного для них не делали и комендант был прав, сказав, что это дело казачье и они должны сами поступить, как находят нужным.

Так в составе Войскового Штаба и продолжали оставаться эти два «героя»: Духопельников и Сюсюкин. Только не задолго, перед эвакуацией, полк. С. В. Павлов изгнал их из Штаба, откомандировав, при соответствующей препроводительной бумаге, в Ростовский казачий Штаб.

А что мог с ними сделать Начальник Ростовского казачьего Штаба?

Чуть-ли не ежедневно, приходилось выручать их из полиции, которая подбирала их на тротуаре или в шашлычных, в пьяном виде. Духопельников дошел даже до такой наглости, что присылал в Ростовский Штаб счета из шашлычных для оплаты, подписываясь полным своим титулом: войск, старш., заместитель Пох. Атамана и т. п. Один из таких исторических документов полезной деятельности Духопельникова на Дону хранится у Начальника Ростовского казачьего Штаба, как исторический документ работы Духопельникова «на пользу казачества».

Продолжая свою работу. Ростовский казачий Штаб провел, в начале своей работы, одно большое дело.

Хутор Синявка, по желанию населения этого хутора, в торжественной обстановке, в присутствии Ростовского Коменданта, ген. Киттеля и его Штаба, был переименован в станицу Синявскую с присвоением ей всех станичных прав.

В это-же время был присоединен к Ростовскому Округу и город Азов.

После молебна и торжественной части, станичным правлением новой станицы Синявской, было предложено всем присутствующим обильное угощение, во время которого произносилось много тостов и речей, а, затем, по обычаю, пели казачьи, старинные, песни и плясали традиционного «казачка».

Ген. Киттель остался очень доволен оказанным ему и его Штабу приемом и обещал со своей стороны помощь казачьему освободительному движению и населению новой станицы.

5-я Глава

На свою работу с казаками руководитель Ростовского казачьего Штаба, г. Адмиралов, смотрел как на одно общее дело спасения России и казачества от ига большевиков. Это дело, по его мнению, должно быть сосредоточено в руках одного человека, а таким, достойным человеком, все казаки считали избранного Походного. Атамана, полк. С. В. Павлова. О нем были самые лестные отзывы его сослуживцев в первую мировую и гражданскую войну. Это был честный, стойкий и идейный борец с большевиками и потому казаки не ошиблись, доверив ему свою судьбу, как Пох. Атаману. Начальник Ростовского казачьего Штаба, по своему служебному положению, нередко бывал в Войсковом Штабе, в Новочеркасске, и делал ему доклады о своей работе и планах на будущее время, но Пох. Атаман, выслушивая его внимательно, соглашался и одобрял его работу, но он так был занят своими военными делами, что надеяться на его помощь, или даже совет, нельзя было, и, потому, нужно было расчитывать только на свои силы и искать подходящих помощников.

Однажды, г. Адмиралов отправился в Ростовский Отдел Народного Образования для устройства туда казаков на работу, т. к. были получены сведения, что заведующий Отделом Народного Образования коммунист и к казакам относится с предубеждением и недоброжелательно. Там г. Адмиралов встретил одного молодого и по виду скромного человека, который просил заведующего Отделом Нар. Образования оказать ему помощь в напечатании его стихов на казачьи темы. Заинтересовавшись этим и познакомившись с этим молодым человеком, г. Адмиралов узнал, что перед ним казак по происхождению, г. Д. Он проживал и работал, в настоящее время, в бургомистерстве Батайска (пригород Ростова и железно-дорожный центр ремонта подвижного состава). Г. Адмиралов предложил оказать ему помощь, познакомив с редактором Ростовской газеты, тоже казаком, Вл. И. Поповым. Кроме того, так-как, в это время, в Ростовском Штабе велась подготовка для проведения переписи казаков, то он предложил г. Д. принять участие в Ростовском Штабе в качестве пропагандиста. г. Д. на это согласился.

Прошло немного времени. Однажды, Начальник Ростовского Штаба получил от помощника начальника Ростовской полиции отношение, с предложением придти к нему, с имеющимися документами по переписи казаков, для переговоров о совместном с полицией проведении переписи казаков. Такое приглашение

полиции было впервые. Организованный Ростовский казачий Штаб был самостоятельной казачьей организацией и подчинялся только немецкому Коменданту города, ген. Киттелю и, своему казачьему Войсковому Штабу в Новочеркасске. Кроме того, перепись устраивалась по инициативе Ростовского Штаба и уже имелись для этого разрешения как от ген. Киттеля, так и от Войскового Штаба, на что, собственно говоря, и не требовалась санкция последнего. Поэтому, такое приглашение от полиции можно было совершенно игнорировать, но оно наводило на «некоторые размышления» провокационного характера со стороны полиции, с целью сорвать перепись казаков и, поэтому, г. Адмиралов решил пойти в полицию и узнать в чем дело. Прийдя в полицию, он потребовал свидания с пом. нач. полиции, приславшим отношение Ростовскому Штабу. Тот встретил его очень любезно и показал отношение Донского Войскового Штаба с предписанием ему провести перепись казаков совместно с Ростовским казачьим Штабом. Начальник Ротовского Штаба был очень удивлен, увидав такое отношение Войскового Штаба и сказал, что Войсковой Штаб не может и не должен выдавать такие предписания различным организациям вмешиваться в перепись казаков по Ростову, т. к. он уже давно имеет разрешение на перепись казаков как от Войскового Штаба, так и от ген. Киттеля и потому не намерен входить в какие-то контакты с полицией по этому делу. Тем более, что если казаки узнают, что в переписи принимает участие полиция, то никто из них на перепись не явится. Для выснения же такого «курьезного» распоряжения Войскового Штаба, он считает необходимым отправиться лично в Новочеркасск, чтобы на месте разследовать это дело.

Так оно и оказалось. Пох. Атаман ничего не знал об этом распоряжении Войскового Штаба. Все это дело было обработано Духопельниковым и Сюсюкиным в ресторане с пом. нач. Рост, полиции, тайно от Пох. Атамана.

Этот пом.;нач. полиции оказался также работником НКВД.

Когда, Пох. Атаман узнал об этой проделке Духопельникова и Сюсюкина, он был возмущен их поступком и, извинившись перед г. Адмираловым, сделал им строгий выговор. Они оправдывались тем, что, будто-бы, забыли о выданном уже раньше Начальнику Рост. Штаба разрешении на перепись, а на выговор они, конечно, не обратили никакого внимания.

Приближался праздник 1-го октября, который казаки, до сов. власти, ежегодно, торжественно праздновали, с давних времен, в «Монастырском Урочище», около Старочеркасской станицы. Здесь, был старинный памятник взятия г. Азова казаками. Решено было, в этом, 1942-м году обязательно отпраздновать это событие

и поехать на праздник в ст. Старочеркасскую с представителями Ростовских казаков.

1-го октября, рано утром, собрались у Начальника Рост. Штаба, г. Адмиралова на квартире все, кто получил приглашение ехать на праздник. Нач. Ростовской, полиции обещал прислать для этой поездки свою машину, но, не смотря: на данное обещание, с целью сорвать поездку, машину не прислал, сообщив по телефону, что все машины заняты. Тогда, все участники поездки решили ехать на попутных немецких машинах.

Перед самым отъездом на праздник, на квартиру к Начальнику Рост. Штаба пришел г. Б. и просил взять его с собой на праздник. Г. Адмиралов познакомился с ним еще раньше. Начиная свою казачью работу, после занятия г. Ростова немцами, он, как об этом говорилось раньше, обратился к своему приятелю, доктору И. И. Фролову, который служил в Ростовском бургомистерстве, за помощью, чтобы отыскивать среди населения города казаков и регистрировать их у себя. Тот охотно согласился и сказал, что у них в бургомистерстве есть один казак, но он скрывает свое происхождение. Это был господин Б.Г. Адмиралов попросил доктора познакомить его с ним.

«Здорово, станичник!» сказал г. Адмиралов, подошедшему г. Б.

«Ну, как поживаешь и не думаешь ли принять участие в казачьих делах?»

«Да нет, я погожу. А то, вдруг, вернутся «наши», что тогда будет?»

«Ну что-ж, вернутся, повешают нас и только!» сказал г. Адмиралов.

«Нет, уж лучше я погожу!» сказал г. Б.

На этом они тогда и расстались. Но из этого короткого разговора было видно, как смотрит этот человек на казачье освободительное движение. Во время второй мировой войны г. Б. служил в полковом интендантстве делопроизводителем, а во время гражданской войны, в 1918-м году, в чине титулярного советника он служил отрядным интендантом войск Центральной группы. Состоя в интендантстве, он приобрел «сметливость» и при немцах съумел уже пристроиться в бургомистерстве заведующим по торговым и ресторанным делам и, потому, на предложение г. Адмиралова принять участие в казачьих делах, он предпочел пока не разставаться с «теплым» местечком и пока «погодить». Теперь-же, когда казачьи дела начали по немногу стабилизироваться, г. Б. решил тоже «примкнуть» к этому делу.

Итак на случайно проходящей немецкой машине выехали на праздник.

По дороге на праздник, г. Б., в разговоре, сообщил г. Адмиралову, что он имеет в виду предложить Пох. Атаману свой проэкт, организовать в г. Ростове Ростовскую станицу, по примеру Новочеркасска, где имелась и Новочеркасская станица. Приэтом, он предлагал свои услуги в организации и устройстве этой станицы (т. е. в качестве станичнго атамана). Г. Адмиралов не счел нужным его разубеждать, поняв, чего этот человек добивается: ему хотелось, во что-бы то ни стало, быть хотя-бы станичным атаманом и не подчиняться Ростовск. Штабу.

К сожалению, на праздник в ст. Старочеркасскую Ростовская группа казаков опаздала. Немецкая машина по дороге потерпела аварию и, потому, пришлось ехать прямо в Новочеркасск и там дожидаться возвращения с праздника Пох. Атамана, полк. С.В.Павлова.

А праздник был очень интересный. В ст. Старочеркасскую на праздник съехались со всех близ лежащих станиц казаки в полной казачьей форме и казачьки в старинных «кубелеках». После службы в старинном Старочеркасском соборе, все направились походным порядком в «Монастырское Урочище». Старики и женщины ехали на подводах, а молодые казаки шли в строю. Когда прибыли на место, где все уже было приготовлено для панихиды по убитым казакам и священники готовы были начать службу, вдруг, все обратили внимание, что по дороге из Ростова мчались немецкие машины. Среди казаков началось волнение. Боялись, что немцы решили запретить службу и военное собрание казаков. И что-же оказалось? Когда остановились машины, то из первой машины вышел Ростовский немецкий Комендант, ген. Киттель и за ним два немецких офицера несли огромнейший венок из цветов и возложили его у подножия памятника. Из следующей машины вышел Новочеркасский немецкий Комендант N и за ним два немецких офицера также несли большой венок. Эта картина произвела сильное впечатление на всех присутствующих и на нее без слез нельзя было смотреть. Совершенно чужие люди и враги оказали такое почтение и уважение казакам, погибшим за общее мировое дело, взятие г. Азова. Свои-же, русские люди, большевики, после захвата власти, не только запретили служить здесь панихиды, но никто даже и подумать не мог, чтобы придти сюда и помолиться по убитым, т. к. это было небезопасно.

После панихиды, Пох. Атаман, полк. С. В. Павлов, в присутствии ген. Киттеля и Новочеркасского Коменданта, принял военный парад и пропустил церемониальным маршем свои боевые отряды, а также отряды казачьей молодежи и стариков.

Все были счастливы, видя такое торжество казачьего

движения. Давно уже казаки не видали самостоятельных казачьих войсковых частей.

После парада все были приглашены на поминальную трапезу в ст. Старочеркасскую, после которой казаки, в приподнятом настроении, разъезжались по своим станицам.

Пох. Атаман вернулся в Новочеркасск очень поздно и потому Начальник Рост, казачьего Штаба встретился с ним только на другой день. Он представил ему Ростовских представителей казачества в Войсковом Штабе, находящемся в Атаманском дворце. С Пох. Атаманом они долго и обстоятельно беседовали о состоянии казачьего освободительного движения на Дону. Г. Адмиралов сделал ему подробный доклад о работе Рост. Каз. Штаба. Пох. Атаман, поблагодарив его, одобрил работу и, утвердив представленный им дальнейший план работы, выдал ему оффициальное удостоверение на право работы с казаками, как члену Донского Войскового Штаба и Заместителю Пох. Атамана по г. Ростову и Ростовскому Округу.

В это время, господин Б. не вытерпел и предложил Пох. Атаману свой проэкт организации в г. Ростове Ростовской станицы. Пох. Атаман, внимательно просмотрев его проэкт, сказал, что считает такой проэкт несвоевременным и, кроме того, он будет только мешать работе Ростовского Штаба. Если-же г. Б. желает поработать на пользу казачества, то он предлагает ему поступить в Ростовский казачий Штаб и, обратившись к г. Адмиралову, предложил принять г. Б. в качестве интенданта. Г. Адмиралов выразил свое согласие, т. к. на эту должность еще не было кандидата.

Но на этом г. Б. не успокоился и, вдруг, обратился кПох. Атаману с просьбой выдать ему удостоверение от имени Войскового Штаба о его назначении интендантом в Ростовский казачий Штаб. Пох. Атаман был удивлен такой просьбой. По существу, для работы не все-ли равно от кого получить удостоверение. Но Пох. Атаман, как человек дальновидный, хорошо понял чего добивается г. Б. Получив назначение от Войскового Штаба, г. Б. мог действовать самостоятельно, не считаясь с распоряжениями Начальника Рост. Штаба, что вносило бы большой безпорядок и дезорганизацию в работу Штаба, но для подобных людей работа и последствия работы не играют роли, лишь-бы быть «командующим». Поэтому, на просьбу г. Б. Пох. Атаман ответил: «Нет, зачем-же, если вы приглашаетесь на службу в Ростовский Штаб моим Заместителем, г. Адмираловым, то вы от него получите и удостоверение о вашем назначении, за его подписью и печатью!».

Все это, конечно, было г. Б. «не по душе», но он вынужден был

согласиться.

В дальнейшей работе, в Ростовском казачьем Штабе и во всей его деятельности г. Б. доставил много огорчений и неприятностей казачьему освободительному движению.

В настоящее время г. Б., наконец, добился своего и состоит в каком то городе Америки станичным атаманом.

По приезде из Новочеркасска, г. Адмиралов начал устройство и оборудование Штаба, а также начал перепись казаков по г. Ростову. Перепись производилась, одновременно, во многих районах города, прошла очень хорошо и, в торжественной обстановке. Помещения, где происходила регистрация казаков, были украшены флагами и портретами старых атаманов и заслуженных генералов, а за несколько дней до переписи, в местной газете было напечатано обращение к казакам.

При устройстве Ростовского казачьего Штаба пришлось встретиться с большими трудностями, которые чинились коммунистами, занявшими все ответственные посты не только в бургомистерстве и полиции, но и в других административных городских отделах. Жилищный, имущественный, продовольственный и др. отделы были также в руках коммунистов, которые везде старались мешать казачьему освободительному движению, дискредитировать и высмеивать его. Например, в жилищном отделе, на просьбу г. Адмиралова о предоставлении хорошого и большого помещения для Казачьего Штаба, ему предлагали помещения, разбитые и где-нибудь «на задорках». Но г. Адмиралов требовал для Казачьего Штаба лучшего помещения, в центре города и на главной улице, говоря, что казаки 25ть лет ждали того момента, когда смогут громогласно заявить о своих казачьих правах, как хозяева Донской Области, завоеванной кровью их предков.

Г. Адмиралову приходилось вести с коммунистами открытую борьбу. Но, все-же, он добился своего и для Ростовского Штаба было предоставлено большое помещение в центре города, на Садовой улице. С трудом была получена и соответствующая обстановка для канцелярии Штаба.

Наконец, все было устроено и Ростовский Штаб был укомплектован полным составом сотрудников. Заведующим отделом пропаганды был назначен г. Д., интендантом г. Б. и адъютантом г. Абраменков (участник партизанских отрядов полк. Чернецова). Был организован также и отдел бухгалтерии, а для формирования и обучения казачьих отрядов был назначен Уральский казак, полк. Елкин. К сожалению, впоследствии открылось, что он заведовал в г. Оренбурге, при сов. власти, мобилизационным отделом, а на такую ответственную военную

должность большевики назначали только коммунистов. Он тщательно скрывал это, но вел себя с казаками лойальнои во всех отношениях ни в чем не вызывал подозрении. Повидимому, он раскаялся и решил порвать с большевиками.

6-я Глава

Итак, 15-го октября 1942-го года, после молебна, совершенного причтом Ростовского собора, вновь открытого при немцах, во главе с ключарем этого собора, протоиереем (из казаков) Сериковым, Ростовский казачий Штаб был оффициально открыт и начал свою работу с казаками. Главною целью в работе Штаба было объединение казаков, а в дальнейшем установление дисциплины, организация взаимопомощи, и, по мере возможности, боевых отрядов для борьбы с большевиками, а одновременно с этим возстановление религиозных и старых казачьих традиций и обычаев, которые показали-бы всем, что казаки не отказываются от своих исконных прав на завоеванные Донские земли, но в то-же время, желают со всеми жить в дружбе и согласии, всем дают право на совместную жизнь с ними, никого не обижая, независимо от их национальности и вероисповедания. На Дону, с давних времен, жили люди разных национальностей и никто их никогда не притеснял. Особенно много было на Дону украинцев. Они строились своими отдельными хуторами, приобретали в собственность сколько хотели лучшие казачьи земли (в Таганрогском Округе и в других местах) и жили большею частью очень зажиточно.

Для характеристики взаимоотношений казаков с «иногородними» и другими национальностями, может служить такой пример. Рядом с Атаманским Дворцом в г. Новочеркасске, столице казачества, находился дом, в котором жили: в верхнем этаже — адъютант Войскового Атамана, полковник Лорис-Меликов, а в нижнем этаже жил много лет, уважаемый, глазной доктор, еврей Сегаль. Одной из главных целей своей работы с казаками, Рост, казачий Штаб наметил оказание материальной помощи казакам. Во время сов. власти, особенно, перед приходом немцев, население Ростова сильно нуждалось в продовольствии, а на базарах продукты стоили очень дорого, поэтому, в станицы были посланы специальные инструктора, которые должны были разъяснить станичникам положение городского казачьего населения и просить их поддержать казаков и Ростовский казачий Штаб продуктами.

Станицы горячо откликнулись на этот призыв и стали доставлять продукты, рыбу и проч. Кроме того, станичники, добровольно, присылали и денежное пособие на содержание сотрудников Штаба и на различные организационные расходы. Небольшое содержание (около 20.000 рублей) сотрудники Штаба уже получали, по ходатайству Нач. Рост. Штаба и по приказу ген.

Киттеля, от Рост, бургомистерства. Распределение, получаемых из станиц продуктов, было поручено интенданту Штаба г. Б., который пригласил себе на помощь, своего друга, М.В.Шатина. На этой почве происходили иногда «некоторые недоразумения».

Параллельно с работой по организации казаков и оказанию им помощи, Нач. Рост. Штаба продолжал вести упорную борьбу с полицией, видя в ней большое зло для казачьего освободит, движения. Не применяя к ним репрессивных мер, да Казачий Штаб таковыми и не располагал, Нач. Штаба старался, где возможно, обезвредить их, открывая их проделки и, по мере возможности, удаляя их из полиции и других мест и устраивая туда на работу своих казаков.

Наконец, спустя некоторое время, когда у г. Адмиралова накопилось достаточно материала против коммунистов, он, надеясь на расположение к нему ген. Киттеля, решил открыто заявить генералу о том, что полиция заполнена коммунистами, которые, намеренно, вредят как немцам, так и казакам, срывая их работу. Прийдя к Коменданту города, для очередного доклада о своей работе, Начальник Рост, казачьего Штаба сказал ему: «Мы, казаки, просим Вас, реорганизовать полицию с привлечением туда на работу лиц, которых мы знаем и которым доверяем!»

Ген. Киттель был удивлен такому решительному заявлению Начальника казачьего Штаба, но он, в то время, уже настолько доверял ему, что разрешил представить в Начальники Рост, полиции своего кандидата, добавив при этом, что г. Адмиралов отвечает за кандидата своей головой. Начальник казачьего Штаба согласился.

Прийдя в свой Штаб, он, немедленно, отправил вестового к Пох. Атаману в Новочеркасск с сообщением о такой победе и доверии немцев к Ростовскому казачьему Штабу, и просил его, из числа, уже зарегестрированных в Войсковом Штабе и проверенных, офицеров, прислать кандидата для замещения должности Нач. Рост, полиции, т. к. в Ростовском Штабе, в настоящее время, не имеется подходящего лица на такую ответственную должность. Г. Ростов, в то время, имел около 600.000 населения разных национальностей и главное очень много рабочих разных партий, а потому Начальник Рост, казачьего Штаба считал, что на такую должность должен быть поставлен человек тактичный, культурный, решительный и честный.

К сожалению, Пох. Атаман ответил, что у него в Войсковом Штабе также нет подходящего кандидата для этой должности и, потому, он доверяет Начальнику Рост, Штаба представить своего кандидата, даже если он будет и не казак, а «иногородний»,

лишь-бы он оправдал доверие Ростовского Штаба.

И вот, произошло очень интересное приключение с одной, выставленной кандидатурой в Нач. Рост, полиции, которая чуть не окончилась для Нач. Рост. Штаба катастрофой. Когда, ген. Киттель разрешил Начальнику Ростовского Штаба представить своего кандидата, то переводчик ген. Киттеля, господин Лысайко, шепнул на ухо Начальнику казачьего Штаба, что, если в Ростовском Штабе нет сейчас подходящего кандидата, то он рекомендует Кубанского полковника Царского времени, господина Устинова, который, в первый-же день вступления немцев в Ростов, явившись в немецкую комендантуру, зарегестрировался и просил ген. Киттеля принять его на какую нибудь должность. Ген. Киттель предложил ему тогда-же должность Начальника Ростовской полиции, но он от этой должности отказался. На всех сотрудников комендантуры он произвел хорошее впечатление.

Заинтересовавшись полк. Устиновым, Нач. Рост. Штаба, взяв в Комендантуре его адрес, поехал к нему на квартиру. Познакомившись с ним, он узнал от него и его подробную биографию, причем, тот показал ему огромный альбом, где сохранились старые его фотографии, начиная от рождения, учения в Кадетском корпусе и Артиллерийском училище, производство в первый офицерский чин, этапы его службы и т. п. Все это произвело на г. Адмиралова очень хорошее впечатление и лучшего кандидата он не мог подыскать. Он обратился к полк. Устинову с просьбой помочь казакам и занять пост Начальника Рост, полиции, обещая ему со своей стороны поддержку. Своим согласием он выручил-бы казаков, т. к. в полиции, в настоящее время, наблюдается полное засилие коммунистов и нужно принять срочные меры к их удалению из полиции.

Начальник казачьего Штаба предложил полк. Устинову сейчас-же ехать в Комендантуру к ген. Киттелю и заявить ему о своим согласии принять эту должность. Тот сначала долго сопротивлялся, потом согласился, но только просил поездку к ген. Киттелю отложить на один день.

На другой день, когда Нач. Рост. Штаба приехал к Устинову, чтобы ехать в Комендантуру, он нашел его в постели больным. Ехать к генералу сейчас, он отказался в виду болезни, но обещал, что, если ему будет лучше, то он согласен поехать через 2–3 дня. Пришлось сообщить ген. Киттелю о болезни полк. Устинова и просить генерала подождать с назначением нового Нач. полиции. Ген. Киттель был так любезен, что согласился подождать несколько дней. Через 2 дня Нач. Рост, казач. Штаба опять поехал к Устинову и, наконец, уговорил его ехать к ген. Киттелю.

Но, приехав в Комендантуру, уже на пороге в кабинет генерала, Устинов, вдруг, опять заявил, что отказывается от этой должности. Этот отказ возмутил Начальника Штаба, но он, все-же, почти насильно, ввел его в кабинет и сообщил генералу Киттелю, что Устинов соглашался занять эту должность, но сейчас почему-то опять отказывается. Полк, Устинов заявил генералу, что не желает работать в полиции, а желает ехать на Кубань в свою станицу, где его хорошо знают казаки и там он надеется сформировать боевые отряды для обслуживания немецких частей. Начальник казачьего Штаба надеялся, что ген. Киттель станет уговаривать Устинова занять должность Нач. полиции, но генерал не стал его отговаривать и наоборот одобрил его намерение. Это обстоятельство сильно разстроило Нач. каз. Штаба и генерал, выразив ему сочувствие, обещал подождать еще с назначением.

Тогда, Нач. Рост. Штаба предложил ген. Киттелю назначить Нач. Рост, полиции инженера N°. которого он имел в виду предложить ген. Киттелю помощником Нач. полиции и за которого он ручался головой.

Выставляя кандидатуру полк. Устинова, которого он совершенно не знал, г. Адмиралов, предусмотрительно, приготовил кандидата в его помощники, своего друга, инженера N. Это был образованный, культурный, тактичный и честный офицер Добровольческой армии, правда не казачьего сословия, но родившийся на Дону, получившийкрупное ранение в гражданскую воину и готовый продолжать борьбу с большевиками. С ним Нач. казач. Штаба условился, что тот должен иметь постоянную связь с Рост. Каз. Штабом, не забывая, что он является кандидатом Донских казаков.

Генерал Киттель согласился назначить инженера N Нач. Рост, полиции и предложил представить его ему.

На другой день, Нач. Рост. Штаба, г. Адмиралов, явился к генералу со своим новым кандидатом. Последний произвел на генерала хорошее впечатление и спустя 2–3 дня он был утвержден в должности Нач. Рост, полиции. В дальнейшем, генерал был доволен его работой и тот оставался в этой должности до самого отступления немцев из Ростова.

Поведение полковника Устинова с отказом от должности Нач. полиции и желание заняться формированием боевых отрядов очень понравилось ген. Киттелю и он приказал выдать Устинову из Комендантуры пропуск для его поездки на Кубань. Это спасло, впоследствии, Нач. Рост. Штаба от большой неприятности. Спустя 2 дня, после этого инцидента, в Рост, казачий Штаб явились два офицера: один — Кубанец, а другой. — армянин. Оба они

просили дать им командировку на Кубань для поступления в боевые отряды, которые собирался формировать полк. Устинов. Их намерение ехать на Кубань было не совсем приятно Нач. Рост. Штаба, т. к., в это время, в Ростовском Штабе происходило формирование офицерской боевой сотни. В такой командировке им было отказано, но был дан совет, обратиться в железнодорожную комендантуру, откуда иногда выдавались разрешения на выезд из Ростова, по служебным делам. Они отправились на вокзал и там им удалось получить пропуск и выехать на Кубань.

Прошло — 2–3 недели и, однажды, в Рост. каз. Штаб явился, уехавший на Кубань кубанский офицер и заявил Нач. Штаба, что он явился обратно, т. к, на Кубани не ведется никакой казачьей работы. Действительно, незадолго перед этим, была получена доверенность от полк. Тарасенко из Екатеринодара на ведение Кубанских казачьих дел в Ростове. Кроме того, этот офицер сообщил, что в Екатеринодаре, куда они приехали, случайно, открылось, что полк. Устинов был коммунистом. Там встретились лица, которые узнали его и сообщили, что Устинов командовал красными карательными отрядами и, безпощадно, по одному подозрению и доносам, разстреливал стариков, женщин и детей. От большевиков он не скрывал своей службы в полках Царского времени, а в карательных отрядах так отличился, что был принят в коммунистическую партию.

Другой офицер, армянин, уехавший на Кубань к Устинову, обратно не вернулся. Он оказался приятелем Устинова и тоже состоял в партии.

Нач. Рост. каз. Штаба был очень рад, что так окончилось все дело с кандидатурой Устинова в Нач. Рост, полиции, т. к. получение им командировки от самого ген. Киттеля, спасало Нач. Рост. Штаба от ручательства за него перед генералом. Теперь было ясно, почему полк. Устинов «отвиливал» от должности в полиции. Здесь, скорее могла-бы обнаружиться его служба в карательных отрядах.

Вскоре, с Кубани приехал обратно и полк. Устинов. Он также явился в Рост. каз. Штаб.

Сделав вид, что ничего не знает о результатах его поездки на Кубань, Нач. Рост. Штаба стал разспрашивать Устинова об его поездке на Кубань и почему он так скоро вернулся обратно. Полк. Устинов сказал, что надежды его не оправдались, и там он не нашел подходящих людей для формирования отрядов, а, потому, просит принять его в Рост. каз. Штаб на подходящую должность. Нач. Рост. каз. Штаба предложил ему подать заявление и приложить свою письменную биографию. Тогда, Устинов понял, что Нач. Штаба уже знает о его службе у большевиков и

принадлежности к коммунистической партии. Он вынужден был во всем сознаться, но что теперь он в этом раскаивается.

Больше полк. Устинов в Рост. каз. Штаб не показывался, т. к. был вызван к ген. Киттелю в Комендантуру и арестован.

Все эти подробные сведения Нач. Рост. Штаба записывал в своих воспоминаниях, чтобы показать те ужасные условия, в каких приходилось работать в окружении коммунистов. Заслуженные полковники и генералы оказывались продажными людьми, записывались в коммунистическую партию, поступали на службу в НКВД, командовали карательными отрядами и разстреливали тысячи невинных людей.

Прошло еще немного времени, и ген. Киттель разрешил Рост. каз. Штабу сформировать отряд казаков в 300 человек, обучить их и передать в распоряжение Комендатуры для несения гарнизонной службы. До этого времени, уже производилось формирование отрядов, которые отправлялись Пох. Атаману в Новочеркасск для пополнения его боевых отрядов.

Для выполнения данного ген. Киттелем поручения о формировании для него казачьего отряда. Ростовским Штабом было найдено большое помещение, приспособлено под казармы, оборудовано соответствующим инвентарем и устроена кухня. К этому отряду были прикомандированы казачьи офицеры и урядники, состоявшие на учете в Ростовском каз. Штабе. Генерал-же Киттель, со своей стороны, прикомандировал немецких инструкторов для обучения казаков.

При этом, произошло событие, удивившее всех сотрудников Штаба. Отправляя немецких инструкторов на работу с казаками, ген. Киттель вызвал весь Ростовский казачий Штаб и, прикомандированных немецких инструкторов к себе в Комендатуру и здесь в присутствии своего Штаба, обратился с речью, в которой сказал инструкторам, чтобы они, обучая казаков, имели в виду, что казаки народ гордый, свободолюбивый, нетерпящий насилия и, потому, инструктора должны учесть это в обращении с казаками и уважать их обычаи. Все были поражены такой речью немецкого генерала. Нач. Рост. каз. Штаба благодарил ген. Киттеля за такое отношение к казакам и уважение их обычаев и обещал со своей стороны усилить свою работу с казаками.

Действительно, все инструктора относились к казакам весьма корректно и, за все продолжительное время обучения казаков, не было ни одного инцидента.

После соответствующего обучения, эта команда, в торжественной обстановке, была передана Рост, немецкой Комендатуре для гарнизонной службы.

Спустя некоторое время, и ген. Киттель разрешил Рост. каз. Штабу сформировать другую команду в 500 человек для несения полицейской службы как в г. Ростове, так и в районе, т. к. коммунисты окончательно разложили полицию и новому Нач. полиции, инженеру N, было очень трудно наладить свою работу. Нужно было создавать новые казачьи кадры следователей и рядовых полицейских.

Команда была сформирована и также передана немецким специальным инструкторам для обучения.

Кроме этой работы, Нач. Рост. каз. Штаба удалось договориться с различными учреждениями и организовать для них рабочие отряды, минуя распределительные пункты, где население Ростова получало работу. Казаки-же числились на учете в Казачьем Штабе, откуда они и получали назначение на работы.

Вскоре, Нач. Рост. Штаба получил от Пох. Атамана отношение, в котором тот просил его принять в Рост. каз. Штаб на работу Сюсюкина, а спустя непродолжительное время прислал и Духопельникова, т. к. они своим поведением дискредитируют работу Войскового Штаба.

Приказ Пох. Атамана был принят, конечно, к исполнению. Но что мог сделать Нач. Рост. Штаба, если с ними не мог справиться Пох. Атаман. Конечно, и Пох. Атаман и Нач. Рост. Штаба могли-бы с ними расправиться и знали, что нужно было сделать, чтобы их обезвредить, но приходилось считаться с тем положением, в каком находились.

Действительно, эти «друзья» вели себя в Ростове отвратительно: все время пьянствовали, устраивали в ресторанах и шашлычных «дебоши», валялись на улицах и попадали в полицию, откуда их нужно было вилручать, чтобы «не выносить сор из избы». Никакие уговоры на них не действовали.

Наконец, Нач. Рост. Штаба решил отправить Сюсюкина, как «пропагандиста и агитатора» в район, в ст. Егорлыцкую, а для сопровождения его и наблюдения за ним, отправил одного старого урядника, Свеколкина.

Прошло 2 недели, а от Сюсюкина не было никаких известий. Духопельников, узнав, что Сюсюкин отправлен в ст. Егорлыцкую, пожалел, что отстал от него, т. к. знал, что там можно провести время весело. А от Сюсюкина все еще не было известий. В разговоре с Нач. Рост. Штаба Духопельников сказал, что, может быть, Сюсюкин перешел к большевикам, оперировавшим в этом районе. Так-как, в то время, еще не было твердой уверенности в прежней работе Сюсюкина в НКВД, то г. Адмиралов, думая, что Духопельников говорит это в шутку, ответил, что Сюсюкин не

позволит себе сделать это. Но Духопельников посмотрел на г. Адмиралова и, «многозначительно» улыбнувшись, ответил: «Вы так думаете?!»

Этот ответ Духопельникова ясно показал, что от этих «приятелей» можно было всего ожидать.

Прошла еще неделя и в Рост. Каз. Штаб возвратился урядник Свеколкин, посланный для наблюдения за работой Сюсюкина. Свеколкин сообщил, что Сюсюкин все время пьянствовал, но, все-же, собрал много продуктов и 60.000 рублей деньгами. Продукты он отправил в Новочеркасск, в Войсковой Штаб, думая этим выслужиться перед Пох. Атаманом, а деньги Сюсюкин все время возил собой и, однажды, напившись до безчувствия, разсыпал их по полу. Урядник Свеколкин деньги собрал, привез с собой и передал в бухгалтерию Рост. Штаба, а Сюсюкина уложил на подводу и привез в Ростов.

Таковы были помощники и «работнички» на пользу казачества. Спустя много времени, после эвакуации казаков с Дона, уже в Германии, все, эвакуирующие казаки, были поражены, прочитав в газетах, производством Духопельникова, этого пьяницы и работника НКВД, Донским Атаманом в чин генерала за его «доблестную работу на пользу Казачества», а на похоронах его в Германии, один из его прителей, кубанский полковник С., называл Духопельникова спасителем казаков от большевиков, который вывел их с Дона, тогда как на самом деле Духопельников только дискредитировал Войсковой Штаб и Казачье освободительное движение и бежал в панике из Ростова на первой-же Штабной машине вместе с Сюсюкиным, обвиняя Нач. Рост. каз. Штаба в том, что тот думает, будто-бы, оставить их в Ростове и отдать в руки большевиков. А следовало-бы это сделать и казачество от этого ничего-бы не потеряло, а наоборот выиграло, т. к. эти «герои», в дальнейшем, своей разлагательской и провокаторской работой доставили потом много неприятностей казачеству.

Провокаторская и разлагательская работа И. М. Духопельникова и А. Сюсюкина, в качестве агентов НКВД, подтвердилась, впоследствии, стенографическим и протокольным отчетом 3-го съезда Российской эмиграции в Американской зоне, в г. Мюнхине 20-21-го мая 1950 г.

7-я Глава

Начиная с декабря месяца 1942-го года в Ростове и его районах стали появляться беженцы, сначала одиночками, а затем и целыми массами. Всем было ясно, что немцы отступают. Вскоре, действительно, стали показываться и отступавшие немецкие войсковые части. Видно было, что дела немцев плохие и Ростов будет отдан ими большевикам. Нужно было форсировать подготовку транспорта и обоза к эвакуации.

Еще задолго до этого, при Рост. каз. Штабе были организованы гараж и при нем автомастерские, в которых, из брошенных немцами автомашин, производилась сборка и ремонт этих машин, и из нескольк машин удавалось собрать одну машну, годную для пользования. Таким образом, удалось собрать 5-ть грузовых машин.

Однажды, в Рост. каз. Штаб явился инженер одного Ростовского завода, господин Ж., предложивший свою машину Штабу, с условием взять его с женой в эвакуацию со Штабом. Это предложение г. Ж. было принято, имея в виду, использовать его машину при эвакуации казаков из Ростова.

Следует отметить поведение некоторых сотрудников Рост. каз. Штаба, занимавших ответственные должности и на обязанности которых лежала эвакуация сотрудников Штаба и казачьего населения г. Ростова. Хотя еще не было непосредственной угрозы г. Ростову со стороны большевиков, эти «ответственные» сотрудники бежали из Ростова одни из первых. Интендант г. Б., приготовив себе лучшую подводу, выехал с семьей, без разрешения Нач. каз. Штаба, один из первых. Помощник интенданта, г. Шатин, и адъютант Абраменков, вместо того, чтобы устраивать отправку казаков в эвакуацию, также без разрешения Штаба, захватили, по соглашению с инженером Ж., его машину и выехали также раньше всех, оставив Нач. Рост. Штаба одного справляться с эвакуацией сотрудников Штаба и казаков. Пропагандист г. Д., не смотря на то, что все время получал исправно жалованье от Рост. Штаба, также выехал из Батайска со своим небольшим обозом, не предупредив Рост. Штаб о своем выезде, хотя была договоренность ехать вместе. Он хотел быть самостоятельным, к чему всегда стремился, и не хотел считаться как с Пох. Атаманом, так и с Ростовским Штабом, где числился на работе. Двигался он со своим обозом отдельно от всех, не желая поддерживать с кем либо связь, хотя мог-бы, при желании, всегда присоединиться к Рост. Штабу, т. к. отлично знал направление Ростовского Штаба и местопребывание Пох.

Атамана.

Комендант г. Ростова, ген. Киттель, во избежание паники, успокаивал всех и говорил, что дела немцев не так уж плохи и выезжать из Ростова пока нет необходимости. В это время, многие из обывателей города приходили в Казачий Штаб, посмотреть: на месте-ли еще Нач. Рост, каз. Штаба, или его уже нет.

Направление для эвакуации Рост. каз. Штаба было выбрано через Таганрог на г. Кривой Рог, куда были заранее выданы препроводительные документы, а вместе с документами было выдано и жалованье сотрудникам Рост. Штаба, согласно общего положения об эвакуирующихся сотрудниках, за два месяца вперед. Но, по соглашению с сотрудниками Штаба и чтобы они потом не разбежались, им было выдано жалованье пока за один месяц, а по приезде в Кривой Рог, где они должны были продолжать свою работу в Казачьем Штабе, они должны были получить жалованье и за второй месяц полностью. В начале, ген. Киттель старался удержать Рост. каз. Штаб в Ростове, но 7-го февраля 1943-го года он приказал Рост. Штабу свернуть свою работу и, немедленно, выезжать, т. к. оставаться в Ростове далее небезопасно.

Большинство сотрудников Рост. каз. Штаба выехало на штабных автомашинах. Ехали прямо по льду сначала реки Дона, а, потом Азовского моря, т. к. гужевые дороги были сильно разбиты и находились в ужасном состоянии. Была оттепель и стояла грязь невылазная, так-что штабной гужевой обоз едва мог дотащиться до Таганрога. Дороги были забиты, отступавшими, немецкими частями, а также беженцами. Бежали все, кто мог передвигаться. Немцы никого не принуждали, как это делали большевики, не обижали и не выгоняли насильно. Желавших, они брали с собой в машины и никому в этом не отказывали.

Картина отступления была потрясающая. Шли пешком с мешками за плечами, ехали на подводах, запряженных иногда коровой или собаками, а иногда и на детской коляске или детских саночках. Часто встречались семьи с маленькими детьми, привязанными вместе с последним имуществом к детским саночкам, которые тащили на себе родители.

По льду ехать было опасно. Лед был тонкий, имел массу полыней и все это было покрыто водой, так-что легко было провалиться под лед. По пути встречалось много провалившихся под лед машин. Лед все время гнулся и трещал под тяжестью машин. Ехать нужно было с самой большой скоростью и не останавливаться, иначе машина сейчас-же проваливалась, а от быстрого хода машина кружилась на месте (вальсировала) и легко переворачивалась. Одним словом, опасность была на

каждом шагу и каждый момент, но об этом в то время мало кто думал.

Немцы, отступая, поджигали только военные склады и заводы, не трогая построек мирного населения. Большевики-же, отступая два раза из Ростова, применяли ужасное насилие над мирным населением, заставляя жителей эвакуироваться пешком, т. к. транспортных средств для эвакуации не имели, хотя сами коммунисты уезжали на автомашинах, нагруженных до отказа награбленным имуществом и продуктами, а постройки, даже такие, которые не были военными объектами (например Ростовский театр) большевиками поджигались и уничтожались.

Политических арестованных большевики всегда уничтожали, отпуская на волю уголовных. Во вторую эвакуацию большевики, уходя из Ростова сожгли в тюрьме несколько сот человек политических, а около тысячи погрузили в товарные вагоны, намереваясь вывезти их в качестве заложников, но на ст. Кизитеринка (около Ростова), увидев, наступавших немцев, большевики облили керосином вагоны с арестованными, заперли их и подожгли, а сами бежали. Когда, вскоре, немцы заняли станцию, то услышав душураздирающие крики, горящих заживо людей, кинулись к вагонам, разбили замки и успели многих спасти. Все-же, там погибло несколько сот человек.

Всех жителей, которые не могли эвакуироваться с большевиками при их отступлении, всегда отправляли в ссылку, обвиняя их в сношении с немцами.

8-я Глава

Поздно вечером, 7-го февраля 1943-го года Начальник Ростовского казачьего Штаба, г. Адмиралов, прибыл в г. Таганрог и нашел там свою жену и тетку, выехавших за несколько дней до этого из Ростова. Здесь, он узнал, что Духопельников, окончательно, порвал связь с Войсковым Штабом и Пох. Атаманом, полк. С. В. Павловым и пользуясь его отсутствием, с разрешения Командующего фронтом, немецкого генерала Кляйста, начал организовывать свои казачии Штаб.

Духопельников получил от ген. Кляйста право регулировать эвакуацию населения и формировать боевые отряды для борьбы с партизанами, хотя, нужно сказать, что сам Духопельников никогда не принимал участия в боевых операциях против большевиков, боясь попасть им в руки.

С этого времени, он получал в неограниченном коли-честве продукты, сахар, спирт и т. п. Около него стали собираться такие-же алчные и темные личности, как и сам руководитель. Помощниками у него были: Сюсюкин и Абраменков, выполнявшие «по совместительству» всевозможные задания немецкого «Гестапо», а хозяйством заведовал казак Анохин, который в Ростовском каз. Штабе служил разсыльным. Анохин был верным другом Духопельникова, доставляя его Штабу спирт, который его сотрудники уничтожали в большом количестве. Духопельников даже к ген. Кляйсту являлся в пьяном виде. Работы-же на пользу эвакуирующихся казаков, новоявленный Штаб Духопельникова никакой не проводил и все казаки были оставлены на произвол судьбы.

В Таганроге г. Адмиралов окончательно убедился до какой подлости способен Духопельников и его Штаб. Духопельников, зная, что у Нач. Рост. каз. Штаба имеются казенные деньги, задумал эти деньги у него отнять, т. к. он всегда был «гол, как сокол», да на ежедневное пьянство никаких денег не хватит. Духопельников сначала просил г. Адмиралова выдать ему деньги взаимообразно. Но г. Адмиралов хорошо зная, что этих денег он потом никогда от него не получит обратно, отказал ему в этом, заявив, что эти деньги не его, а сотрудников Рост. Штаба и потому он не имеет права распоряжаться ими по своему усмотрению. Это Духопельникову, конечно, не понравилось и он решил все-же добиться своего и взять деньги.

Вскоре, произошел другой неприятный инцидент. Жена Духопельникова эвакуировалась из Новочеркасска вместе с сотрудниками Войскового Штаба и семьей Пох. Атамана и

находилась в безопасном месте, около хутора Лысогорки. Но Духопельников задумал перевезти ее к себе в Таганрог и зная, что у Нач. Рост. Штаба имеются автомашины и около 20-ти литров бензина, потребовал себе машину и этот бензин для отправки машины за его женой. Но Нач. Рост. Штаба должен был на другой день, после своего приезда в Таганрог, обязательно, пока еще возможно, поехать опять в Ростов, т. к. там оставались еще сотрудники Рост. Штаба, которые не успели выехать оттуда со всеми и, между прочим, там остался Штабной бухгалтер, у которого были на руках деньги и документы Штаба. Нач. Рост. Штаба сказал Духопельникову, что все машины стоят во дворе его Штаба и он может взять любую из них, бензин-же ему самому лужен для поездки в Ростов за оставшимися сотрудниками Штаба. Но он легко может получить бензин у ген. Кляйста, котор(ый ему в этом никогда не откажет, а, в крайнем случае, он легко может обменить, имеющийся у него спирт на бензин. Тогда, Духопельников прямо заявил Нач. Рост. Штаба, что он этого ему не простит.

На другой-же день, г. Адмиралов выехал в Ростов за оставшимися сотрудниками Штаба. Поездка была в высшей степени опасная и тяжелая. По дорогам уже появились большевистские разъезды, а, оставшиеся в Ростове коммунисты, вышли из подполья и открыто стреляли в проезжавших немцев и всех эвакуирующихся. Весь Ростов был в дыму и огне, так-что было трудно ехать. Горело железно-дорожное Управление «Скопс» и городской театр, который подожгли сами большевики, предварительно, разграбив его (они срезали всю кожу с сидений). Горел также и завод «Ростсельмашстрой».

Приехав в помещение Рот. Штаба, г. Адмиралов там никого не нашел, т. к., в то время, была сильная воздушная бомбардировка города. Когда-же она прекратилась, то он поехал по квартирам сотрудников Штаба, забирая их с собой в эвакуацию. Но нужно было до наступления темноты успеть еще поехать на Темерик за бухгалтером. С трудом была найдена его квартира, т. к. на Темерике горели железно-дорожные мастерские.

Бухгалтер был очень обрадован приездом Нач. Рост. Штаба и быстро собрался с женой в дорогу. Но только что отъехали от города, как вдруг его жена стала плакать и просить вернуться обратно, якобы за забытыми на квартире документами и некоторыми вещами. Они просили, в крайнем случае, высадить их на дорогу и они пешком пойдут обратно в Ростов. Нач. Рост. Штаба обещал им выдать документы от Рост. каз. Штаба и носильные вещи вместо тех, которые они, будто-бы, забыли на квартире. Но они настаивали на возвращении обратно в город.

Видно было, что они были напуганы ужасной картиной отступления, и решили не ехать в эвакуацию. Но вернуться на машине нельзя было из-за позднего времени и недостатка бензина.

Уже стемнело, ехать дальше в темноте было опасно и, потому, решено было остановиться на ночлег в армянском селе Самбэк. В 11-ть часов ночи из Ростова послышалась ужасная бомбардировка и взрывы и все увидели потрясающую картину. Над городом висели светящиеся фонари, сброшенные в огромном количестве с аэропланов, которые, как днем, бомбили город, уже оставленный немцами. Все было в дыму и огне. Сердце замирало от ужасного зрелища при воспоминании об оставшихся родных.

Утром, бухгалтер, окончательно, отказался ехать дальше. Получив от него отчет в денежных суммах, документы и деньгами около 5.000 рублей, Нач. Рост. Штаба оставил его с женой в деревне, а сам с остальными сотрудниками Штаба, которых он вывез из Ростова, выехал в Таганрог.

Здесь, на другой день, ему пришлось пережить ужасную трагедию. Рано утром, к нему на квартиру явились представители Духопельникова: Абраменков, казачий офицер Ж. (агент Гестапо), Свеколкин и Сюсюкин. Они предъявили ему отношение Духопельникова, будто-бы согласованное с Гестапо, в котором говорилось, что, по полученным ими сведениям, Нач. Рост. Штаба, г. Адмиралов, думает тайно бежать из Таганрога с казенными деньгами и автомашинами и, поэтому, этим представителям предписывалось произвести обыск и отобрать деньги и машины. Все это произвело ужасное впечатление на Нач. Штаба и его семью. Было видно, что от этих людей можно было ожидать всякой подлости и жаловаться было некому. Вся эта банда могла оклеветать его перед Гестапо, с которым они имели связь, и могли сделать все, что им заблагоразсудится: арестовать, передать в Гестапо, или-же, чтобы скрыть свое ужасное поведение, выдать его большевикам, стоявшим недалеко от Таганрога.

Сделав обыск, они забрали у него все деньги, даже принадлежавшие лично ему и его тетке, а также продукты, хотя их было очень немного, и они, по существу, в них не нуждались, т. к. получали от немецкого командования в значительно большем количестве.

Составив акт обыска, по всем правилам НКВД (копия этого исторического акта сохранилась у Нач. Рост. каз. Штаба и до настоящего времени), они отправились в свой Штаб делить награбленное.

Вся эта инсценировка обыска и грабеж среди бела дня была ужасной и беззаконной и никакого согласования с Гестапо и не

было. Это была явная провокация. Нач. Рост. Штаба не мог бежать тайно уже потому, что все машины стояли во дворе Штаба Духопельникова и охранялись часовыми, хотя Нач. Рост. Штаба имел полное право ехать дальше без какого-бы то нибыло разрешения. Он имел пропускное удостоверение, как и все сотрудники Ростовского Штаба, подписанное ген. Киттелем еще в Ростове, на проезд в Кривой Рог с предписанием открыть там Казачий Штаб и продолжать там работу с казаками. Задержался-же он в Таганроге только потому, что считал своей обязанностью попытаться вывозить оставшихся в Ростове казаков и не успевших выехать в эвакуацию.

Прийдя в себя от всего пережитого и успокоив свою семью, он отправился в Штаб Духопельникова, чтобы потребовать от него указания причины обыска и грабежа.

В Штабе он увидел «веселую» картину. Все были ужепьяны и продолжали делить награбленное. На вопрос его о причине обыска и «изъятия» у него денег, Духопельников, смеясь, ответил, что деньги ему нужны для раздачи жалованья сотрудникам его Штаба. Но, приэтом, добавил, что разрешает взять одну из автомашин и выезжать, но не в Кривой Рог, а в Бердянск. Он хотел иметь Нач. Рост. Штаба под своим наблюдением, чтобы он не мог сообщить кому-нибудь, а главное Пох. Атаману, о грабеже. При этом, добавил, что через несколько дней он тоже выезжает в Бердянск, где, по приказу ген. Кляйста, откроет свой штаб и будет собирать казаков.

Боясь, что Духопельников проспится и решит оставить его с семеьей в Таганроге, Нач. Рост. Штаба поспешил выехать из Таганрога. Это было 12-го февраля 1943 года.

Через несколько часов, он был в Бердянске, а спустя несколько дней, туда приехал и Духопельников со своим Штабом и начал собирать казаков. Но, т. к. г. Бердянск находился в стороне от главной дороги, по которой двигалась вся масса беженцев, то он вынужден был отправить своих агентов ловить беженцев и насильно доставлять их к нему в Штаб для регистрации. Казаки-же, узнав о таком распоряжении Духопельникова, стали идти окольными путями, чтобы не попадаться его агентам, и Штаб его оставался все время без работы, а это угрожало закрытием Штаба немцами.

К Нач. Рост. Штаба Духопельников относился издевательски: не давал никакой работы и не выдавал продуктов для питания.

Прошло некоторое время, и стали появляться слухи, что большевики обходят Бердянск, пытаясь отрезать его. Положение Нач. Рост. Штаба было отчаянное: автомобили были в руках Духопельникова, а на железной дороге уже началось бегство

населения. Он был уверен, что Духопельников, при бегстве из Бердянска, бросит его здесь с семьей, чтобы отделаться от него, как живого свидетеля его ужасного поведения.

Однажды, «адъютант и интендант» Духопельникова, г. Анохин, встретив Нач. Рост. Штаба во дворе и, находясь в пьяном виде, сказал: «Знаешь что, отец? Уезжай-ка ты отсюда по железной дороге, пока не поздно. Мы то на твоих машинах уедем отсюда, а тебе придется здесь зимовать. Я отвезу тебя на вокзал с вещами, а там ты уж, как-нибудь, устраивайся сам!» Это циничное заявление пьяного г. Анохина окончательно привело его в ужас. Он понял, что Анохин передал ему не свои слова, а разговор, по этому поводу, с Духопельниковым.

Вдруг, Нач. Рост. Штаба пришла в голову прекрасная мысль, которая могла спасти его от создавшегося ужасного положения. Но, для осуществления этой идеи, нужно было так повлиять на Духопельникова, чтобы она показалась ему спасением для его «безработного» Штаба.

Нач. Рост. Штаба, г. Адмиралов, немедленно, пошел на квартиру Духопельникова, и там изложил ему свой план, как улучшить работу его Штаба. Он сказал, что вся неудача в работе его Штаба происходит от того, что Бердянск лежит в стороне от проезжей дороги и потому следует открыть отделение его Штаба в городе, лежащем на перекресте дорог, по которым идут беженцы, а таким, самым подходящим местом, является г. Кривой Рог. Поэтому, Нач. Рост. Штаба предложил Духопельникову, чтобы он выдал ему пропускное удостоверение туда для организации там пропускного пункта для беженцев.

Духопельников ухватился за эту «коварную» идею, забыв, что у Нач. Рост. Штаба давно уже имелось удостоверение на открытие такого пункта в Кривом Рогу. Не поняв «спьяну», в чем дело, он написал Нач. Рост. Штаба сейчас-же пропускное удостоверение в Кривой Рог, но на просьбу г. Адмиралова выдать машину для выезда из Бердянска, он категорически заявил, что все автомашины, будто-бы, находятся на учете у немецкого Штаба, чтооказалось, впоследствии, явной ложью и провокацией.

Итак, стояла новая задача, как выехать из Бердянска? Тогда, г. Адмиралов решил попытаться найти проходящие немецкие машины и просить их взять его с собой. Он стал ходить по улицам Бердянска, высматривая машины. На его счастье, в одном переулке он увидал машины, которые готовились к отъезду. Он подошел к рабочим, которые были у машин и стал их просить взять его с собой, но они посоветовали ему обратиться в учреждение, для отъезда которого готовились машины. Он пошел в это учреждение. Это была немецкая телефонная станция. Когда,

он вошел в станцию и стал разговаривать со служащим этой станции, туда вошел, по своим делам, адъютант Командующего фронтом, ген. Кляйста. Он спросил у служащего в чем дело, и, так-как адъютант генерала хорошо говорили по русски, то Нач. Рост. Штаба мог свободно изложить ему свою просьбу и, пояснить ему причину его выезда в Кривой Рог. Заинтересовавшись планом открытия там пропускного пункта беженцев, адъютант предложил, сейчас-же, отправиться к Командующему фронтом и сообщить ему свой проэкт.

В немецком Штабе, куда они пришли, адъютант доложил генералу Кляйсту и тот был настолько любезен, что сейчас-же пригласил Нач. Рост. Штаба в своей кабинет для личного ему доклада. Г. Адмиралов через адъютанта изложил ген. Кляйсту свой план организации пропускного пункта беженцев и организацию боевых казачьих отрядов в Кривом Рогу. Командующему фронтом этот план понравился и он, взяв у него удостоверение, выданное ему Духопельниковым, прочитав, улыбнулся и приказал выдать новое удостоверение от его Штаба и за его подписью, в котором он приказывал всем лицам и учреждениям оказывать содействие Нач. Рост. Штаба в его работе, как представителю Войскового казачьего Штаба и Заместителю Пох. Атамана, полк. С.В.Павлова.

Это удостоверение Командующего фронтом окончательно освободило г. Адмиралова от Духопельникова и его банды, и сыграло, впоследствии, огромную роль в дальнейшей его деятельности.

Получив это удостоверение, он решил просить ген. Кляйста оказать ему содействие и в выезде из Бердянска.

Генерал Кляйст ответил, что в Казачьем Штабе имеются машины, на которые даже отпускается бензин. На одной из этих машин и можно выехать из Бердянска. На это Нач. Рост. Штаба сказал ген. Кляйсту, что, по словам Духопельникова, эти машины взяты Штабом ген. Кляйста на учет и находятся в его распоряжении. Генерал усмехнувшись, ответил, что ему не нужны казачьи старые машины, у него достаточно и своих хороших машин и, возмутившись такой провокацией Духопельникова, сказал, чтобы г. Адмиралов потребовал у него машину для своего выезда в Кривой Рог.

Выйдя из немецкого Штаба, г. Адмиралов поблагодарил Бога за чудесное избавление от шайки бандитов и, что, наконец-то, он опять будет работать самостоятельно.

Не заходя к себе на квартиру, и не желая встречаться с Духопельниковым, г. Адмиралов опять пошел по городу в поисках проходящих машин, зная, что, с удостоверением от самого

Командующего фронтом, устроить свой отъезд из Бердянска будет уже не трудно.

На одной из главных улиц, он увидел огромный транспорт автомашин морского немецкого Штаба, направлявшийся через Запорожье в г. Николаев. Заведующий этим транспортом, немецкий офицер, прочитав удостоверение, подписанное Командующим фронтом, немедленно, дал распоряжение отправить одну машину на квартиру Нач, Рост. Штаба за его семьей и имуществом. На квартире, немедленно, были сложены вещи и через несколько минут, семья его была доставлена на пункт, где стоял транспорт машин, который поджидал их и, после их прибытия, немедленно, тронулся в путь.

С этого времени, г. Адмиралов больше не встречалсяс Духопельникоаым и Сюсюкиным. Они выехали в район г. Николаева со Штабом ген. Кляйста, продолжая там свою разлагательную и провокаторскую работу среди казаков.

9-я Глава

Выехав из Бердянска, морской немецкий автотранспорт первую остановку сделал в селе Зеленый Гай. Дорога была ужасная: невылазная грязь и мокрый снег. Машины с трудом двигались, т. к. были сильно перегружены. Несколько раз случались аварии.

На второй день были под Мелитополем, но здесь, не останавливались и поехали дальше в г. Запорожье. Благополучно переехали около Днепропетровска через знаменитую плотину. Картина была грандиозная и только мысль, что постройка ее омыта людской кровью и слезами, отравляла это прекрасное зрелище.

Наконец, приехали в г. Никополь. На утро, получили неприятное известие: морской немецкий автотранспорт идет прямо в Николаев и Нач. Рост. Штаба дальше должен ехать по железной дороге. Пришлось ехать товарным поездом с большими приключениями. На ст. Апостолово, ночью, с невероятными трудностями и, в темноте, должны были перегружаться в другой поезд. Приехали в Долгинцево. Отсюда нужно было ехать уже на подводе.

Наконец, 1-го марта 1943-го года, по невероятной грязи, дотащились в г. Кривой Рог.

По приезде в город, Нач. Рост. Штаба, немедленно, отправился в немецкую комендатуру, где представил свое удостоверение, выданное Командующим фронтом, ген. Кляйстом. Это удостоверение произвело на Коменданта города большое впечатление и он, приняв г. Адмиралова очень любезно, отвел для него очень хорошую квартиру в центре города, а рядом с квартирой помещение для Казачьего Штаба и подворье для автомашин и подвод, обещая со своей стороны, согласно приказа ген. Кляйста, содействие в работе Казачьего Штаба.

На другой-же день, явились сотрудники Ростовского Казачьего Штаба, которые уже приехали из Ростова, и Казачий Штаб начал свою работу. Пришлось увеличить состав сотрудников, т. к. предстояла большая работа. Нужны были культурные агенты для проведения разъяснительной работы среди всех отступавших: казаков, «иногородних», украинцев и др. Нужно было уговаривать их объединяться и регистрироваться в Казачьем Штабе, т. к. дальнейшая эвакуация, согласно приказа немецкого Штаба, возможна только в организованном порядке, иначе, не-зарегистрировавшиеся, будут лишены возможности получать продукты и будут задерживаться, как вносящие

дезорганизацию и уклоняющиеся от всякой работы. Лицам, имевшим лошадей и подводы, это не нравилось, т. к. они ехали одни и со всеми удобствами, в то время как другие тащились с детьми и имуществом пешком или по железной дороге в ужаснейших условиях. Для последних такая регистрация была выходом из тяжелого положения. Они теперь часто получали в свое распоряжение отдельную подводу.

Согласовав свои распоряжения с немецким Штабом, Нач. Криворожского Казачьего Штаба, г. Адмиралов, открыл регистрационные пункты на вокзалах и в селах, где сходились проселочные дороги, по которым безпрерывно шли десятки тысяч беженцев. Зарегистрировавшиеся в этих пунктах, направлялись в Кривой Рог, где их соединяли в группы и отправляли эшелонами дальше. Упорствующих, агенты имели право задерживать и доставлять в Кривой Рог, т. к. такие лица вносили безпорядок.

В виду большого наплыва беженцев и т. к. всем нужно было дать приют, накормить и дать возможность отдохнуть от ужасной и тяжелой дороги и всех переживаний, по требованию Казачьего Штаба, немецкий Комендант города отвел для беженцев большое помещение и гужевой двор для их подвод.

Приходилось выслушивать массу всяких жалоб, нареканий и недовольства. Все хотели ехать дальше, как можно скорее и кому куда вздумается, не считаясь с намеченным планом, согласованным с немецким Штабом. Некоторые не хотели даже подчиняться распоряжениям Казачьего Штаба. Многие отказывались от всяких работ, считая это насилием, но требовали исправной и немедленной выдачи продуктов. Нужно было установить ответственность за нарушение порядка, не вызывая у людей обиды и озлобления, принимая во внимание, что люди изнервничались и сильно страдали, потеряв все: Родину, близких, имущество, и бежали без всяких перспектив на лучшую жизнь.

Спустя некоторое время, неожиданно, приехал в Кривой Рог Походный Атаман, полк. С.В.Павлов в ужасном настроении. Первыми словами его, после приветствия, были: «Давай казаков! Со мной около 50-ти бойцов и это все, что осталось от моих боевых отрядов. Я шел все время, прикрывая беженские колонны, от нападающих со всех сторон красных партизан!»

Начальник Каз. Штаба, г. Адмиралов, старался успокоить его и сообщил, что не все еще потеряно, кое что уже сделано, нужно только эту работу упорядочить и согласовать, выработав общий план. При этом, г. Адмиралов разсказал ему о своих мытарствах и поведении Духопельникова и Сюсюкина. Пох. Атаман выругал их, как следует «по казачьему», но не удивился, и сказал, что от них можно было всего ожидать. «Счастлив ты, что жив остался. Могло

быть еще хуже!» сказал он.

На совещании с Пох. Атаманом был выработан общий план дальнейшей работы. Войсковой Штаб будет иметь местопребывание в г. Кировограде (Елисаветград), где находился, в это время, и немецкий Штаб, а Кривой Рог намечался главным пунктом организации отступавших казаков и «иногородних». Здесь нужно было группировать их и отправлять дальше эшелонами, а из добровольцев составлять воинские отряды, разбивать их по сотням, производить первоначальное военное обучение и затем отправлять в Кировоград для дальнейшей подготовки и зачислении в боевые отряды.

Во время совещания, Пох. Атаман жаловался, что ему по прежнему приходится всю работу вести одному. Около него нет хороших помощников, только один адъютант, сотник Плотников. Он хороший исполнитель, но ни на что серьезное не годится. Нужно, во что-бы то ни стало, найти подходящих помощников: культурных, энергичных, честных и главное не увлекающихся выпивкой.

Нач. Криворожского Каз. Штаба решил помочь Походному Атаману и найти ему подходящих помощников. На первое время он послал ему в Войсковой Штаб некоторых из своих сотрудников, но потом решил, для начала, найти, хотя-бы господина Д., которого он считал человеком работоспособным и хорошим организатором. Но найти г. Д. было не легко. Выйдя из Батайска со своим небольшим отрядом казаков и обозом, г. Д. направился в эвакуацию самостоятельно, избегая всякой связи с Войсковым и Ростовским казачьими Штабами, хотя в последнем он состоял на службе и исправным образом получал причитающееся ему жалованье и даже получил эвакуационное пособие. Но ему все время хотелось быть самостоятельным и командовать хотя небольшой группой казаков.

От своих агентов г. Адмиралов, случайно, узнал, что недалеко от г. Никополя стоит какой-то небольшой отряд казаков с обозом. По наведенным справкам, это был «боевой отряд» господина Д. Г. Адмиралов, немедленно, отправился на поиски и нашел этот отряд, в 25–30 человек, в одном хуторе на отдыхе. После взаимного приветствия и обмена «любезностями», г. Адмиралов стал уговаривать его не идти «сторонкой» от общего казачьего дела, когда все напрягают последние силы в борьбе с большевиками. Пох. Атаман потерял почти всех казаков, ведя все время бои с сов. партизанами, и до сих пор не может найти подходящих помощников. Нужно поддержать его и оказать ему помощь, и, поэтому, г. Д. следует, немедленно, выехать в Войсковой Штаб к Пох. Атаману.

Господин Д., как будто-бы, согласился с этим, но его супруга, имеющая на него сильное влияние, особенно сильно отстаивала независимое положение ее супруга и просила оставить его в покое, и не втягивать в это дело. Долго, ночью, слышались их споры по этому поводу, но на утро выяснилось, что г. Д. одержал победу над супругой и заявил, что согласен ехать к Пох. Атаману.

После завтрака, боясь, чтобы г. Д. не передумал, г. Адмиралов поспешил выехать с ним в Войсковой Штаб, который, в это время, стоял в г. Запорожье.

Пох. Атаман встретил г. Д. любезно и назначил его заведующим отделом пропаганды.

Относительно Духопельникова и Сюсюкина получились сведения, что они, состоя при Штабе ген. Кляйста, около Николаева, собирают казаков для несения полицейской службы при немецком Штабе и разсылают агентов, предлагая казакам записываться в его Штаб, обещая всем, записавшимся, веселую и доходную службу. Около него собирались всякого рода авантюристы, которые идут за кем угодно, лишь-бы пожить хорошо. Там-же оказался и интендант Ростовского каз. Штаба, господин Б.

«Такое поведение Духопельникова» сказал Пох. Атаман, «дезорганизует и подрывает казачье дело и он примет свои меры к обезврежению подобных работников!»

Но он жестоко ошибался. С подобными людьми, в то время, при той обстановке и взглядах немцев, справиться было не легко и они доставили Войсковому Штабу еще много неприятностей. Однажды, господин Д., попав в руки Духопельникова, чуть не сложил свою «буйную» голову и только настойчивые требования и защита перед немецким Штабом Пох. Атамана и г. Адмиралова спасли его от печального конца.

В это-же время, появился на горизонте Войскового Штаба и войск, старш. Т. И. Доманов. Он служил в царское время полковым вахмистром, а во время первой мировой войны был произведен в хорунжие. Не попав в первую эмиграцию по болезни, он вынужден был возвратиться на Дон и поступить при сов. власти на работу. Ему удалось, спустя много времени, пристроиться на службу в особую советскую, привеллигированную, организацию «Круздо». Работа его заключалась в снабжении домов отдыха и санаторий всем необходимым, как-то: продовольствием, бельем, углем и т. п. На такую службу назначались обычно лица, пользующиеся особым вниманием и доверием, за какие-нибудь особые заслуги перед сов. властью, или-же имеющие высокие связи. Перед приходом-же немцев, Доманов жил в г. Шахты (Александр-Грушевск) и работал

доверенным и представителем какой-то угольной сов. организации. С момента прихода немцев, он продолжал разъезжать по своим личным делам, выжидая, «во что это все выльется» и в казачьих делах держался «особняком». Когда был организован Войсковой Штаб и избран Пох. Атаман, Доманов не откликнулся на его призыв к объединению казаков около Войскового Штаба. Живя в 60-ти киллометрах от г. Новочеркасска, он ни одного раза не побывал в Новочеркасске у Пох. Атамана, предпочитая быть самостоятельным атаманом и никому не подчиняться. Это было время, когда каждый урядник хотел быть атаманом и ни кому не подчиняться.

Незадолго, перед самой эвакуацией, Доманов, по примеру г. Д., собрав небольшую группу (около 50-ти казаков) со своим обозом тронулся в эвакуацию окольными путями, избегая встреч с Войсковым казачьим Штабом. Только под Запорожьем стали появляться слухи о существовании группы казаков под командой Доманова.

После того, как Пох, Атаман переехал в Кировограде открыл там работу Войкового Штаба, впервые, лично появился Доманов и то только «на разведку» и зондирование почвы. В виду приказа немецкого Штаба всем казакам регистрироваться в Войсковом Штабе, иначе, все, упорствующие и дезорганизующие работу немецкого Штаба, будут лишены права получать продукты и фураж для лошадей, Доманов тоже вынужден был установить связь с Войсковым казачьим Штабом и Пох. Атаманом.

По дороге в Кировоград, где в то время уже был открыт Войсковой Штаб, Доманов приехал в Кривой Рог, и просил г, Адмиралова устроить ему свидание с Пох. Атаманом. Он произвел на г. Адмиралова впечатление развитого и решительного, но хитрого и крайне честолюбивого человека.

После обстоятельного разговора, они выехали в Кировоград. Пох. Атаман принял Доманова любезно и даже не укорял его за игнорирование Войскового Штаба. В переговорах, участником которых был и г. Адмиралов, Доманов выражал желание присоединиться со своим отрядом к Войсковому казачьему Штабу, но «торговался» и настаивал, чтобы он оставался, по прежнему, командиром своего отряда. Пох. Атаман, избегая недопустимого в Войсковом Штабе «двоевластия», конечно, не согласился на это, и предлагал ему присоединиться на общих для всех основаниях, обещая назначить его на соответствующую должность. На это Доманов ответил, что он «подумает» и возвратился к себе в Запорожье, где предпочел поступить на «хлебное место» в немецкий Штаб для несения при нем полицейской службы. Возвратившись из Кировограда, Начальник

Криворожского казачьего Штаба, г. Адмиралов, продолжал свою работу по упорядочению эвакуации и укомплектованию воинских отрядов. В самом непродолжительном© времени, были отправлены в Кировоград, в торжественной обстановке, 3 больших эшелона казаков и украинцев в организованном порядке и с обозами. В боевые отряды зачислялись, без всякого принуждения, только молодые добровольцы, старики-же, женщины и дети выделялись в особые группы, которые временно оставались в Кривом Рогу и получали полное обез-печение. К сожалению, были такие офицеры и казаки, которые не желали записываться не только в боевые отряды, но и отказывались от всякой работы. На этой почве приходилось иметь много неприятнх столкновений.

Однажды, Нач. Криворожского каз. Штаба сообщили, что на одном железно-дорожном вокзале проживает какой-то казак, который всем, проезжавшим беженцам, дает различные практические советы, но от регистрации в Казачьем Штабе отказывается. Пришлось, согласно приказа немецкого Штаба, пригласить его в Кривой Рог в Казачий Штаб для объяснения. Вызванный казак, оказался довольно культурным и развитым студентом Новочерк. Политихнического Института, по фамилии — Казьмин. Он заявил, что желает работать самостоятельно. В разговоре с ним, Нач. Криворож. Штаба указал, что, хотя он делает хорошее дело, помогая беженцам своими советами, но своим поведением он вносит дезорганизацию в работу Штаба и, потому, должен зарегестрироваться в Казачьем Штабе и работать по его планам, согласованным с немецким Штабом, регистрируя казаков и направляя их в Криворожский казачий Штаб.

После этого разговора, Казьмин вынужден был зарегестрироваться в Штабе и был назначен заведующим пропускным пунктом на том-же жел. — дорожном вокзале. Но, вскоре, он переехал в Кировоград и работал в отделе пропаганды, поступив в распоряжение г. Д.

В Кривом Рогу проживал также бывший пом. Нач. Новочерк. полиции, войск, старш. П. И. Потехин. Это был еще не старый человек, окончивший Кадетский корпус и Военное училище, но имел ужасно строптивый характер. Он отказывался от всякой работы, не подчинялся распоряжениям Пох. Атамана, от всякой работы уклонялся и даже не хотел регистрироваться в Криворожском казачьем Штабе, внося этим большой безпорядок и дезорганизацию. За продуктами-же он всегда являлся одним из первых и часто выражал всевозможные неудовольствия при получении продуктов и открыто заявлял, что немцы обязаны кормить его совершенно даром. Большого труда стоило заставить

его подчиняться порядкам, установленным Казачьим Штабом и втянуть в работу, хотя он имел большой опыт в военном деле и мог-бы оказать Казачьему Штабу большую помощь.

Спустя некоторое время, из боязни лишиться продуктов, он вынужден был подчиниться Штабу, зарегестрироваться и поступить на службу в Штабе в качестве инструктора и заведующего военным обучением казаков, зачисленных в боевые отряды и живущих в отведенных для них, казармах.

Вскоре, удалось уговорить его сопровождать в Кировоград, укомплектованный большой отряд казаков и там лично передать его Пох. Атаману и побеседовать с ним о зачислении его на работу в Войсковом Штабе, Между прочим, Пох. Атаман сильно нуждался в военных инструкторах для обучения и подготовки боевых отрядов. Потехин согласился сопровождать сьорганизованный эшелон казаков и явился к. Пох. Атаману.

Пох. Атаман хорошо знал Потехина и его тяжелый и строптивый характер по совместной службе в войсковых частях в первую мировую и гражданскую войну.

При встрече с Пох. Атаманом в Войсковом Штабе, Потехин вел себя вызывающе и категорически заявил, что желает командовать только полком и «ни как не меньше» Пох. Атаман ответил, что сейчас, хотя он имеет несколько полков, но в них имеются командиры, которые хорошо справляются со своим делом, а потому, «без уважительной причины» увольнять их он не намерен, но, в недалеком будущем будет формироваться новый полк и он будет иметь его первым кандидатом в командиры полка. На этом они и расстались.

Возвратившись обратно в Кривой Рог, Потехин передал г. Адмиралову свой разговор с Пох. Атаманом и добавил, что, он, вообще, не желает работать под командованием полк. С. В. Павлова, считая его «ниже себя чином» Но войск. старш. Потехин забывает, что в то время, когда полк. С. В. Павлов, избранный потом казаками Пох. Атаманом, не считаясь с чинопроизводством, всю гражданскую войну и, в настоящее время, вел бои с большевиками на фронте в передних рядах своих боевых отрядов, господин-же Потехин все время отсиживался в пылу, в полиции, или в бургомистерстве при немцах, а теперь требует для себя особого почета и привеллегий.

В дальнейшем, г. Потехин не только не помогал Казачьему Штабу, но занимался склочничеством, разваливая своим поведением, с таким трудом налаженную, работу Казачьего Штаба.

Большой разлад в работу Войскового и Криворожского казачьих Штабов вносили также Кубанцы. В самом начале работы

в Кривом Рогу, на квартиру Нач. каз. Штаба, г. Адмиралова, пришел один старый кубанский полковник г. Николаенко из старых эмигрантов, побывавший заграницей и возвратившийся оттуда обратно на Родину. Он жаловался, что на Кубани не велось никакой казачьей работы и не было никаких казачьих организаций, как на Дону. На Кубани возглавлял казаков полк, Тарасенко и еще какой-то кубанский офицер, но они, будто-бы, больше интересовались работой в полиции, а не казачьим освободительным движением. Действительно, еще в Ростовский каз. Штаб полк. Тарасенко прислал доверенность на ведение в Ростове кубанских казачьих дел. Но хотелось сказать этому заслуженному и старому полковнику, почему-же вы, осуждая других, не взялись за это дело и не помогали тому-же полк. Тарасенко развить на Кубани казачье движение.

Таких, осуждающих других и критикующих работу, всегда бывает много. Такие люди хотят, чтобы другиерисковали своими головами, а они будут выжидать какой оборот примет это дело, и осуждать из за ошибки. «Но не ошибается только тот, кто ничего не делает, а со стороны, всегда легко замечать ошибки других!»

По договоренности с Пох. Атаманом, Нач. Кривор. каз. Штаба не делал различия между казаками: Донскими, Кубанскими, Терскими и др., но все-же при организации боевых отрядов, старался составлять однородные группы: Донцев, Кубанцев, Терцев, Украинцев и др. В Казачий Штаб приходили люди разных наций и сословий, шражая желание записаться в казачью организацию по борьбе с большевиками и никому не было отказа в этом священном порыве. «Кто против большевиков, тот и наш!» говорил Нач. Криворожского казачьего Штаба. Многие просили записать их в казачье сословие, но им указывалось, что у казаков это так просто не делается. Нужно сначала проявить себя, необязательно даже в боях, но в каком нибудь общественном или ином деле, заслуживающем внимания казаков, хотя-бы в борьбе с большевизмом. Таким людям давалось обещание, что они будут с любовью и честью, независимо от национальности и вероисповедания, приняты в казачью семью со всеми казачьими правами и без всяких отговорок.

В виду всевозможных, неприятных, разговоров и для удобства, в канцелярии казачьего Штаба было поставлено несколько столов для разных казачеств и других национальностей и сословий.

Вскоре, стали появляться слухи об организации Русского Освободительного Комитета в Берлине под председательством ген. Власова. Организация эта носила название «РОА». Разделяя взгляды ген. Власова по организации всех Русских людей на

борьбу с большевизмом и желая помочь этой организации, не смотря на расхождение во взглядах на эту организацию с Войсковым Штабом, г. Адмиралов открыл в своем Криворожском казачьем Штабе отделение по регистрации всех, желавших записаться в «РОА», тем более, что в Казачьем Штабе всегда велась работа не только с казаками, но и с «иногородними», украинцами и др.

С целью пропаганды идей «РОА», при входе в Казачий Штаб был выставлен, прекрасно нарисованный художником портрет Русского богатыря в большом виде и он производил на всех сильное впечатление.

10-я Глава

В сентябре месяце 1943-го года стали появляться слухи, что немцы намерены эвакуировать г. Кривой Рог. К этому времени в Криворожском каз. Штабе был организован хороший автопарк, в котором были собраны и отремонтированы 2 легковых и 5ть грузовых машин. Все это делалось своими средствами и своими людьми из брошенных и разбитых немецких машин. В Войсковом-же Штабе не было ни одной машины и Пох. Атаман большею частью ездил верхом, а семья Атамана выезжала на подводе. Решено было подарить Пох. Атаману хорошую легковую и одну грузовую машины, которые и были отправлены в Кировоград. Шоффером на легковую машину был назначен один инженер, большой специалист по всякого рода транспорту, который принес большую и безкорыстную пользу казачеству и который оставался с Пох. Атаманом все время, деля с ним и горе и радость.

Слухи об эвакуации все росли, хотя немцы, как всегда, и скрывали это. Наконец, было получено распоряжение Пох. Атамана выехать с Криворожским казачьим Штабом в г. Проскурово и открыть там пропускной пункт для большого количества беженцев: казаков и «иногородних».

При выезде из Кривого Рога, произошло много неприятных сцен, характеризующих некоторых людей. Войск, старш. Потехин, вместе с казаком Маштаковым и одниминженером г. Б., служившим в Казачьем Штабе в канцелярии, собрали около себя группу казаков и стали требовать себе отдельного обоза, т. к. они не желали ехать по указанному им маршруту на Проскурово, а захотели ехать под командой Потехина на Румынию. Главной целью Потехина всегда было не подчиняться распоряжениям Войскового Штаба и Пох. Атамана, а иметь группу казаков и быть их командиром.

Ночью, захватив часть обоза, эта группа казаков под командой Потехина, тайно и поспешно выехала на Румынию и чуть не попала в катастрофу: выдачу их большевикам.

За 3–4 месяца до эвакуации, после долгих скитаний и пребывания в Штабе Духопельникова, в Кировоград приехал бывший интендант Ростовского казачьего Штаба, господин Б. Он остановился у своего старого друга, господина Д. и просил его выручить из беды, походатайствовать за него перед Пох. Атаманом и дать ему какую нибудь «подходящую» работу. Пох. Атаман, «по доброте сердечной», и по ходатайству г. Д. простил грехи г. Б. и, вызвав Нач. Криворожск. Штаба, просил помочь раскаявшемуся в своих «прегрешениях» г. Б. и дать ему один из

пропускных пунктов около г. Никополя, где г. Б. будет собирать казаков и через Кривой Рог направлять их Пох. Атаману в Кировоград. Этим пунктом заведовал казак Маштаков. Это был молодой, энергичный человек и вел свое дело исправно, но, по совету г. Д., этот большой пропускной пункт Пох. Атаман передал в более «опытные» руки г. Б. Приказ Пох. Атамана был, конечно, выполнен и на место Маштакова назначен г. Б.

Прошло несколько месяцев и, однажды перед эвакуацией в Кривой Рог, неожиданно, приехал г. Б. и заявил, что он уже приготовился к эвакуации. Он решил, не считаясь с распоряжениями и планами Пох. Атамана, немедленно, выехать в Румынию, где проживала его теща — румынка. Он предлагал и Нач. Криворожского каз.

Штаба также, немедленно, сворачивать свою работу и выезжать вместе с ним в Румынию.

На вопрос г. Адмиралова, а как-же поступить с Войсковым Штабом и Пох. Атаманом, он ответил, что ему с ними, сейчас, «не по пути». На это Нач. Криворожск. каз. Штаба заявил ему, что ему тоже «не по пути» с ним. Г. Адмиралов добавил, что с Пох. Атаманом, полк. С. В. Павловым, он начинал свою работу еще на Дону, не привык изменять данному своему слову и ненамерен бросить казаков, которых вывел с Дона и, потому, до конца останется верным Пох. Атаману.

На этом они и расстались. г. Б. через несколько дней, не заезжая в Войсковой Штаб и не показываясь своему другу, г. Д., тайно выехал в Румынию.

Но там, «у тещи», он долго не оставался. Как человек опытный, он почувствовал, что в Румынии жить опасно и легко попасть в руки большевиков и потому выехал со своей семьей, в одиночном порядке, далее, заграницу.

После различных «мытарств и приключений», г. Б., спустя много времени поселился на границе со Швейцарией, около г. Линдау, а, затем, один из первых съумел выехать в Америку, где сделался атаманом одной станицы и в чине «полковника».

20-го октября 1943-го года, выпроводив все танспорты и штабное имущество, Начальник Криворожского каз. Штаба вынужден был в экстренном порядке, т. к. уже подходили большевики, выехать, согласно приказа Пох. Атамана, в г. Проскурово. В дороге их застигла ночь и они вынуждены были остановиться на ночлег. Ночь была тревожная. Слышались орудийные выстрелы, а по дорогам были уже большевитские разъезды.

Из Кривого Рога выехали последними и в этот-же день дорога была перерезана большевиками.

По дороге в Проскурово, нужно было заехать еще в Кировоград, чтобы получить от Пох. Атамана последние распоряжения. Приехав в Кировоград, они нашли ВойсковойШтаб уже готовым к эвакуации. Здесь узнали, что много казаков, кем-то, намеренно распропагандированных, направилось в Румынию. Поэтому, Пох. Атаман просил Нач. Криворож. Штаба, немедленно, не останавливаясь в Проскурово, ехать в Каменец-Подольск, чтобы не допустить казаков ехать в Румынию, которую считали ненадежной. Так потом и оказалось. Там разыгралась ужасная трагедия. Румыния, вследствии измены Болгарии, была взята большевиками и от румын они потребовали выдачи всех беженцев, что они и сделали. Всех, кто не успел выехать, румыны выдали большевикам.

На совете Пох. Атамана с немецким Штабом было решено направлять всех эвакуирующихся в Польшу.

Но, спустя некоторое время, стали получаться слухи, очень неприятные для казаков: будто-бы, немцы решили ликвидировать казачий Войсковой Штаб и распустить все казачьи организации. Для выяснения этих, тревожных и ужасных для казачества, слухов, г. Адмиралов, оставив свой Штаб и семью в Каменец-Подольске, выехал с офицером А.Г.Комаровым (погибшим в Лиенцевской выдаче казаков англичанами) в Войсковой Штаб, который стоял в это время, в деревне Христиновка. Ехать пришлось на открытой товарной платформе в сильный мороз с ветром.

С большим трудом добрались до Христиновки. Деревня имела жалкий вид, но еще более жалкое впечатление оставлял Войсковой Штаб. От районного немецкого Штаба было получено оффициальное распоряжение о свертывании работ Войскового Штаба.

Во главе этого районного немецкого Штаба стоял немецкий генерал, который ненавидел казаков, не признавал их казачьего освободительного движения по борьбе с большевиками и не признавал вообще казачьих заслуг в государстве Российском. Этот генерал имел все отрицательные черты нацистской идеологии. Он был ярый нацист и видя, что немцы окончательно разбиты, хотел, хоть на ка~ заках сорвать свою злобу, и потому решил ликвидировать казачью организацию как военную, и, переведя всех казаков на гражданское положение, предоставить их общей беженской участи. Казаки, выйдя из пределов Донской Области, не стремились к военным делам, а только отбивались от наседавших на них со всех сторон партизан и к тому-же они были плохо вооружены. С болью в сердце приходилось иногда видеть, идущие в бой, казачьи части. Иногда в бой шли старики и даже

женщины. Пулеметы ставили на казачью беженскую подводу, на которой сидела казачка и правила лошадьми, не желая раздаваться с ним, не считаясь с тем, что она могла оставить на фронте не только лошадей, но и свою буйную головушку. Действительно, это были люди, сильные духом. «Умрем, но не сдадимся», говорили казаки.

Немецкий генерал добился своего, и из Берлина, буд-то-бы, был получен приказ (может быть это была провокация этого немецкого генерала) ликвидировать казачьи воинские части и организации. У всех были отобраны военные удостоверения, дававшие «подобия» каких-то привилегий. Оставлены были только у четырех лиц, в том числе и у г. Адмиралова. Полная растерянность и подавленность охватила всех. Действительно, для Войскового Штаба и для казаков положение было отчаянное и безнадежное.

Через нессколько дней, немецкий генерал выезжал со своим Штабом на французский фронт. Делались предложения казакам ехать также во Францию на тот фронт, но никто из казаков не выразил желания ехать туда.

В этом немецком Штабе служил переводчиком приятель г. Адмиралова. Уезжая с немецким Штабом, он предложил ему также ехать во Францию, обещая со своей стороны принять все меры к тому, чтобы он был принят там хорошо и устроен на соответственную должность. Но г. Адмиралов, поблагодарив его, отказался выехать, решив быть верным до конца Пох. Атаману, полк. С. В. Павлову и родным казакам, с которыми решил разделить судьбу до конца.

После отъезда немецкого генерала, Войсковой Штаб оставался еще в Христиновке. Все чувствовали себя брошенными и обездоленными, но все-же решили так легко не сдаваться и бороться до конца. На совещании Пох. Атамана уговорили не падать духом, а ехать самому лично в соседний город, где находился Командующий фронтом, и изложить ему отчаянное положение Войскового казачьего Штаба и казаков.

На другой день, Пох. Атаман поехал к Командующему фронтом, добился личного свидания с ним и просил его войти в положение казаков и оказать им свою помощь. На счастье казаков, Командующий фронтом оказался человеком добрым и отзывчивым. Он решил лично запросить Берлин по этому поводу, выразив и свое пожелание, оставить казачьи организации на прежнем положении.

На следующий-же день, Командующий фронтом получил ответ: «Оставить казачьи организации в том-же виде и оказать им всемерную помощь!» Радости казаков не было границ. Все видели

в этом заступление за них Спасителя и Его Божией Матери, особенно чтимой казаками. У всех поднялось настроение и все принялись за работу. Пох. Атаман, по приезде от Командующего фронтом, приказал г. Адмиралову, выежать в Каменец-Подольск, чтобы успокоить свой Штаб и казаков, которые с нетерпением ожидали его возвращения, а затем, немедленно, переехать в Проскурово и открыть там большой пропускной пункт для всех эвакуирующихся: казаков, «иногородних», украинцев и др. Люди за это время сильно устали и пообносились, а подводы разваливались, т. к. ехали в последнее время по ужасной, песчаной, дороге.

По распоряжению Командующего фронтом, всем эвакуирующимся было приказано выдать все необходимое: мужчинам — военным новое обмундирование, а прочимцивильные костюмы и белье, а женщинам белье, пла-< тья, платки, шали и все, что окажется необходимым.

Это распоряжение Командующего фронтом было так неожиданно и своевременно, что не знали как и благодарить его за это. В Проскурово предстояла огромная рабо-< та. Нужно было оборудовать помещение для всех беженцев, котор!ые прибывали ежедневно в огромном количестве, оборудовать кухню, баню и все это снабдить всем необходимым. Затем, организовать гужевой двор для подвод, конюшни для лошадей и т. п. Людям дать возможность отдохнуть, сделать необходимые починки и затем, в организованном порядке направлять их дальше.

11-я Глава

По приезде в Каменец-Подольск, г. Адмиралов успокоил свою семью и казаков, сообщив им, что все окончалось благополучно. Здесь, в это время, уже распространился слух, что г. Адмиралов арестован и больше сюда не вернется.

Немедленно, все собрались и выехали в Проскурово.

По приезде туда и явившись к Коменданту города, г. Адмиралов, получил от него прекрасное и большое помещение для размещения эвакуирующихся, в котором было оборудовано общежитие, кухня, баня и т. п. Были найдены также конюшни и сараи: для лошадей, подвод и хранения сбруи. Все, приезжавшие сюда эвакуирующиеся, попадали в хорошие условия и рады были пожить здесь и отдохнуть после тяжелой и тревожной дороги.

1-го января 1944-го года была устроена для детей елка с подарками, а для взрослых встреча Нового года, концерт и ужин. На встрече Нового года присутствовали представители немецкого Штаба и города, а также приехавшие гости, старые эмигранты из Европы. Вечер прошел очень оживленно и весело. По обычаю пели казачьи и других национальностей песни и плясали свои национальные танцы. Все были довольны, благодарили за устройство вечера, говорили много тостов и речей. Особенно, приятно было видеть среди беженцев, наших братьев, старых эмигрантов, которых давно и с нетерпением ожидали. В Проскурово, наконец, решил окончательно присоединиться и войск, старш. Т. Доманов со своим обозом и отрядом около 100 человек. Вместе с ним прибыли и его друзья и единомышленники: Кубанский полковник Лукьяненко, доктор Дьяконов, доктор Григорович и др. Пох. Атаман предложил: Доманову должность заместителя Пох. Атамана по административным делам, полк. Лукьяненко был назначен заведующим пропускным пунктом в Каменец-Подольске, а докторам Дьяконову и Григоровичу обслуживать общежитие эвакуирующихся.

Пох. Атаман встретил Доманова очень любезно, но у Доманова, с самого начала, стали проглядывать черты неискренности, тщеславия и зависти к Пох. Атаману. За спиной Пох. Атамана он иногда говорил казакам: «Ну, да знаете, у полк. С. В. Павлова всяко бывает!» На эти реплики Доманова в то время мало обращали внимания, а они говорились неспроста, а с целью разложения казаков.

Незадолго перед Новым годом, из Берлина и из Франции приехали старые эмигранты: полк. Маркевич, эсаул Ломакин, эсаул М. Ротов, фон-Браудэ и др. Все они приезжали от ген. П. Н.

Краснова для работы в Войсковом Штабе, но всегда просили командных должностей. Все они производили хорошее впечатление и всем, конечно, давалось обещание в содействии, но в нем не было нужды, лишь бы была охота, а работы было сколько угодно.

В начале января в Войсковой Штаб приехал из Берлина новый представитель немецкого Штаба, г. Раткэ. До него представителем был майор Миллер, прекрасный, тактичный и добрейшей души человек, который любил казаков и делал для них все, что только можно было сделать хорошого, но так-как он был непартийный, то его, по проискам нацистов, «партийных фазанов», сняли с этой работы и прислали г, Раткэ, заядлого нациста, «злого гения» казаков. Он не любил казаков и старался делать все им во вред. Много зла принес он казачеству. Он произвел на всех окружающих очень неприятное впечатление своим презрительным отношением к казакам. Только Доманов и его супруга, Мария Ивановна, как немка и соотечественница Раткэ, были им очарованы, вскоре подружили с ним и почти всегда останавливались на одной квартире. Раткэ хорошо говорил по русски и даже без акцента, но с явным пренебрежением. После знакомства и разговора с ним, у г. Адмиралова и Пох. Атамана явилось подозрение, что Раткэ будучи в русском плену после первой войны с немцами, поступил в коммунистическую партию. После переворота в России и революции, он долго жил на Кубани и работал в крупных организациях на ответственных постах. Возможно, что он состоял в НКВД, т. к. дальнейшее поведение его только подтвердило эти подозрения. Пох. Атаман не доверял Раткэ, т. к. его распоряжения всегда делались не в пользу казаков. Поэтому, Пох. Атаман с неохотой выполнял их, или-же не считаясь с ними, поступал по своему, как находил нужным. Это, конечно, не нравилось Раткэ и он ненавидел Пох. Атамана, не без влияния Доманова.

В первый-же день, после приезда Раткэ, на квартире у г. Адмиралова было устроено совещание и намечен план дальнейшей работы Войскового Штаба. Так-как появилось очень много всевозможных самочинных, казачьих, комитетов, то на этом совещании было постановлено организовать при Войсковом Штабе Главный Казачий Комитет, объединяющий работу других комитетов, т. к. они своим поведением и работой вносили разлад среди казаков. Они считали себя самостоятельными и не подчинялись Войсковому Штабу и, конечно, не выполняли его распоряжений. Все это вредило казачьему делу, дискредитировало его и происходило не без влияния большевиков, агенты которых были и в казачьей среде. Поэтому,

решено было объединить эти комитеты, чтобы легче было бороться с ними. Председателем Главного казачьего Комитета был назначен г. Адмиралов, а помощниками ему были назначены представители Кубанского и Терского казачеств. К сожалению, этот Главный Комитет просуществовал недолго. Вскоре, был получен приказ ген. П. Н. Краснова: в виду явных злоупотреблений в этих комитетах, закрыть их и дела их сосредоточить в Войсковом Штабе. Вследствии такого приказа, в Войсковой Штаб стали приезжать «самостийники»: Кубанцы, Терцы и ДР»» которые не хотели признавать объединяющей роли Пох. Атамана и его Войскового Штаба.

Первыми приехали представители от Кубанского казачества: председатель комитета, полк. Тарасенко и полк. Дьяченко. Затем, приехали Терцы. Пох. Атаман долго и заслуженно укорял их в разлагательской работе и ссоре казаков в это тяжелое время, что идет только на пользу большевикам. Но, в конце концев, примирение состоялось и полк. Тарасенко был назначен заместителем Пох. Атамана в г. Львов, куда была намечена дальнейшая эвакуация казаков. Духопельников никаких представителей не прислал и попрежнему скрывался от Пох. Атамана. Он устроился в г. Краков в немецкую полицию и разсылал своих агентов с привлечением казаков к себе на службу.

Организованный в Проскурово пропускной казачий пункт, между тем, продолжал свою работу, принимая беженцев, группируя их и отправляя дальше по железной дороге.

Так-как, по приказу немецкого Штаба, дальнейшая эвакуация должна была происходить только по железной дороге, то эвакуирующиеся вынуждены были бросать лошадей и подводы, или-же продавать их местному населению «за шапку сухарей», или чаще всего за бутылку водки. По предложению Войскового Штаба, немецкое командование разрешило ему забирать этих лошадей и не оставлять их у населения, т. к. они будут нужны еще казакам в дальнейшем. Таким образом, было собрано несколько сот лошадей и подвод, которые отправлялись специальными эшелонами.

Здесь в Проскурово разыгрался очень неприятный инцидент. Когда, собирались брошенные лошади, то для них были оборудованы конюшни и сараи для подвод и хранения сбруи. Заведующими этих конюшен и кладовых были назначены офицеры, которым был отдан строгий приказ без письменного разрешения и подписи Коменданта пропускного пункта, г. Адмиралова, никому не выдавать ни лошадей, ни сбруи, т. к. на этой почве бывали всевозможные злоупотребления. Спустя некоторое время, на квартиру к г. Адмиралову прибежал офицер

М. с подбитым глазом, который сообщил, что к нему в кладовую явился один казак, приятель господина Д., с запиской от него, в которой приказывалось выдать этому казаку конской сбруи на 3 лошади. Офицер М., заведовавший кладовой для сбруи, согласно имевшегося у него приказа и заведенного порядка, без подписи г. Адмиралова, этому казаку в просьбе отказал. Тот пожаловался г. Д., а последний, вызвав офицера г. М. к себе на квартиру, избил за невыполнение его приказа. Офицер г. М. был георгиевский каваллер, честнейший и скромный человек, имевший жену и сына, обучавшегося в Военном казачьем Училище. Он так разнервничался из-за этого постсупка г. Д., что хотел наложить на себя руки. Успокоив его, г. Адмиралов, немедленно, вызвал Пох. Атамана для разсмотрения этого позорного поступка г. Д. Пох. Атаман созвал экстренное совещание, на котором г. Д. не отрицал, что побил офицера М. за невыполнение его приказа. Это его заявление, да еще с добавлением очень некрасивых моментов, возмутило всех, присутствовавших на этом совещании. Пох. Атаман приказал г. Д. извиниться перед этим офицером и сделал ему строгий выговор. К сожалению, это был не единственный пример «рукоприкладства» г. Д. Им была побита переводчица Войскового Штаба г-жа Ст. только за то, что позволила себе неодобрительно отозваться о стихах г. Д. В своем приказе о разжаловании г. Д., ген. П. Н. Краснов вынужден был указать на эти ужасные примеры рукоприкладства г. Д., позорящие честь казака и редактора газеты.

12-я Глава

Наконец, пришла пора эвакуировать немцам и г. Проскурово. 10-го января 1944-го года Войсковым казачьим Штабом был отдан приказ оставить Проскурово и выехать в направлении на Барановичи, куда уже давно производилась отправка эвакуирующихся, согласно распоряжения Раткэ. Вследствие большой скученности и неорганизованности там развился сыпной тиф. Раткэ давно уже имел сведения о появившемся там сыпном тифе, но, скрывая это от Войскового Штаба, продолжал отправлять туда эшелоны казаков. Когда об этом узнал Пох. Атаман, он, немедленно, выехал туда сам, чтобы вывезти оттуда всех людей. Он сильно повздорил, из-за этого ужасного случая, с Раткэ и, отменив его распоряжение, приказал все эшелоны направлять через Тарнополь на Львов.

Войсковой Штаб прибыл во Львов 19-го января 1944 года. Во Львове прожили один месяц, ремонтируя машины и меняя моторы, которые совершенно отказывались работать по старости и изношенности. Но, неожиданно, от Раткэ был получен приказ немедленно вернуться, в направлении на Проскурово и занять село Балино. Этот приказ привел всех в ужас. Все знали, что немцы отступали к границам Германии и их поспешно преследовали большевики. Только-что с трудом по ужасной и песчаной дороге выбрались из Проскурово, а теперь Раткэ опять гонит обратно на встречу большевикам. Этот приказ был весьма подозрительным. Видно было, что какая-то злая рука, намеренно, направляет казаков и пытается отдать их в руки большевиков. Пох. Атаман, в это время, был в отъезде. Он из Львова выехал вперед, чтобы выбрать хорошее место для остановки казаков.

Приехали в Балино. Это было огромное и богатое украинское село, жители которого были настроены благожелательно к казакам и явно антиболыпевитски. Вдруг, неожиданно для всех, Раткэ отдал приказ выселить жителей этого села из их домов и занимать их казаками. Жители, конечно, ожесточились и между казаками и населением начали происходить схватки. Только, с предвзятым намерением, можно было поселять казаков в украинском селе и так поступить с благонамеренно настроенным населением.

Доманов был назначен Начальником Балиновского казачьего стана и с этого времени стала, особенно, проявляться коварная его работа. Все, неудачные и коварные распоряжения Раткэ, он сваливал на Пох. Атамана, в то время как они, чаще всего, издавались в отсутствие Пох. Атамана, с согласия его

заместителя, Доманова.

Было ясно, что Доманов, при помощи своего друга, Раткэ, старался, очернив и свалив Пох. Атамана, полк. С. В. Павлова, занять его место. Раткэ часто ездил в Берлин и виделся с ген. П. Н. Красновым, которому передавал всевозможные сплетни и все неудачи сваливал на Пох. Атамана. Ген. П. Н. Краснов, как старый человек, всему верил, и вокруг Пох. Атамана создавалась неприятная атмосфера, которая сильно нервировала его. Друзьям и единомышленникам Пох. Атамана были ясно видны интриги Доманова и Раткэ и все время получались сведения о продолжавшихся тайных разговорах Доманова с казаками, направленные против Пох. Атамана. Доманов знал, что у Пох. Атамана очень много друзей, которые видели всю его работу для казачества, видели его любовь к казакам и его готовность положить свою жизнь за них и Родной Дон. Эти друзья не дадут в обиду своего Пох. Атамана и потому Доманов решил отделаться и от его друзей. Он стал преследовать их, а от разговора с г. Адмираловым уклонялся. У Доманова бывали часто тайные разговоры с Раткэ в Войсковом Штабе, которые тотчас-же прекращались при появлении г. Адмиралова.

Семья Пох. Атамана в селе Балино была помещена на окраине села, под тем предлогом, что это было хорошее и большое помещение. Но почти каждую ночь партизаны обстреливали этот дом и бедная семья полк. С. В. Павлова в страхе переживала ужасные часы.

Наконец, приехал Пох. Атаман. Узнав о том, что наделали здесь своими приказами Доманов и Раткэ, он сделал выговор Доманову, а с Раткэ имел очень «крупный» разговор по этому поводу. Раткэ оправдывался тем, что, будто-бы, таковы были распоряжения немецкого Штаба.

Пох. Атаман, немедленно, переселил свою семью в другой, более безопасный район, а казакам приказал готовиться к выезду из села Балино.

Вскоре, г. Адмиралову пришлось быть свидетелем одной большой и неприятной сцены, чреватой своими последствиями.

В Балино Доманов занимал квартиру на одной улице с г. Адмираловым. Случайно, из окна своей квартиры он увидел, что в дом Доманова пошел Пох. Атаман, что было редким явлением, т. к. Пох. Атаман на его квартире никогда не бывал, а все переговоры с ним вел только в Штабе. Г. Адмиралов был очень удивлен этим обстоятельством и предчувствуя недоброе в этом свидании, решил тоже пойти, будто-бы по делу, на квартиру Доманова. Войдя туда, он увидал на столе обильную выпивку и закуску, а за столом, сидящих: Пох. Атамана и эсаула М. Р.,

который был уже «на большом взводе». Доманов удивился приходу г. Адмиралова, но не подав вида, встретил его любезно и просил раздеваться и откушать с ними блинков, которые в это время подавала его супруга, Мария Ивановна. Г. Адмиралов не заставил себя долго упрашивать, т. к. и пришел он с целью послушать их разговор, который мог окончиться не совсем благополучно, имея в виду вспыльчивый характер Пох. Атамана. Г. Адмиралов разделся и присел к столу. Пох, Атаман стал продолжать с Домановым прерваный разговор. Этот разговор шел уже в повышенном тоне о текущих событиях, происходивших в Казачьем стане. Доманов пытался переменить тему разговора, неподходящего в присутствии г. Адмиралова, но полк. С. В. Павлов продолжал говорить о том-же. Он решительным тоном говорил Доманову, чтобы тот прекратил тайные совещания с Раткэ и секретные разговоры с казаками. Тот оправдывался и говорил, что это неправда и он не ведет никаких тайных разговоров. Неожиданно, вмешался в разговор, уже совершенно опьяневший, эсаул М. Р.: «Сережа, ты не безпокойся, мы сделаем тебя генералом!», сказал он и стал хвалиться своими связями в Берлине, Пох. Атаман, возмущенный словами эсаул а Р., ответил ему: «А тебе я советую поменьше ездить в Берлин и возить туда всякие сплетни. Я, как-нибудь, обойдусь и без твоей протекции!»

После этих слов, Пох. Атаман вскочил из-за стола, взял фуражку и поспешно вышел из квартиры. За ним выбежали Доманов и г. Адмиралов. Во дворе они увидели, как Пох. Атаман, не оглядываясь, быстро пошел домой.

Затея Доманова отвлечь внимание Пох. Атамана от его коварных планов и успокоить, явно неудалась. Поэтому, он и не пригласил г. Адмиралова на блины, чтобы не было лишних свидетелей, а эсаула Р. он считал своим единомышленником и человеком, подходящим для всякой выпивки.

В Балино прожили около 3-х недель, но за это небольшое время Доманов и Раткэ наделали очень много ужасных дел. Незадолго до приезда Пох. Атамана, «эти друзья», Доманов и Раткэ, объявили сверх-комический приказ, но имевший глубокий смысл. Чтобы отвлечь внимание казаков от ужасного положения на фронте и чтобы скрыть свои тайные и коварные планы, Доманов и Раткэ отдали приказ казакам, произвести раздел земель, отобранных у украинского населения и приготовиться к весеннему севу. Этот приказ возмутил всех. Фронт явно приближался и нужно было думать не о посеве, а о благополучном выходе из злополучного села Балино, т. к. озлобленные жители села перешли на сторону большевиков и каждую ночь, делая набеги на село, убивали казаков.

Пох. Атаман, по приезде в село Балино, отменил этот нелепый приказ и отдал распоряжение выезжать из Балино в направлении на местечко Скалу и Городенко. В спешном порядке, казаки стали укладываться и выезжать в дорогу. Дорога была ужасная, вся разбита отступавшими военными немецкими частями, а уходить нужно было быстро, т. к. большевики старались перерезать дорогу отступавшим казакам.

Пох, Атаман поспешил вперед и все время с боевыми казачьими отрядами охранял отступавших от советских партизан и обиженных и озлобленных украинцев села Балино. Доманову Пох. Атаман приказал, незадерживаясь, выводить казаков из села в намеченный срок.

36-ть часов ехали, не сходя с машин и подвод. Ехали не по дороге, а прямо по пахоте. Машины застревали и немцы вытаскивали их тракторами. До Городенко ехали 2 дня. Доманов отдал приказ, по приезде в Городенко, отправить машины обратно в Балино для вывоза продуктов. Но машины после ужасной дороги были так разбиты, что без ремонта не могли идти обратно и это спасло автотранспорт от большевитского плена. Доманов и Раткэ, проводив большинство казаков из Балино, часть их задержали с собой в селе. Они принялись резать свиней, отобранных у украинцев и вытапливать жир для отправки в Берлин, не торопясь с выездом. В это время, большевики, имея от своих агентов точные сведения о выходе казаков из Балино, окружили село и близ лежавший район вместе с Домановым, Раткэ и оставшимися казаками.

Узнав о таком несчастии с казаками, происшедшем по вине Доманова и Раткэ, Пох. Атаман обратился к немецкому командованию, прося выручить казаков из беды. Немцы, немедленно, бросили сюда свои войска и аэропланы и только с их помощью казаки выбрались из окружения, причем были брошены обоз и продукты. Много казаков погибло в боях с большевиками при прорыве окружения и при переправе через реку в ледяной воде. Друзья Доманова провозгласили его «героем», выведшим казаков из окружения, тогда как спасли казаков немецкие части, брошенные сюда по просьбе Пох. Атамана.

Пробыв в Городенко 2 дня, вынуждены были поспешно двигаться далее через Станислав и Стрый опять на Львов, куда и прибыли в конце марта месяца.

Во Львове простояли 2 недели и выехали на Самбор, но пробыв здесь только один день, выехали в Фелыптин, куда прибыли 1-го апреля 1944-го года. Здесь прожили довольно долго. Казаки очень нуждались в отдыхе, питании и одежде, т. к. сильно измучились, находясь все время под ударами

большевиков.

В Фельштине произошло печальное событие: застрелился переводчик и адъютант Пох. Атамана, С. И. Бэват. Он приехал в Казачий стан добровольцем из Чехии. Это был молодой человек, сын старого эмигранта, образованный, скромный, интересный, развитой, превосходно знающий все европейские языки. Он пользовался большой любовью со стороны всех окружавших. К сожалению, женился он на одной девушке, которая называла себя румынкой, но этому мало кто верил и все относились к ней подозрительно. Вскоре, после женитьбы у них стали появляться семейные недоразумения, которые и привели несчастного Бэвата к самоубийству.

В Фельштине отпраздновали также очень торжественно Пасху. Было организовано общее казачье разговенье и военный парад, который принимал Пох. Атаман, полк С.А.Павлов.

Из Фельштина выехали 19-го апреля опять в направлении на Сандомир, куда в начале мая прибыл Доманов с казаками, попавшими по его вине в окружение. Выбравшись из окружения, он двигался с казаками отдельно, догоняя Войсковой Штаб, В Сандомире была организована встреча казаков, из которых многих считали погибшими.

С этого времени, отношения между Пох. Атаманом и Домановым еще более ухудшились. К сожалению, имея мягкий характер, Пох. Атаман не любил применять крутых мер и это привело его к трагической развязке.

6-го мая старый эсаул, Гнутов, праздновал день своего Ангела. На имянины были приглашены особенно почитаемые лица с супругами и многие из чинов Войскового Штаба. В числе приглашенных были: Пох. Атаман, Доманов, г. Адмиралов, г. Д. и другие. Выпили очень много. Во время тостов, под влиянием винных паров, у многих развязались языки и стали много говорить, по русской пословице «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Адъютант и друг Доманова, эсаул Трофименко, принятый им на службу в Войсковой Штаб уже в Проскурово, поднялся и стал превозносить заслуги Доманова, как «героя», выведшаго казаков из окружения, не сказав, конечно, при этом, что попали они в окружение по его вине. Далее он стал беззастенчиво говорить, что только Доманов является верным другом и защитником казаков от ненужного пролития казачьей крови, как это делают другие, явно намекая на Пох. Атамана, который все время вел бои с большевиками. Все были возмущены речью Трофименко и стали ему возражать, но он с грубостью продолжал свою речь, пока, сидевшие около него, не усадили его.

В это время, г. Адмиралов, сидя рядом с Пох, Атаманом и

Домановым, услыхал сильный и ожесточенный спор их о текущих событиях. г. Адмиралов просил их оставить этот спор, т. к. сейчас не время и не место сводить счеты, тем более под влиянием винных паров. Тогда, Пох. Атаман встал из-за стола и, в раздраженном состоянии, выбежал во двор. За ним следом вышел Доманов. Боясь, чтобы между ними не произошла драка, выбежал и г. Адмиралов, а потом и другие. Во дворе увидели такую картину. У колодца стоял Пох. Атаман и, держа Доманова за грудь, кричал: «Я знаю, что ты хочешь свалить меня и занять мое место, но тебе не удастся это. Я слишком крупная для тебя фигура!»

Их развели, и Пох. Атаман, оттолкнув Доманова, вошел в комнату, где еще сидели гости, взял фуражку и быстро пошел домой. Эта сцена показала, как далеко зашли между ними трения.

Но и после этого, Доманов не успокоился. Живя с Раткэ на одной квартире, он попрежнему разрабатывал свои коварные планы, как снять Пох. Атамана с должности, а самому занять его место.

13-я Глава

В Сандомире г. Адмиралову было поручено Войсковым Штабом организовать всевозможные мастерские при Казачьем Штабе. Но 20-го мая было отдано распоряжение выехать из Сандомира в направлении на Новогрудок по железной дороге, т. к. по шоссэ было очень опасно ехать большим транспортом из-за нападений большевитских партизан. Но и по железной дороге партизаны все время сваливали поезда под откос с эвакуирующимися.

С большими предосторожностями, эшелоны с казаками прошли благополучно, прицепив впереди поезда вагоны с рельсами.

Прибыли в Новую Ельню, а отсюда выехали на автомашинах и подводах. По дороге попадались минированные места, но казаки-специалисты все время находили их, разоружали и только тогда проходили машины и подводы.

22-го мая 1944-го года прибыли в Новогрудок. Здесь были открыты, по приказу Штаба, мастерские. Не было ни машин, ни инструментов, ни материала, ни денег. Все приходилось делать из брошенного немцами негодного железного и прочаго хлама и негодных автомашин. Были налажены мастерские самого разнообразного характера с большим штатом мастеров. В виду недостатка помещений в Новогрудке, было открыто отделение в соседнем селе, Дворжеце.

В начале все шло хорошо, но, вскоре, опять стали делать нападения партизаны, с которыми по прежнему вел бои Пох. Атаман. Вдруг, 17-го июня было получено ужасное известие: на фронте, при загадочных обстоятельствах, убит Пох. Атаман, полк. С.В.Павлов. Все казаки были поражены этим известием. Когда привезли тело убитого Пох. Атамана в Новогрудок, на улицах происходили душураздирающие сцены. Обнявшись, плакали все: старые и малые, мужчины и женщины. Пох. Атамана все сильно и искренно любили за его доброту и простоту в обращени. Для каждого беженца: казака или «иногороднего» дом Пох. Атамана всегда был открыт: в любой час дня и ночи, можно было получить от него помощь или совет.

По настоянию г. Адмиралова, был сделан подробный осмотр тела убитого Пох. Атамана и составлен протокол осмотра, хотя Доманов был против этого осмотра. При этом присутствовали и подписали протокол: доктор Дьяконов, г. Адмиралов, г. Д. и Доманов. Оказалось, что Пох. Атаман был убит небольшой пулей. Выстрел был произведен с небольшого растояния. снизу и сзади в

затылок, и пуля вышла около носа. В самом непродолжительном времени, по подозрению в убийстве, был арестован, по приказу Доманова, переводчик и адъютант Пох. Атамана, казак Богачев, принятый на службу в Войсковой Штаб, по рекомендации Доманова, после самоубийства переводчика С. И. Бэват. Казак Богачев был сыном уважаемого, мирового ученого, профессора-казака, Богачева. После поступления на службу в Войсковой Штаб, Богачев стал вести себя подозрительно и Пох. Атаман перестал приглашать его на военные собрания. Это ему не нравилось и его замечали подслушивающим около дверей.

Поведение Доманова, после убийства Пох. Атамана, было весьма странным. В своих ответах советскому следователю, после Лиенцевской выдачи казаков, на допросах, Доманов допускал явные противоречия, что выдавало его желание дать всему этому событию ложное освещение и направление. Например, поспешный выезд Пох. Атамана, на предполагаемый фронт, произошел вследствие заявления Доманова, как Начальника Войскового казачьего Штаба, что на Новогрудок ведут наступление партизаны, что, впоследствии, оказалось ложью и никаких партизан не было. На вопрос следователя: был-ли Богачев на фронте в момент убийства, Доманов ответил, что Богачев оставался в Штабе и на фронт не выезжал. Но в то же время, по приказу Доманова, Богачев был арестован, по подозрению в убийстве и затем разстрелян.

Во время допроса, Богачев сознался, что состоял в коммунистической партии и был агентом НКВД. По словам писателя Н.Н.Краснова, внука ген. П.Н.Краснова, в его романе «Незабываемое», Доманов на допросах сов. следователя заявлял, что на допросах Богачева не бывал и не знает, что он там говорил, но слышал, что, будто-бы, Богачев сознался, что он был агентом НКВД, а при отступлении из Новогрудок, кажется, Богачев был разстрелян. Так говорил Доманов. Но все эти заявления Доманова не соответствуют действительности. Доманов присутствовал почти на всех допросах Богачева, а приговор о разстреле Богачева, по своему положению Пох. Атамана, подписывал сам Доманов. На все вопросы следователя он отвечал: «не знаю, кажется, как будто-бы и т. под.»

Впоследствии, по словам многих лиц: профессора П., офицера П. и др. убийцей Пох. Атамана был один из деньщиков Доманова. Как-бы то ни было, но инициатором и душой этого ужасного преступления был Доманов.

Незадолго до убийства Пох. Атамана, в Новогрудке произошло одно очень важное событие. По какому-то случаю, а может быть и «без случая», Доманов устроил у себя большой обед,

на который были приглашены все главные «персоны» Войскового Штаба и командиры полков. Не удостоились приглашения только: Пох. Атаман, г Адмиралов, г. Д. и др. друзья Пох. Атамана, хотя установилась такая практика, что ни одно подобное собрание не проходило без участия указанных лиц. Узнав, случайно, о таком торжестве, г. Адмиралов решил проверить правильность слухов и, немедленно, отправился на квартиру Доманова. Прийдя к нему, будто-бы, по делу, он увидел в прихожей много гостей, которые, после сытного обеда, вышли сюда «перекурнуть». Доманов, увидав г. Адмиралова, подошел к нему и стал извиняться, что не пригласил Пох. Атамана и его друзей, думая, что Пох. Атаман в отъезде, хотя, по своему положению заместителя Пох. Атамана, всегда знал о выезде Пох. Атамана, а г. Адмиралова не уведомил, будто-бы, не зная адреса его квартиры. Г. Адмиралов сказал, что он не в обиде на него за это, а зашел, случайно, по делу. Не смотря на приглашение Доманова остаться с ними, он ушел. Оказалось, что на этом торжестве, в числе многочисленных тостов, пили за здоровье будущего Пох. Атамана, Т. И. Доманова, а через неделю, Пох. Атамана, полк. С. В. Павлова нестало, он был убит «при загадочных обстоятельствах».

Убийство Пох. Атамана на предполагаемом фронте было обставлено большой «помпой». Когда, Пох. Атаман узнал от Доманова, что на Новогрудок идут сов. партизаны, он, немедленно, выехал на фронт, а спустя немноговремени, на фронт выехал и почти весь Штаб во главе с Домановым, что было явлением необычайным. Штаб, да еще с самим Начальником Штаба, г. Домановым, никогда не выезжал на фронт, т. к. Доманов, по его словам, не любил себя «афишировать», и потому чаще всего отсиживался в Штабе, придерживаясь пословицы:, «береженого и Бог бережет»!

После тщательного обследования убийства Пох. Атамана друзьями убитого и опроса сидетелей этого преступления, оказалось, что убийство произошло при такой обстановке.

Пох. Атаман, приехав на предполагаемый фронт и, не видя никакого неприятеля, выехал напригорок один, чтобы посмотреть, что делается вокруг. В этот момент, будто-бы, «шальная» пуля убила его. По словам Доманова, Пох. Атаман был убит «по ошибке», принятый за, «партизана», хотя убийство произошло днем, в присутствии Штаба, и Пох. Атаман был в полном обмундировании, так-что принять его за «партизана» было невозможно.

Похороны Пох. Атамана, полк. С. В. Павлова в Новогрудке были грандиозными. Все население Новогрудок во главе с Епископом Афанасием, городским начальством и

представителями немецкого Командования присутствовали на похоронах. Казаки навзрыд оплакивали дорогого Пох. Атамана, вспоминая, как он не один раз подставлял свою голову под пули, защищая их. Адъютант Пох. Атамана, сотник Плотников, став на колени перед гробом убитого Атамана, плакал и, при всем народе, каялся в своем преступлении перед убитым в том, что своим поведением мало помогал ему и не уберег от пули.

Похоронили Пох. Атамана, временно, в Новогрудке, имея в виду, при дальнейшем походе, взять его тело с собой, но не оставлять большевикам на поругание.

Во время похорон, уже на могиле, неожиданно для всех, Доманов прочитал телеграмму, полученную из Главного казачьего Управления, от ген. П.Н.Краснова, о посмертном производстве убитого Пох. Атамана, полк. С.В.Павлова в чин генерала. Кому это теперь было нужно? Это было последним издевательством над светлой личностью Пох. Атамана. Этот генеральский чин покойный давно заслужил своим геройским поведением на фронте, когда один иногда бросался на большевиков, выручая дорогих ему казаков и бился не из-за чинов, орденов и богатства, а потому, что был честным и идейным борцом за Родину и Родной, Тихий Дон.

В подавленном состоянии, прожили в Новогрудке до 20-го июля. Партизаны в это время подошли очень близко и старались окружить Новогрудок.

Еще при жизни убитого Пох. Атамана, в апреле месяце, к Войсковому Штабу присоединился, хорошо организованный, вооруженный, отряд в 300 бойцев с большим обозом, под командою хорунжаго Холоднаго. Этот отряд произвел на всех хорошее впечатление своей выправкой, дисциплиной и организованностью, но казался подозрительным: то-ли он боролся с партизанами, то-ли сам был партизанским. Холодный просил принять его под командование Пох. Атамана, но с условием не распылять его отряд по другим полкам. Пох. Атаман согласился, но держал его под наблюдением в селе Дворжице, где находились организованные кожевенные мастерские. Г. Адмиралову часто приходилось посещать село Дворжец для наблюдения за работой мастерских и наблюдения за отрядом Холодного. В одно из таких посещений, к нему явился Холодный и пригласил его к себе в Штаб на ужин, Г. Адмиралов поехал.

Войдя в Штаб, он был крайне удивлен, увидав, что ужин был организован грандиозный: с музыкой, цветами и дамами, в присутствии всего отрядного Штаба. Но что, особенно, бросилось в глаза г. Адмиралова, что он был приглашен один, хотя в Дворжице проживало много членов Войскового Штаба и

командиров полков.

Начались речи и тосты, из которых г. Адмиралов понял, что вся эта затея сделана «неспроста, а с определенной целью. Г. Холодный от лица своего Штаба обратился к г. Адмиралову с просьбой убедить Пох. Атамана в их лойяльности и чтобы тот не относился к ним с предубеждением и подозрительностью и дал-бы им возможность проявлять свою инициативу. Г. Адмиралов старался разубедить его в этом, говоря, что Пох. Атаман верит им, и ни в чем не отличает их от других боевых отрядов. На этом они и расстались. Проводы г. Адмиралова были устроены весьма торжественные. Но, через несколько дней, после убийства Пох. Атамана, Холодный со своим отрядом тайно скрылся, а, спустя некоторое время, вместе с другими сов. партизанами, с которыми он, как оказалось, поддерживал связь, повел наступление на Новогрудок, пытаясь взять казаков в расплох и в окружение.

Вся комедия с торжественным ужином в честь г. Адмиралова, была проделана г. Холодным с целью захватить его с собой, в качестве заложника, т. к. они, как это открылось впоследствии, собирались в эту ночь бежать к партизанам, но потом эта мысль ими была оставлена, и они решили попытаться еще раз, через г. Адмиралова, повлиять на Пох. Атамана, чтобы отвлечь от них его внимание и устроить, по соглашению с сов. партизанами, резню казаков в Новогрудках.

После убийства Пох. Атамана, Войсковой Штаб работал в высшей степени безпечно. Доманов был назначен сначала временным, а затем, спустя некоторое время, был утвержден ген. П. Н. Красновым и немецким Штабом действительным Пох. Атаманом Казачьих войск.

В одном из последних приказов, Доманов опять предлагал казакам приготовиться к весеннему севу и получению земель в наделы, в то время как большие силы большевиков были уже в 20-ти километрах от Новогрудок.

14-я Глава

Наконец, 20-го июля 1944 года был отдан приказ поспешно уходить из Новогрудок. Поднялась паника. Транспорт не был подготовлен, хотя Доманова давно предупреждали о наступлении большевиков, особенно, после бегства отряда Холодного. Но Доманов всех называл «паникерами», считая положение устойчивым и не находил нужным готовиться к эвакуации. Только для мастерских г. Адмираловым был приготовлен транспорт и они были вывезены благополучно во время паники. В мастерских заранее был приготовлен и цинковый гроб, в который было положено тело убитого полк. С. В. Павлова.

Во время отступления из Новогрудок, все время слышались орудийные и пулеметные очереди. Это наступали партизаны и впереди шли отряды Холодного. Положение было очень тревожное. Отступавшие обозы казаков растянулись на большое разстояние и нужно было все время отходить с боями. Наконец, с трудом оторвались от партизан. В тревожном состоянии проехали Новую Ельню и затем, выехали на Слоним.

Отсюда, не задерживаясь, выехали на Белосток. По дороге попали под сильную бомбардировку и провели жуткие часы.

10-го июля прибыли в г. Белосток, но отсюда должны были бежать в Тикоцин. Сюда явился Раткэ и предложил, в очень грубой форме, семье убитого Пох. Атамана, по настоянию Доманова, оставить Казачий стан и выехать в Берлин, где, будто-бы, им приготовлена квартира и полное содержание. Но, впоследствии, это оказалось ложью. Ничего там не было приготовлено и никто их там не ожидал. Семья убитого Пох. Атамана состояла из больной жены, молоденькой дочери и глубокой старушки-матери. Они, категорически, отказались разлучаться с казаками, надеясь здесь иметь верных защитников и не чувствовать одиночества среди чужих им иностранцев. Со стороны Доманова и Раткэ на семью убитого было явное гонение, а вместе с семьей убитого полк. С.В.Павлова чувствовали давление и гнев и друзья его, особенно г. Адмиралов и г. Доманов был утвержден Пох. Атаманом, но большинство казаков, зная его коварное поведение и участие в убийстве полк. С.В.Павлова, было против этого назначения. Казаки просили ген. П. Н. Краснова назначить Пох. Атаманом его племянника, полк. Семена Николаевича Краснова, пользующаяся у казаков большим уважением. Но полк. С.Н.Краснов, по каким-то своим соображениям, категорически отказался.

Доманов стал распространять слухи, что г. Д. сам думал

занять пост Пох. Атамана, а, потом, распустил новый, нелепый, слух, что, будто-бы, г. Д. уговаривал дочь убитого Пох. Атамана провозгласить себя Атаманшей казаков.

Распуская эти слухи, Доманов хотел дискредитировать семью убитого полк. С. В. Павлова, но г. Адмиралов утверждает, что все это была заведомая ложь.

Вскоре, пришлось выехать из Тикоцина и остановиться в лесу, намереваясь направляться на Модлин. Но, в виду быстрого продвижения большевиков, решено было ехать через Лодзь прямо на Варшаву, куда и прибыли 28-го июля 1944-го года. Здесь, пробыли всего 3 дня и выехали в Кутно, а, затем, направились в г, Леслау. Место было очаровательное, но у всех было ужасное настроение. В Войсковом Штабе царила, после убийства полк. С. В. Павлова, сильная растерянность и поэтому почти никто не замечал этой красоты.

Из Леслау выехали в Здунскую Волю, куда прибыли 7-го августа. Положение было тревожное. Шла быстрая эвакуация всего населения. Казаки вынуждены были выехать из города и остановиться в поле, недалеко от леса, около села Пески, где простояли до 1-го сентября.

После долгих переговоров с Берлином, был полученприказ: погрузить и отправить всех казаков с их имуществом, лошадьми и подводами в Италию, Все были рады такому приказу, думая, что, наконец-то, окончились все их мучения. Но друзья убитого полк. С. В. Павлова чувствовали, что над ними надвигается гроза со стороны Доманова и Раткэ и неизвестно увидят-ли они Италию или нет, а, может быть, они здесь будут брошены.

2-го сентября, по приказу Доманова, выехали из села Пески в Ширац, как будто-бы, для погрузки в Италию. В начале, предполагалась погрузка семьи убитого полк. С. В. Павлова и его друзей в первую очередь. Но, вскоре, этот приказ был отменен. Было видно, что Доманов затевает, что-то неладное, но, повидимому, планы еще неуточнены. Так оно потом и оказалось.

Из-за холода перебрались в один сарай к одной немке, которая пустила их из милости, но поселила, в насмешку, рядом со свиньями и обращалась очень грубо. Но все-же были рады и этому, т. к. находились в тепле.

В то время, на глазах всех, шла усиленная погрузка казачьих эшелонов в Италию.

Были получены из Штаба сведения, что друзья убитого полк. С. В. Павлова будут погружены после всех, когда все эшелоны с казаками уйдут. Это привело их в еще более тревожное состояние. При этом, было заметно, что сотрудники Штаба боятся подходить к ним и разговаривать. Положение было отчаянное. г.

Д. в это время оставался еще в городе Песках (около Здунская Воля).

Вскоре, из Штаба приехал один шоффер, посланный за продуктами, который сообщил, что г. Д., согласно приказа ген. П. Н. Краснова, арестован и разжалован, в устрашение других. Каждую минуту г. Адмиралов ожидал для себя той-же участи.

Приказ о разжаловании г. Д. и об его аресте был помещен в казачьей газете «Казак», издаваемой г. Д. при Войсковом Штабе и произвел на всех ужасное впечатление.

В приказе на ряду и с справедливыми обвинениями, выдвигаемыми против г. Д., перечислялись и все сплетни, распускаемые Домановым и Раткэ о нем. Будто-бы, г. Д. говорил, что только ему казаки обязаны своим спасением, что он хотел быть Пох. Атаманом и уговаривал дочь убитого полк. С. В. Павлова провозгласить себя Атаманшей.

Кроме того, в приказе говорилось, что г. Д., не смотря на несвоевременность и недопустимость, по законам Всевеликого Войска Донского, все время агитировал за созыв Войскового Круга, что вызывало в такое тяжелое время раздоры и споры среди казаков, а это шло на пользу только большевикам. Наконец, что он, г. Д., при своей разлагающей пропаганде, прибегал к угрозам и даже побоям «инакомыслящих» казаков и казачек, занимался «самовосхвалением и самолюбованием» в своих стихах, позволял себе бить людей, критикующих его произведения, что недопустимо для человека, редактирующего казачью газету.

В заключение всего, ген. П. Н. Краснов, приказывал, с конфискацией имущества, разжаловать г. Д. и отправить его в немецкий концентрационный лагерь.

Такой приказ уважаемого ген. П. Н. Краснова, вызвал удивление всего Казачьего стана. Как-бы ужасны ни были преступления г. Д. перед казачеством, но отправлять своего казака в ужасный немецкий лагерь, недостойно уважаемого, ген. П. Н. Краснова. Всем было ясно, что приказ этот был средактирован и издан под влиянием таких ужасных людей, как Доманов и Раткэ.(Копия приказа N 98-й Пох. Атамана, Доманова, от 31-го августа 1944-го года, напечатанного в газете Казачьего стана «Казак» и зачитанного, согласно приказа ген. П. Н. Краснова, перед строем казаков).

25-го сентября, в 2 часа дня прибыл вестовой от Доманова с приказом вернуться на прежнее место, в Фрейгауз, будто-бы, для погрузки.

Моментально собрались и выехали с радостью, что, наконец-то, будут грузиться, не предчувствуя того, что их ожидало.

Приехав на место, указанное Штабом, увидели здесь на полугоре, всю автоколонну в сборе. Когда машины остановились, из леса вышел отряд казаков с ружьями на перевес, которые моментально окружили всю автоколонну. Вдруг, раздалась команда: «Готовься к бою!» Ужас охватил всех, особенно женщин, которые завопили разными голосами. Все были уверены, что сейчас будут разстреляны, а в этой группе собралось около 50-ти человек. Оказалось, что Доманов приказал разоружить автоколонну. Но сцена разоружения была дикой и напоминала сцены 1917-го года в России.

Оружие было отдано сотрудниками автоколонны без сопротивления, т. к. никто и не думал вступать в бой с вооруженным отрядом.

Через 10-ть минут, повидимому по определенному плану Штаба, приехал полк. Михайлов, комендант Штаба, который хотел смягчить эту позорную сцену разоружения, и стал извиняться за офицера, отдавшего такую команду. Но этот офицер только выполнял приказ Штаба, запугать автоколонну и не сопротивляться. Полк. Михайлов сообщил, что Доманов приказал разоружить автоколону, думая, что она выступит в защиту г. Д., т. к. она в большинстве состояла из сотрудников отдела пропаганды, друзей г. Д. и семьи убитого полк. С.В.Павлова.

Через 2 часа на место разоружения приехали: Раткэ, полк. Медынский и следователь Воробьев. Всех, разоруженных, выстроили во фронт и начали допрашивать. После допроса, г. Адмиралову возвратили его оружие и был зачитан приказ о назначении его Начальником автоколонны и приготовиться к погрузке в Италию.

В этот день, была погружена только одна половина автоколонны, а на другой день предполагалась погрузка и второй половины. Семьи г. Адмиралова и убитого полк.

С.В.Павлова должны были грузиться, согласно приказа, со второй половиной.

На другой день, Шатин, Комаров и 10-ть казаков с машинами отправились на погрузку, г. Адмиралов поехал их проводить, но, вдруг, его и Шатина следователь пригласил к себе, для допроса по делу г. Д. После допроса следователь арестовал Шатина, но отпустил г. Адмиралова, хотя все говорили вслух, что теперь очередь за ним.

Через один час приехал Раткэ. г. Адмиралов обратился к нему с вопросом: «В чем дело? Почему арестован Шатин и когда будет его очередь?»

Раткэ усмехнулся и ответил, что никто не думает его

арестовывать, а на Шатина поступил донос и его, как друга г. Д., сейчас оставили для дополнительного допроса, но потом и он поедет в Италию.

В 10-ть часов вечера пришел полк. Чибиняев, заведующий погрузкой и отправкой эшелонов, и объявил г. Адмиралову, чтобы и вторая половина автоколонны приготовилась к погрузке.

Погрузились в поезд, но всю ночь стояли без отправки, все еще чего-то выжидая. Утром, вдруг опять пришел следователь Воробьев, задал несколько незначительных вопросов и потребовал у г. Адмиралова радио-приемник. Будто-бы, по распоряжению немцев, в Италии не разрешается им пользоваться. Но, впоследствии, оказалось, что радио-приемник понравился следователю и он взял его для собственного пользования.

В 8 часов утра приехала для погрузки семья полк. С. В. Павлова, тоже измученная всеми переживаниями.

В 11 часов утра, наконец, эшелон отошел в Италию. В Здунска Воля были оставлены только г. Д. с супругой и Шатин. г. Д. был отправлен, согласно приказа ген. П. Н. Краснова, в немецкий концентрационный лагерь. Но там он пробыл лишь несколько дней, т. к. комендант лагеря отказался его принять, сказав, что это дело казачье, а немцам до этого нет никакого дела. После этого г. Адмиралов до самой Германии г. Д. не встречал.

Итак, выехали в Италию. В пути было получено неприятное известие. По приказу Доманова и Раткэ, семья убитого Пох. Атамана, полк. С. В. Павлова должна быть брошена на границе с Италией в г. Виллахе. Им было приказано высадиться здесь и не показываться в Казачьем стане. Здесь, будто-бы, для них приготовлена квартира, полное содержание и их там уже ожидают, т. к. все согласовано с городским начальством и они ни в чем не будут нуждаться. Все это впоследствии, оказалось сплошной ложью и провокацией. Никакой квартиры не было приготовлено, никто их там не ожидал и три несчастные женщины оказались брошенными на чужой стороне, среди чужих людей, которые ненавидели казаков.

28-го сентября проехали г. Вену. Она производила жуткое впечатление. Разрушения были ужасные. Город ежедневно бомбили англичане, причем, в налетах участвовало иногда по 500 самолетов. Но Венцы неунывали и жизнь шла у них своим порядком и темпом. Рестораны были переполнены.

В Вене простояли только несколько часов и выехали дальше. По дороге были очаровательные виды, но на них никто не обращал внимания. У всех было отчаянное настроение. Все ожидали еще более тяжелых дней. И предчувствие их не обмануло.

Наконец, в 12-ть часов дня переехали границу и очутились в очаровательной Италии.

15-я Глава

Итак, 29-го сентября 1944-го года прибыли в Италию. Приближались к г, Толмеццо.

В бть часов вечера остановились на небольшой станции, Карния, откуда на автомашинах должны были ехать дальше, в Войсковой казачий Штаб.

30-го сентября, в 10-ть часов утра прибыли в г. Джемоно, где находился Войсковой Штаб и местопребывание Доманова. При въезде в город на улице встретили инженера Юхненко. Он встретил их с радостью, но, в то-же время, и с удивлением. Когда предложили ему сесть в машину, чтобы указать дорогу в Войсковой Штаб, то он сел нерешительно и стесняясь, видимо боялся дискредитировать себя, и по дороге сообщил, что здесь, в Италии, определенно говорили, что г. Адмиралов арестован и брошен в Польше.

Подъехали к Штабу. Г. Адмиралов отправился в Войсковой Штаб, чтобы доложить Доманову, как полагалось по военному уставу, о благополучном прибытии автоколонны, начальником которой он был назначен в Польше. Кроме того, г. Адмиралов хотел узнать лично от Доманова причину всех ужасных событий при посадке в Здунска Воля и каково будет дальнейшее положение его в Войсковом Штабе. Но, прождав около 2-х часов в приемной, г. Адмиралов не был принят им. За это время, он успел присмотреться к постановке работы в Штабе. Доманов был окружен новыми людьми, в большинстве старыми эмигрантами, которые играли главную роль в Штабе. Попасть на прием к Доманову бло нелегко. Приезжавшие к нему для докладов, комадиры и нач. отделов ожидали по 2–3 дня, а простые казаки вовсе не допускались к нему и могли разговаривать только с Нач. Штаба, Стахановым.

Стаханов был Уральский казак, офицер военного времени, Появился он в Штабе, неожиданно, уже в селе Балино, после смерти полк. С. В. Павлова, незадолго перед эвакуацией и никто его не знал, кроме Доманова, по рекомендации которого он и был принят в Штаб. Доманов назначил его своим адъютантом и заместителем, в военных делах он разбирался слабо и его подозревали в сношениях с большевиками.

Прошло много времени, г. Адмиралов ежедневно ходил в Штаб, но Доманов его не принимал. Положение г. Адмиралова было очень тяжелое. Он ночевал со своей семьей в автомашине на холоде и не получал продуктов, и если-бы не казаки, которые помогали ему из своих пайков, то ему пришлось-бы и поголодать.

Такое положение продолжалось до октября месяца.

11-го октября (по старому летоисчислению 1-го октября) в церкви, устроенной в Казачьем Стане, была назначена торжественная служба. По старой традиции, казаки в этот день справляли свой казачий праздник. В это-же время был получен приказ ген. П. Н. Краснова, в котором он поздравлял казаков с благополучным прибытием в Италию и желал им отдохнуть от тяжелых трудов. Но он не знал положения казаков в Италии, где на каждом шагу подстреливали их сов. партизаны и итальянцы.

Этот приказ нужно было прочитать всем казакам перед строем и произвести, по старому обычаю, парад войскам.

Г. Адмиралов пошел со своей супругой также в храм помолиться и попросить Бога о помощи в это тяжелое время, а также в надежде, что, может быть, ему удастся хоть здесь переговорить с Домановым.

Прийдя во храм, они стали в притворе храма, не желая идти в средину храма, заполненную многочисленным Штабом, во главе с Домановым, и его друзьями. Вдруг, к церкви подъехала автомашина и остановилась перед ступенями храма. В этой машине сидела несчастная семья убитого Пох. Атамана, полк. С. В. Павлова, брошенная на границе, на ст. Виллах. В машине сидели три женщины и громко рыдали, обращая внимание всех, стоявших на церковной площади. Жена г. Адмиралова была с ними в большой дружбе и потому, сейчас-же, подбежала к машине и стала разспрашивать их в чем дело. Жена полк. С. В. Павлова, фаина Андреева, разсказала, что им пришлось пережить, после того как их бросили на ст. Виллах. Их оставили в незнакомом городе, окруженными чужими людьми, которые ненавидели казаков. Никто их там не ожидал, как говорили Доманов и Раткэ, и ничего там для них не было приготовлено. Не было квартиры и продовольствия. Они оказались совершенно одни в незнакомом городе, где не было ни одной русской души. Сейчас они были во дворце, который занимал Доманов и там им сказали, что он сейчас около церкви принимает парад войскам. Они решили поехать в церковь, чтобы здесь переговорить с ним и выяснить свое положение. Они сидели в машине и горько плакали, вспоминая своего мужа и отца, погибшего от руки коварного убийцы, своего-же казака.

Жена г. Адмиралова, забывая о своем ужасном положении и зная, что всякое сношение и оказание помощи опальной семье убитого полк, С.В.Павлова, каралось наказанием со стороны Доманова и Раткэ, она все-же решила выступить в защиту их и переговорить лично с Домановым.

Г. Адмиралов с супругой вошли опять в притвор храма и

стали ожидать конца церковной службы.

Кончилась служба и в дверях храма показался Доманов, окруженный своим Штабом. Супруга г. Адмиралова, рыдая, направилась на встречу Доманова, но он, заметив ее, сам подошел к ней, поцеловал руку и, «как ни в чем ни бывало,» спросил ее: «В чем дело и что случилось. Почему вы рыдаете?» Как, будто-бы, не знал, что, по его приказам, терпела семья г. Адмиралова. Но супруга г. Адмиралова, забывая о своем ужасном положении, сказала:..Здесь, у дверей храма семья полк. С.В. Павлова. Если у вас есть хоть капля сострадания, пожалейте их и приютите!»

На это Доманов ответил: «Только вы меня понимаете и я сделаю для них все возможное!»

Да, супруга г. Адмиралова «хорошо его знала и понимала» и видела как хорошо он разыгрывает «трагедию».

После этих слов, он, взяв ее под руку, направился к автомашине, откуда по прежнему неслись рыдания. Доманов, сделав вид, что тоже плачет, сел на подножку машины, обнял дочь полк. С. В. Павлова и стал их успокаивать, объясняя все, происшедшее, недоразумением. Затем, отправив их, временно, к себе во дворец, обещал устроить их с квартирой и продовольствием.

Вокруг стояли сотрудники Штаба и смотрели на эту трогательную картину, на которую без слез нельзя было смотреть. Действительно, три женщины, из них две больные, лишившиеся своего защитника, должны просить милости у своего врага, а он, хитрый, разыграв всю эту сцену, тоже, как вскоре оказалось, лил «крокодиловы» слезы.

Но положение г. Адмиралова не изменилось. Переговорить с Домановым по своему делу, ему не удалось.

Однако, вскоре, супруга г. Адмиралова упросила жену Доманова, Марию Ивановну, устроить свидание г. Адмиралова с ее супругом. В назначенный час, он пришел во дворец. Его встретила супруга Доманова и повела в его кабинет. Вдруг, на лестнице их встретил адъютант Доманова, эсаул Трофименко. Как разъяренный зверь, он подбежал к ним и закричал на г. Адмиралова, как он осмелился, без его разрешения, явиться во дворец, а обратившись к супруге Доманова, сказал: «Идите в свои комнаты и не вмешивайтесь не в свои дела!»

Она, не сказав ни слова, пошла по корридору, а г. Адмиралова сейчас-же выпроводили из дворца.

Наконец, 10-го октября г. Адмиралов, неожиданно, получил приказ о назначении его опять Начальником автоколонны, а вместе с этим назначением Доманов приказал возвратить ему

радио-приемник и другие вещи, отобранные у него в Здунска Воля. Жена г. Адмиралова тоже получила назначение врачем и должна была обслуживать служащих автоколонны и их семьи.

Бумажная фабрика, куда была переведена автоколонна, находилась недалеко от г. Джемоно и окружена искусственным каналом для гидро-электрической станции. Это спасало автоколонну от частых нападений партизан и итальянцев.

Настроение у всех было тревожное в связи с плохим положением на фронте. Почти каждый день получались сведения о нападениях партизан и частых убийствах казаков в Италии. Вокруг были горы и леса, переполненные партизанами. Каждый день находили казаков убитыми на попасе лошадей или в домах и по дорогам.

Г.Адмиралов получил приказание Штаба опять организовать мастерские при автоколонне. Как всегда, не было: ни материала, ни запасных частей, ни бензина, ни денег. Все нужно было, с опасностью для жизни, отыскивать самим казакам по оврагам и лесам. В виду отсутствия бензина, большинство автомашин вынуждены были переделать в газогенераторы, на дровяное топливо. Приходилось, по прежнему, из нескольких негодных машин собирать одну исправную. При этом, каждый начальник и командир полка желал иметь собственную машину и получал на это разрешение от Штаба, который никогда не справлялся и не интересовался как идет работа в мастерских и с каким трудом все это добывается. Все это вносило безпорядок в работу.

21-го октября супруга г. Адмиралова была по медицинским делам у главного врача, Дьяконова. С большим трудом удалось ей повидаться с ним. Дьяконов был приятелем Доманова и прибыл в Войсковой Штаб в его обозе в Проскурово. Он также преследовал друзей убитого полк. С.В.Павлова, как и Доманов. С женой г. Адмиралова он всегда разговаривал грубо и дерзко.

В это время, положение на фронте становилось угрожающим. Все видели, что немцы разбиты окончательно, а большевики быстро приближаются. Но Войсковой Штаб, под влиянием Раткэ, который старался скрывать разгром немцев и не вносить паники, прикрывал немцев и отдавал, по прежнему, нелепые приказы: переходить казакам на оседлое положение, готовиться к пахоте и т. п.

Недалеко от г. Джемоно, из одного итальянского села были выселены все итальянцы, чем, конечно, только сильнее озлобляли их против казаков. В этом селе Доманов затеял, организовать г. Новочеркасск с возстановлением даже Новочеркасских улиц: Платовский проспект, Московская улица, Ермаковский проспект и др. Атаманом этого итальянского Новочеркасска был назначен

эсаул М.Р. Сюда ездили устраивать пикники, а также сюда направляли казачьи семьи, всех инвалидов и в ссылку всех, неугодных Доманову лиц.

Однажды, вскоре, после приезда г. Адмиралова в Италию и после организации этого итальянского Новочеркасска, Доманов отдал приказ отправиться туда в ссылку и г. Адмиралову с семьей. При этом, Доманов добавил: «Пусть он поедет туда и на свободе обдумает свое положение!» Но г. Адмиралов категорически отказался выполнить этот приказ. (Копия приказа хранится у г. Адмиралова).

Между тем, положение становилось все более и более отчаянным. Большевики двигались на Италию со стороны Сербии и для отступления была единственная дорога, имевшая массу тунелей. Достаточно было хорошей бомбардировки, чтобы завалить один из них и прекратить всякое движение по этой дороге. Это была «мышеловка» и всем это было ясно, только Войсковой Штаб ничего не хотел знать. Чуть-ли не ежедневно, устраивались торжественные обеды, ужины, концерты и т. п. Для эвакуации оставались только пешеходные тропинки через снеговые горы. Так оно, впоследствии, и оказалось. Казаки вынуждены были бросить свое последнее имущество и лошадей в Италии и спасаться пешком с одним только мешком за спиной.

Вскоре, Войсковой Штаб предложил желающим, выехать на возстановление какого-то завода в Вену. Все бросились записываться, видя в этом спасение, чтобы выбраться из Италии, хотя нужно было ехать на встречу наступающим большевикам.

В это время работа в мастерских автоколонны шла полным ходом. Переделали 9-ть грузовых машин на газогенераторы и собрали несколько легковых машин. Собирали машины «по винтику». Для приобретения некоторых частей, приходилось бывать в г. Озопо, а также г. Удинэ. Прекрасные места, очаровательные! Но все это приходилось видеть только «мельком».

14-го ноября 1944-го года слушали речь ген. Власова об открытии Русского Комитета освободительного движения против большевиков. «Дай им Бог счастья»!

По вопросу об этом Комитете, сейчас-же, поднялись споры: присоединяться-ли Войсковому Штабу и Главному Казачьему Управлению к генералу Власову, или нет: кому быть главным Командиром, кому какой получить портфель и т. п., а бедный Русский народ пусть себе ждет и страдает, до этого никому нет никакого дела.

16-го ноября все казачьи части переехали в Толмеццо. На месте оставлены были только автопарк, да в Джалите опять была

брошена семья полк. С. В. Павлова. Все боялись посещать их, чтобы не навлечь на себя гнев Доманова, который, не смотря на пролитые около храма перед парадом слезы, по прежнему, относился к ним издевательски, оставляя их часто без продуктов и стараясь всеми мерами избавиться от них.

22-го ноября произошла большая трагедия. По распоряжению Войскового Штаба, в г. Озопо была сделана большая выводка, выбраковка и распродажа негодных к строю лошадей. Народу собралось очень много. Английские бомбардировщики, возвращавшиеся с налета на Вену, заметили скопление людей, налетели и убили около 300 человек, среди них было около 50 казаков.

Вдруг, 25-го ноября, г. Адмиралов вместо благодарности за работу по ремонту и переоборудованию в газогенераторы автомашин, получил увольнение. Причины увольнения указывались такие: неспособность г. Адмиралова справиться со своей работой, выражавшейя в том, что он из нескольких машин делал только одну (не добавлено, что эти машины были брошеные и негодные к употреблению), а также указывался случай, когда г. Адмиралов осмелился бензин, найденный им-же для машины Доманова, употребить на испытание отремонтированных машин. Войсковой Штаб, или вернее Доманов и Раткэ, не хотели видеть его работы, никто из них никогда не заглянул в мастерские автопарка и не выслушивали его докладов по этому поводу, ссылаясь на недостаток времени.

Доманов все время хотел под каким нибудь предлогом удалить г. Адмиралова из Казачьего стана, т. к. последний по прежнему виделся с семьей полк. С. В. Павлова и оказывал ей помощь. Арестовать его, как он сделал с г. Д., Доманов не решался, боясь возмущения казаков, которые знали работу г. Адмиралова еще по Ростовскому Штабу и по всей дороге казаков в эвакуацию, т. к. он был Комендантом всех пропускных пунктов.

На место г. Адмиралова Начальником автоколонны был назначен шоффер Ж.

В это-же время, получен был приказ от ген. П. Н. Краснова о производстве войск. старш. Доманова в генеральский чин (минуя чин полковника), а по представлению Раткэ, он получил также несколько немецких орденов, «за какие доблести» неизвестно. Нового генерала в его кабинете, торжественно, облачали в сшитый заранее генеральский мундир. Все были удивлены отставкой г. Адмиралова. Все знали, что до этого момента никто не интересовался и не проверял работы автопарка, а работа была проделана большая.

Адмиралов, узнав о своем увольнении и заготовив

обстоятельный доклад о своей работе, решил добиться свидания с Домановым. Но Доманов не желал с ним говорить по этому поводу, и г. Адмиралову пришлось опять довольно продолжительное время «дежурить» у ворот его дворца, вместе с кубанским полк. Дьяченко, который тоже хотел поговорить с ним, по поводу ссылки его в «итальянский Новочеркасск», Но все было напрасно и им не удавалось «поймать» Доманова, при выезде его из дворца на прогулку.

Но, однажды, к воротам дворца подъехал автомобиль и из него вышел полк. С. Н. Краснов, племянник ген. П. Н. Краснова. Он приехал на совещание к Доманову. Увидав г. Адмиралова, стоявшим у ворот, он подошел к нему, поздоровался и спросил, почему он стоит у ворот. Полк. С. Н. Краснов хорошо знал г. Адмиралова и всегда относился к нему с уважением. Г. Адмиралов, с болью в сердце, сообщил ему, что получил незаслуженное увольнение и не может добиться свидания с Домановым, чтобы переговорить с ним о причине своего увольнения. Он просил полк. С. Н. Краснова взять у него, заготовленный по этому поводу, доклад и передать его лично Доманову. Тот был настолько любезен, что охотно согласился исполнить его просьбу и взяв доклад, пошел во дворец.

Через несколько дней, после этого, лица, бывшие на этом совещании у Доманова, передали разговор полк. С. Н. Краснова с Домановым по поводу доклада г. Адмиралова.

Передавая Доманову этот доклад, полк. С. Н. Краснов спросил его о причине увольнения г. Адмиралова, а, затем, спросил: интересовались-ли в Войсковом Штабе работой автомастерских, требовали-ли письменного доклада его, как заведующего этими матерскими, делали-ли ему выговор за его неудовлетворительную работу, делали-ли предупреждения об увольнении его, если он и в дальнейшем не будет справляться с работой.

«Так», сказал полк. С. Н. Краснов Доманову, «не делается увольнение Начальника Отдела, тем более такого, заслуживающего уважение, человека, каким был г. Адмиралов в казачьей среде!»

Ничего подобного не делалось перед его увольнением и на слова полк. С. Н. Краснова Доманов ничего не мог ответить.

Тогда, Доманов со своим Нач. Штаба, г. Стахановым, разыграли такую комедию. Они, оффициально, задними числами, за своими подписями, отдали два приказа: в одном делался г. Адмиралову выговор без всякого предупреждения, а во втором приказе делался выговор с предупреждением об увольнении, если и в дальнейшем он не будет справляться со своей работой. Эти

приказы были сфабрикованы, конечно, «келейно» в Войсковом Штабе и г. Адмиралову присланы не были. Но в Войсковом Штабе были его друзья, которые и передали ему, засвидетельствованные копии этих приказов, которые хранятся у него и до настоящего времени, как доказательства всех ужасных дел «генерала» Доманова. Дальше такой подлости идти было нельзя. Все в Войсковом Штабе прекрасно знали, что это чистая ложь и делается с целью, чтобы избавиться от г. Адмиралова всеми способами. Все выражали сочувствие г. Адмиралову и его супруге, но все это делалось тайно, чтобы не подвергнуться преследованиям Доманова и Раткэ.

Наконец, 10-го декабря г. Адмиралов, не без влияния полк. С.Н.Краснова, добился личного свидания с Домановым. При входе в его кабинет, Доманов встал и, встретив с «мефистофильской» улыбкой, стал извиняться и уверять, что произошло недоразумение и он готов сделать для него все, что он пожелает. Но, так-как заведывание мастерскими автопарка работа очень тяжелая, то ему может быть дана другая работа, по его желанию, более легкая. Доманов стал извиняться и за то, что не мог принять его раньше, хотя, по словам самого-же Доманова, он и видел из окна своего кабинета, как г. Адмиралов и полк. Дьяченко ходили около ворот его дворца в течении нескольких дней, но он «так был занят работой», что не мог принять их ни на одну минуту. Это была чистая ложь, т. к. находил-же он время для устройства званных обедов и ужинов. Это было явным издевательством и только ходатайство полк. С.Н.Краснова заставило его принять г. Адмиралова и разыграть всю эту комедию. Г. Адмиралов, в разговоре с Домановым, напомнил ему прежние времена, когда был жив полк. С.В. Павлов и он старался через него снискать расположение полк. С. В. Павлова. Г. Адмиралов знал, что это будет «не по душе» Доманову, но у него слишком много накопилось горечи и обид против него и, потому, он не постеснялся высказать ему все это.

Г. Адмиралов ушел от Доманова, не поверив ни одному его слову. Он поспешил поскорее на свою квартиру, чтобы успокоить свою семью и сообщить ей, что вскоре он получит работу по своему выбору. За это время он так измучился, что готов был взять любую, более спокойную работу.

Кроме Университета (физико-химическое отделение) и Московской Консерватории, г. Адмиралов еще окончил Ветеринарный Институт в г. Новочеркасске (с целью перейти потом на Медицинский факультет). В настоящем положении, г. Адмиралов считал лучшей работой для себя Ветеринарный отдел при Войсковом Штабе, тем более, что Начальником

Ветеринарного отдела был его ученик, который давно говорил ему, видя каким преследованиям он подвергается, что, при нынешнем положении, лучше иметь дело с животными, чем с людьми.

Так г. Адмиралов и сделал. На следующий день, он заявил Доманову о своем желании работать в Ветеринарном отделе.

16-я Глава

«Но пути Господни не исповедимы» и Он устроил по Своему усмотрению!

12-го октября 1944-го года, прийдя в Войсковой Штаб для оформления своего назначения в Ветеринарный отдел, в корридоре Штаба г. Адмиралов встретил одного офицера, только-что приехавшего из Главного Казачьего Управления от ген. П. Н. Краснова по делам Управления. Этот офицер был эсаул Гусев, заведующий хозяйственной частью Управления в Берлине. Он передал г. Адмиралову пожелание ген. П.Н.Краснова, чтобы он выехал на работу в Донской конный завод, в котором имеется до 3.500 лошадей и находится он, в настоящее время, на севере Германии. Во главе этого Конного завода стоял ученый зоотехник, эсаул Георгий Игнатьевич Конылов, который был приятелем г. Адмиралова. Эсаул Копылов получил диплом ученого зоотехника заграницей, в г. Праге. В конном заводе имелись ветеринарные фельдшера, но не было ни одного ветеринарного врача. Имелось около 500 человек обслуживающего персонала и из них около 250 калмыков, но не было ни одного медицинского врача. Эсаул Гусев добавил также, что отношения у казаков и особенно калмыков с заведующим Конным заводом, Копыловым, были очень натянутые. Он грубо обращался с казаками, бил их нагайкой, третировал их и т. п. Поэтому, Главн. Каз. Управление решило предложить г. Адмиралову и его супруге, как доктору медицины, поехать туда на работу, где, одновременно с ветеринарной работой, наладить взаимоотношения казаков с Котыловым и своим присутствием удерживать его от грубых и резких выходок, иначе там могла произойти большая неприятность. Своим согласием он может оказать большую помощь не только Конному заводу, но и казачеству. Адмиралов дал принципиальное согласие, но добавил, что должен обсудить этот вопрос со своей женой.

Узнав о таком предложении Главн. Каз. Управления, жена его была рада такому выходу из их неприятного положения, т. к. жизнь их в Казачьем стане с каждым днем становилась все более невыносимой и она согласилась ехать на работу в Конный завод.

На другой-же день, г. Адмиралов пошел в Войсковой Штаб и заявил эсаулу Гусеву об их согласии. Сейчас-же, они пошли в кабинет Доманова, где в это время был и полк. С. Н. Краснов, и г. Адмиралов заявил о своем решении выехать с женой на работу в Конный завод.

Начались сборы к отъезду. Ему было разрешено взять с собой

из людей, кого он пожелает, а также и необходимые медикаменты. Был отдан приказ о назначении г. Адмиралова и его жены врачами в Конный завод. Когда казаки узнали о его назначении и отъезде из Италии, многие приходили и просили его взять их с собой на любую работу в Конном заводе, т. к. жизнь в Казачьем стане стала невозможной и в случае поспешного отступления, всем это было ясно, кроме Штаба, в Италии должна произойти катастрофа. Так оно, впоследствии, и случилось.

Адмиралов решил взять с собой двух ветеринарных фельдшеров: Улитина (Кубанского казака) и Шевцова (Донского казака), а также двух кучеров: Е.В.Казьмина, проведшего с ним всю эвакуацию и Д. В. Киселева, бывшего кучером у полк. С. В. Павлова и после того как Доманов отобрал у семьи полк. С.В.Павлова, после его убийства, даже их собственных лошадей в собственное пользование, кучер Киселев отказался идти на работу к Доманову и остался в семье полк. С. В. Павлова в качестве деньщика.

15-го декабря г. Адмиралов со своей семьей и казаками выехали в автомашинах на вокзал ст. Карния для погрузки и посадки в поезд на Виллах. Все друзья со слезами провожали их, радуясь за них и предчувствуя для себя ужасные события при отступлении из Италии.

Ехать нужно было через Виллах на Зальцбург и далее через Берлин в направлении на север Германии, на Лоттин, где в то время стоял Донской Конный завод.

Наконец, 16-го декабря выехали со станции Карния в Италии и переехали границу в г. Тавриз. Под Виллахом попали в сильную бомбардировку железной дороги и вокзала, во время которой потеряли друг друга и вещи, но потом все окочилось благополучно.

18-годекабря сели в экспресс, идущий прямо на Берлин. Но, не доезжая г. Зальцбурга, всех пассажиров высадили в степи из поезда, т. к. железная дорога перед Зальцбургом была разрушена английской бомбардировкой. Но здесь в степи уже стояли, приготовленные для пассажиров и их вещей, автобусы и, с немецкой аккуратностью, все пассажиры и их огромный багаж были, немедленно, доставлены в г. Зальцбург на вокзал для дальнейшего следования на Берлин.

19-го декабря в 5ть часов утра прибыли в Берлин. Г. Адмиралов с супругой, после завтрака отправились в Главное Каз. Управление. Здесь, их любезно встретил Начальник Управления, полк. С. Н. Гусев. С ним они долго беседовали о положении в Италии и о их, предстоящей работе в Конном заводе. Встретили здесь и заведующего хоз. частью, эсаула Гусева. Им предлагали

остаться на несколько дней в Берлине, чтобы побывать у ген. П. Н. Краснова, но в виду того, что г. Адмиралов был не один, а с казаками и с огромным багажем и к тому-же, он торопился выехать поскорее в Конной завод, который мог двинуться дальше, а потом его трудно будет найти, то он решил сейчас не останавливаться в Берлине, а потом спустя некоторе время, устроившись в Конном заводе, приехать в Берлин, специально, чтобы повидаться с ген. П.Н.Красновым.

На этом окончательно прервалась связь с Италией и Казачьим Войсковым Штабом, на который он положил столько сил и пережил так много неприятностей. Но Господь этим новым назначением спас его от ужасной казачьей трагедии: ужасной эвакуации казаков из Италии в Австрию пешком через снеговые горы, бросив все имущество, а также еще более ужасной катастрофы, выдачи англичанами в г. Лиенце и в других местах большевикам на растерзание по знаменитому своим безсердечием, Ялтинскому соглашению, когда три великие державы, именующие себя демократическими и свободными, проповедующими о правах человека и о свободе, ценой человеческой крови, купили себе собственное спасение от гибели.

17-я Глава

20-го декабря 1944-го года в 1 час ночи г. Адмиралов с семьей и казаками прибыл на ст. Нойштеттин, где их уже ожидали три великолепные тройки лошадей для отъезда в Конный завод, который стоял отсюда в 10-ти километрах, в селе Лоттин.

Дорога была прекрасная, легкий мороз, лошади прекрасные и через несколько минут были уже в Лоттине. Но заведующий Конным заводом, эсаул Копылов, жил в 3-х километрах от стоянки Конного завода на фольварке в Гогенгольце, в доме одного немецкого помещика. Их ожидали и никто не ложился спать. Встретили их казаки и эсаул Копылов торжественно и с речами, но в виду того, что приехавшие очень сильно утомились в дороге, они сейчас-же улеглись спать, оставив всякие разговоры до следующего дня.

Следующий, целый день, провели в разговорах с Копыловым и казаками. Они жаловались друг на друга.

На другой день, г. Адмиралов познакомился с немецким начальником, сержантом Нюрингом, Это был молодой, типичный немец, эсэсовец, культурный, но грубый.

25-го декабря была устроена елка у эсаула Копылова для всех казаков и калмыков. Вечер прошел оживленно, но у всех было настроение подавленное в связи со слухами, что дела немцев катастрофические. Г. Адмиралов много разговаривал с казаками и калмыками, работавшими на Конном заводе. Взаимоотношения их с Копыловым были просто ужасные. Копылов был очень требовательный начальник, но очень грубый и дерзкий в обращении со служащими. Он очень часто прибегал к нагайке, с которой не разставался, а когда был пьяным, то становился «зверем». С приездом г. Адмиралова, Копылов старался удерживать себя от грубостей, а про нагайку ему пришлось совершенно забыть. Он старался убедить г. Адмиралова, что все служащие Конного завода лентяи, лодыри и воры. Он любил выслушивать доносы и сплетни от своих любимцев, а эти старались выслуживаться и заискивать перед ним. Особенно плохо обращался он с калмыками. Но г. Адмиралов взял их под свою защиту и старался не давать их в обиду.

В Конном заводе г. Адмиралов встретил бывшего своего ученика, Власа Ивановича Агапова с супругой, Викторией Васильевной, а также познакомился с очень милым молодым человеком, Качевским, служившим в Конном заводе переводчиком. С этими лицами г. Адмиралов только и имел

возможность вести дружеские беседы и они помогали ему налаживать взаимоотношения Копылова с казаками.

Конный завод все время двигался по лесам, выбирая подходящий корм, хотя немцы и давали зерно для подкормки лошадей, но такую массу лошадей прокормитьбыло очень трудно. Люди сильно пообносились и ни откуда ни одного раза не получали обмундирования.

В начале, во главе Конного завода стоял немецкий майор N, старый, ненавидевший Когвылова и казаков. С ним у Копылова были постоянные столкновения. Он также любил употреблять плеть и бил казаков без всяких уважительных причин. Не смотря на жалобы немецкому командованию и просьбы о его увольнении с завода, немецкое начальство на просьбы не обращало никакого внимания, майор был партиец-нацист, имел в немецком Штабе связи, продавал лошадей и делился со своим немецким начальством, потому его и оставляли в Конном заводе. Незадолго, перед приездом г. Адмиралова, его, все-же, уволили и на его место назначили молодого сержанта Нюринга. Но майор еще долго не уезжал и оставался в Конном заводе, мешая работе Нюринга, внося дезорганизацию и делая различные гадости казакам.

После долгих усилий, г. Адмиралов наладил свою работу на Конном заводе, распределив обязанности между 5-ью фельдшерами и наладив взаимоотношения с Нюрингом, Копыловым и казаками.

1-го января 1945-го года была устроена встреча Нового Года. Все задумывались над вопросом: «Что принесет этот Новый Год?»

В общежитии казаков опять была зажжена елка и накрыт стол для ужина. Вечер прошел оживленно и весело.

3-го января в Конный завод приехал представитель Калмыцкого Управления, Шаманов, чтобы урегулировать взаимоотношения Копылова с калмыками, которые еще до приезда г. Адмиралова, подали жалобу на Копылова. Многие калмыки хотели уехать с Конного завода из-за грубого обращения Копылова. Но, т. к. калмыки были хорошими специалистами-коневодами, то он уговорил их остаться в Конном заводе, дав им обещание, изменить свое с ними обращение.

В виду усиливавшихся слухов о наступлении на севере большевиков, 22-го января, при морозе в 20ть градусов по Цельсию и при снежной мятели, выехали из Лоттина в направлении на Ганновер. Проехали г. Нойштеттин и остановились на ночлег в придорожном немецком отеле, а табуны лошадей шли в стороне от дороги и остановились в соседнем лесу. На утро, двинулись на г. Штеттин. Около г. Штутгарта (на

севере) остановились в одном селе, думая отдохнуть, но к ужасу своему узнали, что большевики обошли Конный завод и их передовые части, думая отрезать завод, стояли впереди его. Нюринг и Копылов, оказывается, знали об этом, но не хотели верить. Вскоре, стали доноситься очень близко орудийные залпы. В панике, был отдан приказ спешно продвигаться дальше в обход большевиков.

Проехали через Штутгарт и ночью двинулись без остановки дальше на Штеттин. Приэтом, нужно представить себе передвижение огромных табунов диких лошадей. Конские табуны растянулись на несколько километров, всего было около 3.500 лошадей и огромнейший при Конном заводе обоз. Только такие, замечательные специалисты-коневоды как калмыки могли управиться с такими дикими лошадьми.

Шли в полной темноте. Вдали слышались орудийные залпы и вспышки огня. Жена г. Адмиралова, сидя в экипаже, в испуге, спросила кучера Казьмина, что это за огни. Тот спокойно ответил, что это наверное станция (железно-дорожная), а жене г. Адмиралова показалось, что кучер сказал «танки». Она, вскрикнув в ужасе «танки» бросилась из экипажа и ее едва успели подхватить, а кучер, повернувшись, спокойно и невозмутимо, сказал: «Господь с тобой! Сергеевна, полковница, какие там «танки», это станция!» Все разсмеялись и она успокоилась. Но, через несколько минут выяснилось, что это была не станция, а огни немецких автомобильных фонарей, которые не применяли затемнения их, а всегда ездили при освещении.

Поздно ночью, очень быстро проехали через г. Штеттин, не останавливаясь здесь. Город представлял собой сплошные развалины, т. к. англичане бомбили его по несколько раз в день. Проехав через г. Штеттин, нужно было «вброд» переезжать реку Одэр. Это была широкая и быстрая река. Около 2-х часов ночи, в полной темноте, прискакал вестовой и предупредил, чтобы приготовились к переправе в довольно глубоком месте, так-что подводам, может-быть, придется «плавать». Проехав немного, действительно, ничего не видя в темноте, почувствовали, как постепенно въезжали в реку и погружались в ледяную воду. Как не подбирали ноги, но вода, постепенно, поднималась все выше и выше и их подвода поплыла. Они окунулись по пояс в воду. Но опытный кучер, Казьмин, не растерялся, ударил по лошадям, те рванули и вскоре почувствовали под ногами дно реки. Только Бог спас их от гибели и их подвода не перевернулась. Подвода была с крытым верхом и, если-бы она перевернулась, то скоро из нее не выбрались-бы и могли легко захлебнуться. Только на утро, по морозу, добрались, обледеневшие до какого-то села, где могли

обсушиться и обогреться, с ужасом вспоминая кошмарную ночь. И Господь миловал, никакой простуды не было, такими-же здоровыми поехали и дальше. Но отъехали не особенно далеко. Около г. Фюрстенбэрг остановились в селе Айхово. Здесь жили недолго.

Спустя некоторое время, сюда приехал из Берлина полк. С. Н. Краснов, произведенный, незадолго перед этим, в генералы. С ним прихали: Начальник Главного Каз. Управления, полк. С. Н. Гусев и адъютант ген. П. Н. Краснова, полк. Моргунов. Все были рады видеть нового генерала, С. Н. Краснова, который пользовался большим уважением у всех казаков. Он был человек простой в обращении с казаками, не гордый, приветливый и всегда готовый оказать всем помощь.

По случаю его приезда, была устроена торжественная встреча, обед, ужин и конные скачки.

Несколько раз сюда приезжал председатель Калмыцкого Комитета, Шаманов. Это был культурный и образованный калмык, писатель, старый эмигрант. Он пользовался большим почетом и уважением не только среди калмыков, но и среди казаков. Однажды, на Конном заводе, в Айхове, разыгралась очень неприятная семейная сцена, характеризующая эсаула Копылова. Он сильно побил и хотел застрелить свою жену и дочь. Женщины едва успели выскочить во двор, но Копылов, не стесняясь казаков и немцев, стал гоняться за ними и во дворе. Сцена была безобразная. Копылов почти каждый день был пьян, а напившись, становился невменяемым, дерзким, грубым, ко всем придирался и бил ногайкой. Казаки знали его «бусорный» и ужасно тяжелый характер и старались, в это время, не попадаться ему на глаза. Но за то казаки, иногда, намеренно, напаивали до безчувствия и били его «до полусмерти».

В Айхово простояли около месяца. Но настало время уходить и отсюда. Направились на г. Виттшток (в направлении на г. Цэлле). Не останавливаясь, проехали: Виттшток, Прецвал, Пэрлеберг и др. города. У г. Виттенберга, в бть часов утра переехали по мосту реку Эльбу. Здесь, видели над мостом, по которому должны были переезжать, очень красивую картину. Окола моста висели огромные, привязные, воздушные шары, с которых немцы производили наблюдения, а по берегам стояли скрытые аппараты для производства искусственных туманов, защищающих переправы и мосты, при налетах английских бомбардировщиков. Так в искусственном тумане и перегнали, в течении нескольких часов, с большим трудом, своих диких лошадей и огромное количество подвод. Приехали в Бельцен. Остановились вдали от города, в лесу. Здесь, пришлось пережить

жуткое время. Недалеко от остановки Конного завода находился очень большой концентрационный немецкий лагерь для военнопленных и остарбейтеров (насильно угнанных на работы в Германию из России и других стран мужчин и женщин). Проходя мимо остановки Конного завода, они всегда смеялись и издевались над казаками, считая их друзьями немцев. Это были несчастные страдальцы. Кроме тяжелой работы, которую они выполняли у немцев, над ними немцы производили всевозможные пытки и ужасные опыты. Смертность в лагере была огромная от различных болезней. Здесь-же функционировали и известные, ужасные, газовые печи, в которых немцы сжигали мертвых и часто живых людей. Но, т. к. трупов было очень много, то в печах немцы не успевали сжигать их и сжигали на кострах, разложенных во дворе лагеря, на виду у всех. Все это пришлось казакам видеть собственными глазами. Вокруг, стоял ужасный запах трупного и горелого мяса. Воздух был убийственный. Все это производило кошмарное впечатление. Люди и даже лошади не могли принимать пищу. Но немецкое начальство, как будто-бы ничего не видело, не замечало и не обращало никакого внимания на протесты и требования казаков о переводе Конного завода на другое место. Казалось, как будто-бы намеренно, людей ставили в такие ужасные условия. Копылов был, конечно, безсильным и безвольным орудием в руках немцев.

Кроме того, Конный завод находился недалеко от железной дороги, которую ежедневно бомбардировали англичане. Все переживали ужасные минуты. Порой казалось, что спасения нет. Англичане видели табуны лошадей с аэропланов, да и невозможно было спрятать такую массу, но не бомбили Конный завод, надеясь, повидимому, взять его как военную добычу.

Начальство Конного завода совсем потеряло голову и, чтобы отвлечь внимание казаков от ужасного положения и близости концентрационного лагеря, приказало рубить лес и делать конюшни, неизестно для какой цели, под выстрелами наступающего неприятеля. Казаки отказывались приводить в исполнение приказ, и, выходя на рубку леса, сидели и ничего не делали.

Действительно, через несколько дней, был отдан приказ: сворачиваться и спешно уходить. Оказалось, что следом за Конным заводом наступали не большевики, а англичане. Когда казаки узнали об этом, то многие тайно оставались на местах, чтобы попасть к ним в плен. Настроение у всех было отчаянное. Дорога шла по очаровательным местам, но никто не видел этой красоты. Все окончательно выбились из сил, мерзли и кормили собственным телом паразитов, т. к. более месяца ели и спали, не

раздеваясь на подводах, или-же под подводами прямо на мерзлой земле.

Наконец, остановились в лесу, на месте пересечения Гамбурго-Любэкского шоссе. Неуспели расположиться, как поднялась сильная бомбардировка шоссе, недалеко от стоянки Конного завода. Ночью, с аэропланов были развешены в воздухе светящиеся фонари и бомбежка шла при полном освещении. Поднялась паника. Начали быстро выезжать по освещенной дороге, но, к счастью, все окончилось благополучно и англичане Конный завод не тронули.

7-го апреля подъехали к г. Ульцену и остановились лагерем в лесу. Простояв один день, ночью переехали мост через реку Эльбу у г. Люненбурга, и остановились около г. Шварцвальда. Место опять оказалось очень опасное: с одной стороны — железная дорога, а с другой шоссе. Аэропланы летали безпрерывно и сбрасывали бомбы. Все-же вынуждены были простоять здесь под обстрелом около 7-ми дней, а затем, двинулись дальше и расположились в лесу, в прекрасном и спокойном месте у озера.

Здесь, в Конный завод, случайно, приехал полк. Ольховик, из Власовского Комитета (РОА). Это был культурный, образованный и интеллигентный человек. Он, по его словам, был послан от Власовского Комитета на север Германии и в Данию с целью пропаганды. На всех он произвел приятное впечатление. Он имел большие связи в Дании и мог устроить отъезд туда казаков. Стали вести переговоры по этому поводу с немецким шефом, Нюрингом, который еще возглавлял Конный завод. Но он был против отправки Конного завода из Германии, имея в виду, в критический момент, роздать лошадей немецкому населению. Но это было не в интересах казаков, которые скорее склонны были передать Конный завод, в полном составе с сотрудниками, англичанам.

18-я Глава

Конный завод двигался по направлению к г. Фленсбургу, который был почти на границе с Данией. Недалеко от Фленсбурга остановились в лесу, около села Кляйн-Вольструп. Здесь узнали, что 6-го мая 1945 года Германия капитулировала. Сюда подтянули весь Конный завод. Немецкий шеф, Нюринг, скрылся. В Кляйн-Вольструпе стали готовиться к встрече с англичанами (это была их зона), чтобы не попасть в руки большевиков. Но… «Бог судил иначе!»

В Конный завод стали приходить какие-то подозрительные личности. Они называли себя военнопленными, бежавшими из концентрационных лагерей. Может это было и так, но проверить было невозможно. Никто никуда не выходил, боясь попасть на глаза агентов большевиков, которые начали уже ловить русских беженцев. Заведующий Конным заводом, эсаул Копылов, вступал с приходившими в Конный завод лицами в различные разговоры и некоторым разрешал оставаться в заводе, хотя его и предупреждали быть с ними осторожнее, т. к. они могли быть провокаторами. Копылов давал им различные поручения по части разведок. Они приносили ему различные сплетни, но делали свое дело. Они связались в одном лагере с одной большевитской ячейкой и там сообщили, что в лесу стоит большой Конный завод из лошадей, угнанных из сов. союза. Этим они хотели выслужиться испасти себя от суда в Сов. Союзе, куда они намерены были возвращаться.

В это время полк. Ольховик довел до сведения англичан, что администрация Конного завода желает передать его им на некоторых условиях. От них стали часто приезжать в Конный завод представители и районный английский Комендант. Они любовались лошадьми и, успокаивая сотрудников завода, говорили, что считают завод своей военной добычей и потому большевикам не отдадут и отправят его со всеми сотрудниками в Англию или в Канаду. Казаки были этим очень довольны, получали от них полное содержание, продукты и корм для лошадей и стали ожидать отправки в Англию.

Но большевики не зевали и «втихомолку» вели свою работу, сообщив обо всем в Берлин, в главную ставку большевиков.

Из Кляйн-Вольструпа англичане перевели Конный завод в село Маргеруп. Вскоре, сюда явились агенты большевиков, сначала «на разведку» и для агитации за возвращение Конного завода и всех сотрудников его на Родину, которая их ждет, обещая всем полную амнистию и даже награду. Некоторые из

сотрудников подпали под их влияние, и вошли с ними в соглашение, таковыми были: старший тренер завода, Стародуб, заведующий хозяйством, Ольховский и др., которые уже давно вели себя подозрительно и проводили провокаторскую работу. Сейчас-же они возглавили большевитскую администрацию в Конном заводе, надели красные звезды и, отстранив от управления заводом эсаула Копылова, стали вести агитацию за передачу завода с сотрудниками большевикам и о возвращении на Родину. Конный завод разделился на два противоположные лагеря: одни стремились к возвращению на Родину (таких было меньшинство), а другие решили не возвращаться, уйти с Конного завода и скрываться у немцев, которые обещали таким свою помощь и прятали их у себя. Обо всем, что делалось в Конном заводе, шпионы доводили до сведения большевиков.

Однажды, в Конный завод приехали оффициальные представители большевиков: капитан и другие сов, офицеры. Они явились в канцелярию Конного завода и заявили, что желают устроить собрание и переговорить с сотрудниками завода, а пока, по указанию Обуховского, стали вызывать в канцелярию отдельных лиц и вести с ними переговоры о необходимости возвращения на Родину. Приэтом, они арестовали майора из РОА, который уже давно скрывался на заводе, а полк. Ольховик (тоже из РОА) успел скрыться и его большевики потом усиленно разыскивали, но безуспешно. Копылов, под влиянием жены, с самого начала, заявил, что желает возвращаться на Родину, т. к. у него остался в России сын, летчик в красной армии. За ним следом, выразил желание возвращаться и калмыцкий офицер, Мотоль. Все казаки удивлялись их желанию возвращаться и говорили им, что они идут на верную смерть, т. к. оба угнали из СССР по тысячи лошадей, а Мотоль был старый эмигрант, уже один раз возвращавшийся на Родину из Турции, был в ссылке около 5-ти лет, и потому ему теперь не будет прощения. Но он также, под влиянием жены, все-же, решил возвращаться.

Наконец, в канцелярию Конного завода вызвали для допроса и супругу г. Адмиралова, будто-бы, по медицинским делам. Она на допросе вела себя геройски и на их предложение возвращаться на Родину, заявила, что у нее сейчас Родины нет, она все потеряла, и потому возвращаться туда не намерена. После продолжительного допроса, ее отпустили и просили прислать в канцелярию для переговоров ее мужа. Узнав от нее об этом, г. Адмиралов решил, конечно, в канцелярию не идти, а с переводчиком завода г. К. скрыться.

В это время, на его квартиру прибежал вестовой и сообщил, что у ворот остановилась советская машина и из нее вышли два

сов. офицера и, повидимому, направляются сюда, на квартиру. Схватив цивильное пальто и фуражку, заранее приготовленные, вместе с переводчиком г. К. они выскочили через окно во двор. Только что они отошли от квартиры, как увидели, что к ним на встречу направляются два сов. офицера в сопровождении молодого калмыка, Бориса, который, сделав вид, что не знает их и даже, не поздоровавшись с ними, прошел мимо. Офицеры пошли на квартиру г. Адмиралова, а он с переводчиком бросились бежать через огороды и кустарники в ближайший город Гузьбы, где находился Начальник немецкой полиции этого района. Начальник был очень милый, молодой немецкий морской офицер, который хорошо относился к казакам и всегда помогал им всем, чем только мог.

Г. Адмиралов с переводчиком прибежали к нему и сообщили, что сейчас большевики арестовывают на Конном заводе всех офицеров для отправки в СССР, а им удалось бежать.

Он выслушал их и спросил, чего они от него желают. Г. Адмиралов просил его доставить их во Фленсбург, где находился английский районный Комендант. Начальник полиции без всяких разговоров, сейчас-же, поехал с ними туда.

Английский Комендант знал г. Адмиралова, т. к. он часто приезжал в Конный завод, любовался лошадьми и, по его просьбе, ему всегда давали лошадей на прогулку. Комендант принял их и спросил, что случилось. Г. Адмиралов, через переводчика г. К. и Начальника полиции, сообщил ему о тех насилиях, какие делают сейчас большевики в Конном заводе. Комендант покачал головой и сказал: «Хоть и союзники наши, но бандиты!»

Он не знал, что, через некоторое время, они, англичане, поступят с казаками еще хуже.

Комендант сказал Начальнику полиции, чтобы тот спрятал их где-нибудь от большевиков на несколько дней, переменил им, из предосторожности, фамилии и выдал соответствующие документы, а также добавил, что сейчас идут переговоры об отправке Конного завода в Англию.

Начальник немецкой полиции спрятал г. Адмиралова в одной деревне и все время доставлял ему продукты для питания. Спустя некоторое время, были получены сведения, что англичане не могли договориться с большевиками и Конный завод вскоре должен был отправляться в СССР.

Г. Адмиралов посоветовал своей супруге, немедленно, покинуть Кониый завод и устроиться, тайно от всех, под видом больной, в какую-нибудь немецкую больницу в Фленсбурге. Так она и сделала, а сам, г. Адмиралов продолжал скрываться в деревне, выжидая отъезда Конного завода в СССР.

19-я ГЛАВА

Вскоре, г. Адмиралов получил известие от начальника немецкой полиции, что Конный завод вышел из села Маргеруппа на г. Любэк для перехода границы с СССР.

После этого, г. Адмиралов решил начать устраивать свое нелегальное положение. Он узнал, что половина сотрудников Конного завода разбежалась и скрывается у немцев, которые, из-за даровой рабочей силы, охотно скрывали у себя казаков. Не за долго перед этим, около г. Фленсбурга, в селе Вайхэ англичанами был организован украинский беженский лагерь для всех, не желавших возвращаться на Родину («невозвращенцев»). В этот лагерь принимали людей, всех национальностей, но для безопасности предлагали всем записываться украинцами. Там уже скрывались казаки, бежавшие с Конного завода и таких там было около 60-ти человек. В этот лагерь г. Адмиралов решил устроить и свою тетушку с вещами, т. к. он был уверен, что в самом непродолжительном времени, за нею явятся большевики.

Прошло довольно продолжительное время, супруга г. Адмиралова скрывалась еще в больнице и никто ее там не безпокоил, а в украинский лагерь, Вайхэ, часто приезжали англичане и, успокаивая людей, говорили, чтобы они не безпокоились, т. к. все будут отправлены на работу в Англию или Канаду.

Вскоре, в лагере было устроено венчание 15-ти пар молодежи. Английский Комендант Фленсбурга доставил для свадьбы много водки, вина, угощения, подарки для «молодых» и сам принимал участие на свадьбе в ужине и танцах. Все это успокаивало людей и они с нетерпением ожидали отправки в Канаду. Но, через несколько дней после свадьбы, в лагере разыгралась страшная трагедия, которую никто не ожидал. Лагерь был окружен советскими и английскими войсками и началась насильственная посадка в машины жителей лагеря для отправки в сов. союз. Вещи их были брошены в лагере и, потом, разграблены жителями соседнего, польского, лагеря. 5-ть человек пытались бежать и были пристрелены на месте, но нескольким казакам все-же удалось скрыться.

Тетушка г. Адмиралова спаслась чудом. В это утро, она пошла в больницу проведать супругу г. Адмиралова, а он пришел в лагерь, чтобы вместо нее посторожить вещи. В это время и произошла выдача населения лагеря большевикам. Адмиралова схватили и т. к. большевики давно охотились за ним, то были очень рады, поймав, по их заявлениям, такого «зверя», и посадили

его отдельно в легковую машину под охраной 2-х часовых, сов. офицера и комиссара. В машине его тщательно обыскали, но оружия с ним не было и они, забрав только его документы, порвали их на его глазах.

По дороге, г. Адмиралов хотел бежать, но все ручки с дверей машины были предусмотрительно сняты, чтобы нельзя было открыть дверей изнутри. Повезли его через г. Фленсбург к советской границе, в направлении на г. Любэк. Но по пути, вдруг, машина повернула в лес и остановилась. Из машины вышел комиссар и сов. офицер и стали совещаться. Разговор их ясно доносился до г. Адмиралова, который оставался в машине с часовыми.

«Да что с ним возиться», сказал офицер. «Прикончим его здесь и бросим в кусты!»

«Нет», сказал комиссар. «Мы повезем его в СССР и там сделаем показательный суд над ним!»

Затем, комиссар подошел к машине и сказал: «Ну, выходи!». Адмиралов думал, что они решили все-же его пристрелить здесь. Он вышел.

«Ну, говори, поедешь ты или нет на Родину?» Адмиралов, конечно, ответил, что готов ехать, но не сейчас, т. к. он имеет больную жену, а без нее он не может сейчас ехать.

«Не безпокойся, мы доставим тебе ее. Садись в машину!

Все уселись и поехали дальше. Приехали в г. Шлезвиг-Гольштейн, где находилась штаб-квартира большевиков этого района. Здесь, ему объявили, что эта машина дальше не пойдет, у них здесь есть дела, а потому он должен пересесть в другую, грузовую машину. Эта машина была немецкая большая, грузовая, с крытым верхом и дверь у нее открывалась сзади. В этой машине они везли больную казачью лошадь, которую они нашли в одной деревне.

Адмиралова усадили рядом с шоффером, а с другой стороны сел часовой. Но внутри машины сидел еще один часовой, который потом оказался запасным шоффером. Машина тронулась и прошла уже довольно большой путь, как вдруг они заметили, что едут не на Любэк. Увидав на дороге группу немцев, они подъехали к ним и стали спрашивать, по какой дороге им нужно ехать на Любэк. Те ответили, что они едут неправильно, им нужно вернуться немного обратно и потом повернуть в другую сторону. Тогда они стали ругать шоффера, что он взялся вести машину, а дороги не знает и поэтому приказали красноармейцу, сидящему внутри машины, садиться за руль, а г. Адмиралову, который оказался лишним в передней кабине машины, приказали садиться внутрь машины к больной лошади. Это было чудом Божиим, о

котором г. Адмиралов не мог и мечтать, чтобы его оставили внутри машины одного с лошадью.

Он влез внутрь машины и когда она тронулась, он немедленно, открыл дверь сзади машины и выпрыгнул из нее «на ходу». Несколько раз перевернулся, ободрался, но все это было далеко не похоже на смерть на виселице, которая ожидала его в СССР. В общем, прыжок прошел благополучно и его не заметили часовые. Машина поехала дальше, а г. Адмиралов ползком добрался до дождевой канавы, сбоку дороги, и лег в нее. Но у него, мгновенно, мелькнула мысль, что здесь оставаться нельзя, т. к. его, конечно, будут искать и легко здесь могут найти. Выбравшись из канавы, он отполз в кустарники, насаженные немцами по сторонам дороги, и за кустами и деревьями бросился бежать.

Спустя несколько минут, он услыхал, что машина остановилась. Он понял, что часовые на машине, наконец, заметили его побег, через маленькое оконце сзади кабины, и теперь начнут его искать. Бежать теперь было опасно и он, согнувшись, бросился в кусты и спрятался. Минут 30-ть его искали, но т. к., в это время, хождение и езда по дорогам разрешалась англичанами только до 10-ти часов вечера, а было уже около 12-ти часов ночи и к тому-же им нужно было еще переехать границу, то они решили, не задерживаясь, ехать дальше, отложив поиски до следующего дня. Поискав его еще некоторое время, они сели в машину и поехали на г. Любэк.

Пролежав еще продолжительное время в кустах и осмотревшись, г. Адмиралов вышел из кустов. На дорогеон увидал немку из той группы немцев, у которых часовые спрашивали дорогу на Любэк. Эта немка сама подошла к нему и стала спрашивать, что с ним случилось. Он объяснил ей, что был насильственно схвачен большевиками и теперь его везли в СССР, чтобы там разстрелять и потому он решил бежать из машины. Немка объяснила Адмиралову, что часовые, после его бегства, подъехали к ним и спрашивали, куда он скрылся, но они, хотя и видели, но сказали, что не знают. Большевики выругали их и поехали дальше.

Немка стала плакать и говорить, что ее сын в плену у большевиков и наверное погиб. Она предложила г. Адмиралову пойти к ней на квартиру и перебыть у нее до утра. Но он хотел воспользоваться ночью и уйти от этого места подальше, зная наверняка, что большевики, рано утром, начнут опять его разыскивать, т. к. за его побег часовые понесут наказание. Он поблагодарил немку и пошел по направлению во Фленсбург, думая, что, если и будет арестован англичанами за позднее

хождение, то с ними съумеет, как нибудь, договориться. Но, пройдя немного, он почувствовал полный упадок сил от нервного переживания. Все-же через силу добрался до одного придорожного немецкого отеля и попросил на ночлег. Но в отеле сказали, что, будто-бы, нет свободных номеров и ему предложили переночевать в сарае, в санитарной машине. Он был очень рад и этому. Войдя в сарай, он увидал санитарную машину и расположился в ней. Но спать от разстройства нервной системы, он не мог и рано утром, чуть забрезжил свет, вышел из сарая и по за кустами пошел в г. Фленсбург. Мимо него несколько раз проезжала сов, машина, но, на его счастье, сидевшие в ней, агенты его не замечали.

Зная, что его супруга, наверное уже получила от тетушки известие о похищении его большевиками и теперь все это переживает с ужасом, считая его погибшим, он старался, как можно скорее, добраться до больницы во Фленсбурге, и сообщить жене о своем чудесном спасении от смерти.

Поздно вечером, с трудом и все время, скрываясь от большевиков, он дотащился до больницы. Вся больница уже знала о его похищении и все выражали его жене сочувствие, говоря, что ее они не дадут в обиду и не пустят большевиков, если они приедут за ней. Немцы не знали, что большевики, если-бы захотели ее взять, то не обратили бы никакого внимания на больничную администрацию и взяли-бы насильно ее также, как и его. Когда он пришел в больницу, все обрадовались его возвращению и поздравляли его и жену его с чудесным спасением от смерти. Все старались чем-нибудь накормить его, т. к, почти два дня он ничего не ел.

На утро, г. Адмиралов должен был идти и искать пристанища себе и тетушке, которая, после разгрома лагеря в Вайхэ, также осталась без приюта. Временно, она оставалась в больнице, т. к. эта больница была женской, а ему пришлось целый день бродить, с опасностью, что он опять может попасть в руки большевиков, которые рыскали по городу, разыскивая его. Адмиралов надеялся, что, может быть, увидит кого-нибудь, из русских, кто войдет в его положение и поможет ему. Ночевать ему приходилось в склепах на кладбище, которое находилось рядом с больницей, в которой лежала его жена, а пищу приносила ему на кладбище тетушка.

В таком положении прошло около 2-недель

20-я Глава

Однажды, проходя, осторожно, по Фленсбургу, г. Адмиралов в одной подворотне увидал толпу людей. В надежде, что он услышит русскую речь и может быть ему удастся попроситься на ночлег, он подошел к этой толпе. Оказалось, что здесь было Городское Управление и сюда приходили для поступления на работу и за всякими справками.

Только что он подошел к толпе, как из дома вышли два господина и начали говорить между собою по русски. г. Адмиралов с радостью подбежал к ним и стал разсказывать им о своей трагедии и что он, к тому-же, не говорит по-немецки. Он просил их помочь ему в его беде. На его счастье, один был Кубанский офицер по фамилии Ворожбий, а другой латыш N. Ворожбий успокоил его и обещал сделать все, что возможно и в его силах. Он предложил, сейчас-же, идти в одну, находящуюся недалеко деревню — Гаррислее, где они проживают, и обещал похлопотать перед бургомистром деревни, чтобы там г. Адмиралова и его семью прописали и дали-бы комнату, а пока он может остановиться у него на квартире. Г. Адмиралов не знал как и благодарить г. Ворожбия за все, что он пообещал для него сделать. Сейчас-же, они и пошли в деревню. С бургомистром г. Ворожбий был в хороших отношениях. Он разсказал ему обо всем пережитом г. Адмираловым и просил помочь ему, предупредив бургомистра, что большевики уничтожили все его документы, но он, Ворожбий, со своей стороны, ручается за г. Адмиралова.

Бургомистр прописал его и всю семью под вымышленной фамилией из предосторожности, если большевики будут здесь его разыскивать. Бургомистр выдал ему также и продуктовые карточки на всю его семью. Радости г. Адмиралова не было границ. К сожалению, в деревне не было свободных комнат, т. к. деревня была на границе с Данией, а, в то время, возвращалось очень много немцев из плена и из воинских частей, а также было очень много немцев, бежавших из своих городов от большевиков. Бургомистр направил г. Адмиралова к заведующему местной школой, господину Аппелю, и дал от себя отношение, чтобы тот принял и устроил г. Адмиралова, обещая, со своей стороны, дать последнему первую, освободившуюся комнату.

Заведующий школой, г. Аппель, принял г. Адмиралова очень любезно, но он может отвести ему место только в одном из классов, оборудованных для приема беженцев.

Адмиралов вошел в чистый, большой и светлый класс с постланной для спанья соломой. После ночлега на кладбище, это

показалось ему раем и он, поблагодарив заведующего школой, поселился в классе.

В это время, супруге его уже надоело жить в больнице и она, с нетерпением, ожидала, когда он найдет квартиру и возьмет ее из больницы. В каждый приход его в больницу, она спрашивала его о квартире. И вот, в последний его приход, он сообщил ей, что нашел квартиру, умолчав при этом, что это был угол в классной комнате с соломой на полу вместо кровати. Она сейчас-же стала собираться, как он не отговаривал ее от такой поспешности, надеясь, что, может быть, в непродолжительном времени, он получит отдельную комнату. Но супруга его все-же собралась, распростилась с администрацией больницы и больными и они отправились в деревню.

Деревня была в почтительном разстоянии от г. Фленсбурга, жена скоро утомилась и все время спрашивала: «Скоро-ли будет наша квартира?» Г.Адмиралов, со страхом ожидал развязки его обмана. Наконец, они подошли к школе и вошли в класс. В это время была чудесная погода, класс был залит солнцем и имел прекрасный вид. Г.Адмиралов отгородил, заранее, один угол класса ученическими партами, а на стол поставил цветы. Одним словом, были приняты все меры, чтобы «не ударить лицем в грязь». Все сошло благополучно. После всех переживаний и потрясений, этот угол ей тоже понравился. Спустя немного времени, заведующий школой, г. Аппель, войдя в положение семьи г. Адмиралова, отвел им учительскую комнату и обставил мебелью. Они благодарили Бога, что он не оставляет их Своею милостью и не дает погибнуть.

На другой-же день, была перевезена в школу с вещами тетушка, и в этой комнате, к которой потом заведующий школой, по приказу бургомистра, прибавил еще одну комнату, они прожили до самого отъезда из деревни Гарриелее.

Таким образом, Бог помог им устроиться вдали от Родины, в немецкой деревне, Гарриелее, где они прожили около 4-х лет, пользуясь любовью всей деревни и уважением бургомистерства. Г.Адмиралов с супругой оба работали в деревне: супруга доктором медицины, а он ветеринарным врачем.

На этом, окончилась роль Адмиралова как организатора и руководителя в г. Ростове и Ростовском Округе казачьего освободительного на Дону движения против большевиков.

10-го августа 1949-го года г. Адмиралов решил переехать на жительство со своей семьей из деревни Гаррислее в г. Гамбург, чтобы скорее выехать в Америку, т. к., живя в деревне, он все время подвергался опасности попасть в руки большевиков, которые продолжали искать его, а также из деревни трудно было

устроить свой отъезд в Америку.

21-я Глава

В это время, казаки, жившие в Италии, готовились к ужасной развязке. Все предчувствовали, что в случае поспешного отступления из Италии, с Казачьим Станом должна произойти большая катастрофа, т. к. Италия, особенно в северной ее части, при отступлении представляла собой «мышеловку», из которой трудно было выбраться.

В Войсковом Штабе происходили тайные совещания Доманова и Раткэ с ген. П. Н. Красновым и членами Войск. Штаба, на которых присутствовали также, с разрешения Доманова:

1) А.Сюсюкин — бывший следователь НКВД (о чем хорошо знал Доманов),

2) Кубанский офицер, А.Тихоновский, приехавший в Казачий Стан вместе с отрядом Доманова — провокатор и агент НКВД

3) переводчик Штаба, казак Богачев, принятый в Штаб по рекомендации Доманова, также оказавшийся агентом НКВД.

Участвуя в этих совещаниях и выполняя задания сов. правительства, они передавали большевикам обо всем, что говорилось и предпринималось на этих совещаниях.

Все сведения о коварной деятельности Доманова в Войсковом Штабе и его роли в выдаче англичанами казаков большевикам в Лиенце и в других местах приводятся г. Адмираловым из его личных наблюдений во время его работы в Войск. Штабе, а также из следующих источников:

Из книги писателя Н. Н. Краснова «Незабываемое», в которой последний передает взгляды генералов П. Н. и С.Н.Красновых на Русскую эмиграцию — вообще, «Казачью трагедию» в частности и на роль Доманова в этой трагедии. Они называют Доманова: «подлецом, преступником и провокатором», т. к. он знал о готовящейся выдаче казаков большевикам и никому об этом не сказал.

Из статьи, напечатанной 12-го сентября 1957-го года в газете «Новое Русское Слово», еще до выхода в светкниги Н. Н. Краснова «Незабываемое». В этой статье подробно рисуется вся коварная работа Доманова в Войсковом Штабе и его роль в гибели 2,500 офицеров и военных чиновников в этой трагедии. На допросах в советс. лагерях: Шпиттале и Юденбурге Доманов, при свидетелях, сказал старшему советск. следователю, полк. Свиневу, что он знал о готовящейся выдаче казаков с их семьями большевикам (и что должны быть выданы только новые эмигранты, а старые эмигранты освобождались от этой выдачи), но он, желая

выслужиться перед сов. правительством, повлек с собой и старых эмигрантов и никому об этом не сказал. При этом, повидимому для подтверждения своих слов, он показал письмо Английского командования, в котором ему было обещано помилование и награда за оказание помощи англичанам при выдаче казаков. Советский генерал, присутствовавшей при этом допросе, обругал его и сказал, что ни обещанного англичанами замка, ни титула лорда» Доманов не получит, а будет повешен.

Присутствовавшие при этом, выданные офицеры, так были возмущены поведением Доманова, что его должны были изолировать, чтобы спасти от расправы.

Эта статья была перепечатана газетой «Нов. Рус. Слово» из Периодической информации «Содружества Лиенца», представительство которого находится в Австрии: Villach, Lager St. Martin. (Виллах, лагерь св. Мартин), а центр «Содружества Лиенца» находится во Франции, в Версале.

3) Наконец, сведения о деятельности Доманова и допросы советским следователем генералов: П. Н. и С. Н. Красновых, Шкуро, Доманова и др., после выдачи их в Лиенце, взяты г. Адмираловым из «Обще-Казачьего журнала» N 20-й за август 1953-й год. Эти сообщения ужасны по своему содержанию.

Но, подготовляя выдачу казаков в руки большевиков, Доманов и Раткэ не оставляли в покое несчастную семью убитого полк. С. В. Павлова, которая по прежнему жила в Казачьем Стане, в Италии, тихо, не собираясь кому-нибудь вредить и мешать своим присутствием. Но человеческая жестокость, ненависть и безпредельная злопамятность у некоторых людей не знает предела. Доманов и Раткэ, не предчувствуя своей скорой гибели, не переставали думать о том, как-бы избавиться от живых свидетелей их ужасной и коварной деятельности и изгнать их из Казачьего Стана. Они решили отправить семью полк. С. В. Павлова в Берлин, это в то время, когда оттуда все бежали, в виду стремительного наступления на него большевиков.

Доманов и Раткэ, ультимативно, приказали семье полк. С.В.Павлова, немедленно, покинуть Казачий Стан и выехать в Берлин, где их, будто-бы, там ожидают, для них приготовлена квартира и обезпечение продуктами. Видя свое безвыходное и беззащитное положение, семья решила подчиниться, и они выехали в Берлин. Но оказалось, как и прежде в г. Виллахе, где их уже бросали один раз, в Берлине никто их не только не ожидал, но там уже почти не было русских. Главное Казачье Управление во главе с ген. П.Н.Красновым уже давно выехало из Берлина и находилось в это время в Казачьем Стане.

Прожив в одном немецком отеле несколько дней и посмотрев

на весь ужас, который творился там, в связи с подготовкой немцами сдачи Берлина большевикам, они решили вернуться опять в Казачий Стан, к неудовольствию Доманова и Раткэ. Это было последним издевательством Походного Атамана, генерала Доманова, над тремя несчастными, больными и беззащитными женщинами.

Семья полковника С.В.Павлова, оставаясь до конца в Казачьем Стане, разделила участь всех казаков. Бросив последнее имущество в Италии, они пешком через горы, по колени в снегу, попали в Австрию. Там они, к их счастью, жили не в лагере, как большинство казаков, а на частной квартире, вдали от лагеря, и это спасло их от общей выдачи казаков. Сведения о последних днях пребывания семьи полк, С. В. Павлова в Казачьем Стане г. Адмиралов получил непосредственно от этой семьи, после их чудесного спасения от выдачи в Лиенце.

На этом г. Адмиралов заканчивает свои воспоминания, приводя с спокойной совестью Римскую пословицу: Feci, quod potui, faciant meliora potentes, т. е. сделал, что мог… Бог судья всем этим «героям», приведшим казаков к Лиенцевской трагедии. Если-бы эти «герои» были простыми смертными, то о них можно было-бы не говорить и забыть о их существовании, но все эти лица желали попасть в Историю казачества. Так пусть-же История разсудит их, а казаки путь знают своих истинных героев, положивших свою жизнь в жертву за свободу и честь Дорогой России и Родного, Тихого, Дона.